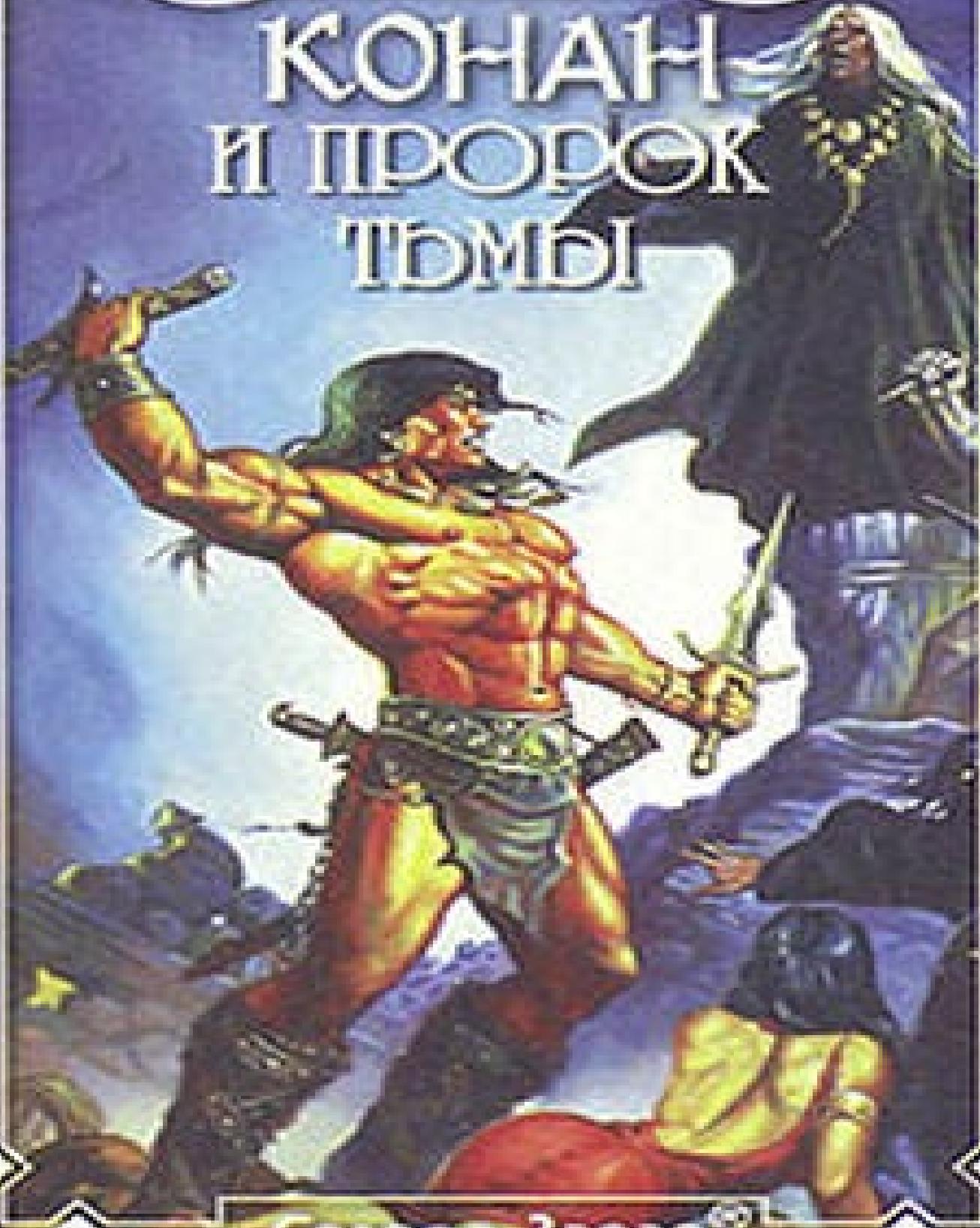

КОНАН И ПРОБОК ТДМЫ!

Северо-Запад

Annotation

Конан приезжает на турнир на севере Немедии и ввязывается в местные колдовские разборки.

- [Тим Доннел](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ГЛАВА 18](#)
 - [ГЛАВА 19](#)
-

**Тим Доннел
Подземелья Редборна**

ГЛАВА 1

Лес сплошной стеной вставал перед одиноким путником, и дорога, до сих пор такая широкая и надежная, здесь, в сумрачной тени вековых сосен и елей, казалась узкой стежкой, готовой разбежаться на мелкие тропки и затеряться среди невысоких лесных трав и колючих кустов, покрытых спелыми красными ягодами. Однако всадник, неспешно углублявшийся в лес, похоже, неплохо знал путь. Он ехал, отпустив поводья, с удовольствием осматриваясь по сторонам и полной грудью вдыхая живительный лесной воздух.

Яркие блики нежаркого солнца, сумевшие все же пробиться сквозь густую завесу ветвей, золотистыми пятнами трепетали на заросших травой колеях. Могучий жеребец неслышно ступал по мягкой земле, а всадник успевал на ходу сорвать несколько душистых ягод со склонившихся над дорогой кустов. Этот лес, через который пролегала его дорога, был так похож на густые леса его родной Киммерии, что временами он даже забывал, где он и куда направляется.

Суровое лицо всадника озарялось мягкой улыбкой, когда он отправлял в рот очередную горсть ягод, их знакомый с детства вкус будил у путника воспоминания о родных краях. Яркие голубые глаза под густыми бровями, в минуты гнева ослепительно сверкающие, устрашая врагов светом ненависти, сейчас глядели мирно и мягко, как будто видели перед собой женщину или ребенка. Непокорные черные волосы рассыпались по плечам, скрывая от глаз мощную шею.

На вид всаднику можно было дать лет тридцать, но многочисленных рубцов и шрамов, покрывающих руки и лицо, хватило бы трем убеленным сединами воинам, чтобы вечерами, за кружкой доброго вина, с гордостью рассказывать о своих славных подвигах. Шрамы не портили, а, скорее, подчеркивали гордую и мужественную красоту его лица: твердые властные губы и энергичный подбородок говорили о не знающей сомнений внутренней силе и непреклонной воле. Это был воин, бродяга, искатель приключений, для которого весь мир — дом, но который нигде не задержится надолго.

Добротная и удобная дорожная одежда, защищавшая от жары и холода его могучее выносливое тело, пара кожаных сумок с припасами, притороченных к седлу огромного вороного жеребца, широкий меч, видневшийся из-под плаща и пара кинжалов на поясе — все говорило о

том, что путник — человек бывалый.

Конан — так звали всадника, пробирающегося в одиночку по густому лесу — тряхнул головой, вытер руку о край туники и пришпорил медленно шагавшего коня. Нет, это еще не Киммерия, конечная цель его пути, но до нее отсюда не так уж и далеко... Кроме того, в этих краях у него были еще кое-какие дела.

Несколько дней назад он покинул Бельверус, немедийскую столицу, и сейчас направлялся прямой дорогой в северное герцогство Бергхейм. Кончалось лето, и приближался праздник Изобилия Митры. А у Конана были причины попасть в Мэнору, главный город герцогства, именно накануне этого праздника, и теперь, вспомнив об этом, он весело улыбнулся, сверкнув зубами, и снова пришпорил коня.

Поглощенный своими мыслями, киммериец некоторое время скакал, не замечая ни солнечных бликов, ни кустов со спелыми ягодами, ни птичьих голосов в кронах деревьев, как вдруг какой-то звук, совершенно чуждый этому лесу, привлек его внимание. Вот опять раздался этот странный звук, отдаленно напоминающий человеческий голос, и снова, уже ближе... Конан пустил коня шагом, осторожно приближаясь к кому-то, кто шел или ехал по тропе там, впереди, и хрипло что-то выкрикивал, время от времени замолкая.

Вскоре перед Конаном замаячил круп гнедой лошади, не спеша шагавшей по лесной дороге. Всадник, небрежно державшийся в седле, ехал, бросив поводья и безжалостно терзая струны эрты. Ее дребезжащее треньканье, как видно, вполне его устраивало, и он, то умолкая, чтобы отдышаться, то набрав полную грудь воздуха, вопил на весь лес:

... Лишь месяц взойдет —
Я к тебе тороплюсь,
Только надо сначала выпить!
Когда время придет,
На тебе я женюсь,
Только надо сначала выпить!
Чтоб детей прокормить,
Я работать начну,
Только надо сначала выпить!
А как жизнь проживу,
Я в могилу сойду,
Только надо сначала выпить!..

Проорав последние слова, путник, видимо, решил, что хоть смерть еще и не пришла, но выпить все равно не помешает, и стал нашаривать за спиной кожаную флягу с вином. Лошадь, как видно, хорошо знавшая привычки хозяина, остановилась, и Конан, подъехав к чудной парочке почти вплотную, с интересом разглядывал незнакомца.

Это был рыжеволосый круглицый горожанин, не бедный, судя по его когда-то щегольскому зеленому плащу и мягким сапожкам с верхом из тисненой кожи. Рубаху из тонкого полотна и коричневую кожаную безрукавку сплошь покрывали бесчисленные жирные пятна и подтеки от красного вина. Добротные штаны из дорогой ткани также носили на себе немало следов разгульной жизни своего хозяина. Конану хорошо был знаком этот тип людей: сегодня в кошельке есть монеты — значит, можно выбросить все старье и приодеться не хуже всех тех, кто дерет нос на главных улицах... А потом, хлебнув винца, просыпается такой щеголь поутру в канаве и идет в харчевню пропивать остатки монет...

И эту ночь он провел, наверное, где-нибудь в стогу из рыжих всклокоченных волос во все стороны торчали соломинки, а помятое лицо не оставляло сомнений, что подружкой на душистом ложе ему служила все та же кожаная фляга...

Почувствовав наконец на себе чужой любопытный взгляд, незнакомец круто обернулся, зажав под мышкой старенькую эрту и неловко пытаясь вытащить меч, застрявший в ножнах. Его сердитые прозрачно-серые глаза встретились со смеющимися голубыми глазами Конана.

— Ну, чего уставился, проезжай, что ли! Дорога широкая, объедешь! — Ему, как видно, не очень хотелось предаваться любимому занятию на глазах незнакомого путника, но Конан не торопился вперед:

— Я, может, нарочно спешил за тобой, чтобы послушать, как ты поешь! Э-э-э, да у тебя еще и эрта в придачу, то-то я слышу — прямо небесная музыка раздается по всему лесу!

Незнакомец тряхнул лохматой головой, оставил свой меч в покое и с гордостью достал из-под мышки эрту:

— Да, моя маленькая подружка помогает мне сократить самый долгий путь! И песен я знаю столько, что мог бы не умолкая обойти всю Немедию!

— Лишь бы фляжка за спиной не пустовала, а?! — И Конан лукаво подмигнул, подтолкнув его коленом.

Лошади спокойно шли рядом, и путники, почувствовав неожиданную симпатию друг к другу, которая часто возникает у людей, едущих длинной дорогой в одну сторону, с облегчением рассмеялись. Рыжеволосый, решив, что с этим попутчиком можно не церемониться, достал флягу, ласково

похлопал по двум другим, болтавшимся с другой стороны седла, и нетерпеливо приложился к горлышку. Вино с бульканьем стало перетекать из одной обширной емкости в другую, не менее обширную. Утолив жажду, он вытер губы и, глядя на Конана умиротворенным взглядом, протянул ему флягу:

— Освежись, если хочешь! И поверь — если угощает Рыжий Бёрри, то вино будешь пить превосходное! У меня всего две слабости — хорошее вино и хорошая лошадь!

Конан засмеялся, похлопав его по плечу, и показал на эрту, висевшую теперь у весельчака за спиной, наподобие лука:

— Ну, нет, у Рыжего Бёрри не две, а три слабости — вино, лошадь и хорошая песня — разве я не прав?!

— Да, незнакомец, как я мог забыть мою маленькую подружку, мою эрту с серебристым голосом утренней птицы! Слушай, я тебе сейчас сыграю! — и он, путаясь в складках плаща, стал было доставать инструмент из-за спины.

Конан, уже видевший, как он безжалостно терзает тугие струны, поспешил отвлечь внимание спутника, отхлебнув из фляги добрый глоток вина, и довольно хмыкнул:

— Ого, а винцо, винцо-то у тебя каково! Из королевских погребов, что ли?! В харчевнях ничего подобного не подают, да и в лавках я такого не пробовал!

Тут же забыв про несчастную эрту, Рыжий Бёрри круто повернулся к Конану:

— Слушай, попутчик, скажи, как тебя зовут, и дай мне флягу — я хлебну за твое здоровье! Вот уж сказал так сказал! Не в бровь, а в глаз! Именно что из королевских! Ну? давай флягу! Как тебя там?..

— Я — Конан, приятель, Конан-киммериец!

— И так вижу, что киммериец! Что ж, Конан, твое здоровье, и дай тебе Митра всегда видеть то, что видно, и еще то, что за этим! — И вино снова весело забулькало, наполняя бездонную утробу.

Наконец, несколько раз перейдя от одного к другому, фляга, изрядно похудевшая, обрела покой, привязанная к седлу, и всадники, в наилучшем настроении, продолжили путь. Рыжий Бёрри не мог сидеть в седле спокойно, он ехал, бросив поводья, предоставив лошади самой выбирать дорогу, а сам размахивал руками, крутился, вертелся и разве что не сползл кобыле под брюхо, заваливался ей на шею — можно было подумать, что он ерзает на трактирной лавке, а в штанах у него — колючка. Лошадь же невозмутимо шла вперед, аккуратно переставляя стройные ноги, обходя

ямы и кочки, и ее совершенно не смущал веселый седок, то и дело вцеплявшийся в шелковистую гриву.

— Слушай, Бёрри, ну и лошадка у тебя! Смотрю я и удивляюсь, как это она до сих пор терпит твои выкрутасы! По моему разумению, ей давно стоит тебя скинуть, да и дело концом!

— Ишь сказал! Скинуть! Это чтобы моя-то Зольда, голубка, девочка моя любимая, скинула своего непутевого Бёрри — да быть того не может! Не-е-е, приятель, сколько угодно жди — не дождешься! Ха, скинуть! Вот ведь шутник! — И он нежно похлопал кобылу по гордой шее.

Та тихонько заржала в ответ на ласку и встряхнула головой, звякая удилами. Тонкие ноги все так же мерно шагали по дороге, и Рыжий Бёрри теперь важно и спокойно восседал в седле.

— А знаешь, как она ко мне попала, звездочка моя?! Я никому об этом не рассказывал, все думают, что купил, когда был при деньгах. Ну, при таких деньгах, чтобы купить добрую лошадь, я, положим, никогда не был. Деньжата, правда, водились, но не ахти какие... Эх, Зольда, постой, надо выпить за тебя! — И он опять потянулся к фляге.

Лошадь послушно замерла, изредка встряхивая золотистой гривой.

— Ну, Зольда, чтоб нам вовек не расстаться! — И он с жадностью присосался к фляге. — На, киммериец, хлебни и ты за мою Зольду, за своего вороного, за всех славных лошадок! — На его светлых глазах блеснула слеза, скатилась на красный вспотевший нос и капнула на штаны.

Лошади снова пошли рядом, а он, покашляв и пошмыгав носом, начал:

— Да, приятель, такая вот вышла история... Всяко мне в жизни промышлять доводилось, бывало, и песни попоешь, и кошелек где свистнешь, но вот коней красть не приходилось. Не чувствовал никогда в себе такой ловкости. Знал: если попробую — то сразу и попадусь... Каждый свое должен делать, мое — это песни петь да байки рассказывать... Ну, так что с моей Зольдой? Ведь украл я ее, все-таки украл! Или она сама укралась? До сих пор не пойму. Однажды я сидел себе на постоялом дворе, пил вино и ждал вечера, чтобы, когда соберется побольше народу, побренчать на моей эрте, спеть несколько старинных песен да рассказать про похождения славного разбойника Карраса и его товарищей, как вдруг на улице застучали копыта, послышалось ржание, громкие голоса, и хозяин сломя голову кинулся во двор. Ох и бестия был, за целую лигу поживу чуял!

Ну, как я и думал, ввел он в зал, без передышки кланяясь, четверых богато одетых путников. Служанки сразу кинулись накрывать им стол перед очагом, а уж нам пришлось потесниться. Одно слово — господа...

Я сразу понял, что сегодня мне здесь не петь. Господа оказались хмурые, важные, ели молча и почти не разговаривали. Хозяин метался как ошпаренный, готовил им лучшие комнаты, а я потихоньку допил свое вино, прихватил с соседнего стола жареную утку и под шумок выбрался во двор. Ах, Митра, что я там увидел, во дворе! Слушай, давай еще по глоточку, а?! — И фляга, плеща остатками вина, снова пошла по рукам, освежая пересохшие рты.

Конан ехал рядом с Рыжим Бёри и радовался незатейливой болтовне нежданного попутчика. Хорошо рассказывает, и вино у него доброе, лишь бы только не пел!

— Да, так о чем я говорил? А, вспомнил — во дворе у коновязи стояли четыре лошади. Хозяйские мальчишки сутились около кухни, а я стоял и разинув рот любовался на лошадок. Вернее, на нее... Слушай, киммериец, ты влюблялся когда-нибудь в женщину сразу, с первого взгляда, чтобы как удар молнии: бах-таратах — и готово, на всю жизнь?!

— Ну, бывало и с одного взгляда, но чтобы на всю жизнь...

— Ничего, раз все-таки бывало, значит, поймешь. Вот эта самая лошадка, эта проказница, — он любовно потрепал кобылу между ушами, — смотрит на меня так нежно, так призывающе и мордой ко мне тянется, а я, дурак, подхожу к ней все ближе и ближе... В голове шумит, уже сам не соображаю, что делаю. Короче, отвязал я повод от коновязи прямо среди бела дня, на глазах у шныряющих мальчишек. Ну, и что дальше? Взять ее за уздцы и вести? Честно говоря, хотел, но побоялся. Гости — с ног до головы в оружии, догонят — изрубят в капусту. Тут на крыльце вышел хозяин и заорал: «Эй, Климе, Жедир, бездельники, быстро поймайте на лугу пару гусей да заведите лошадей в конюшню! А то сначала я, а потом и господа с вас шкуру спустят! А ты чего стоишь, горластый? — Это он мне, жирная скотина! — Давай проваливай, сегодня не до твоих песен! Господа устали, хотят тишины!»

И он опять ушел в харчевню.

Ну, я так обозлился, что забыл и про лошадь, и про повод и, ругая хозяина последними словами, поплелся по улицам искать другой постоялый двор. Отшел уже довольно далеко, вдруг слышу: сзади постукивают копыта, будто кто-то не спеша едет на лошади. Я посторонился, обернулся и — о боги, это она, моя красавица! Подошла и остановилась, смотрит, словно верная жена! Ну, я скорей верхом и дай бог ноги из этого городишкы! Вот так с тех пор и не расстаемся. Она у меня прямо как нянька. Если я перебрал и из седла валюсь — сама меня на постоялый двор довезет или под куст какой-нибудь... Так-то, брат... И он

снова захлюпал носом.

Солнце клонилось к закату, вершины деревьев позолотили его последние лучи, а внизу, у корней, уже сгостились вечерние тени. Конан, внимательно глядываясь в заросли по краям дороги, спросил притихшего Бёрри:

— Похоже, ты не первый раз едешь этим путем? Как тут у вас — спокойно? Или твои славные разбойнички промышляют в лесах, отдаленных от столицы?

— Раньше, при старом герцоге Дарсино, бывало, нападали. В герцогство из столицы приходилось пробираться большими обозами, в полном вооружении. Даже король ничего не мог поделать — леса как были, так и оставались опасными. Когда старый герцог умер, его сын, молодой герцог Оргельд, живо навел везде порядок — сторожевые вышки понаставил, конные патрули завел, чуть где неспокойно — из Мэноры высыпались большие отряды... Ну, вот везде и стало безопасно... Я уже который год езжу из Бельверуса на праздник Изобилия Митры — и ни разу никого не встретил, я имею в виду разбойников...

— Сколько нам еще ехать до Мэноры? Вон уже темнеет, а лесу еще конца не видать. Пора бы и отдохнуть, я думаю!

— Подожди немного, скоро тут в кустах обозначится тропочка... Ага, вот же она, чуть не проехали! Давай за мной, есть здесь одна полянка — я на ней всегда останавливаюсь!

И, треща ветками кустов, Бёрри полез, как показалось Конану, напролом через густые заросли и невысокие папоротники.

Но это и в самом деле была тропинка, что вывела их на небольшую поляну со старыми следами кострища, обложенного по кругу камнями. Вокруг трех росших совсем рядом сосен виднелось что-то вроде шалаша, тоже давно заброшенного.

— Ну, что я тебе говорил, друг Конан! Все так, как я оставил в прошлый раз! Вот здесь привяжем коней, а для нас — зеленый дворец, только надо его подновить маленько... Ты давай тащи папоротники, а я наломаю веток. — И он легко соскочил с лошади, как будто и не прикладывался целый день к своей бездонной фляге.

До темноты они успели привести в порядок шалаш, подкинуть лошадям по охапке травы, и вскоре уже сидели у костра: Конан — задумавшись о своем, а Рыжий Бёрри — тренькая на своей эрте.

ГЛАВА 2

Конан неплохо знал Немедию, но здесь, на севере, в окруженному густыми лесами небольшом герцогстве Бергхейм, оказался впервые. Новые места, незнакомые города всегда возбуждали его любопытство, и он с жадностью присматривался ко всему, впитывая впечатления и откладывая увиденное в цепкой памяти. Сейчас он невольно сравнивал то, что увидел в пути, с окрестностями Бельверуса, немедийской столицы. Видно было, что нынешний герцог завел у себя порядки на манер столичных, и когда-то захудалая провинция теперь поражала разумным обустройством. Дороги, ведущие к городу, были кое-где даже замощены, не давая весенней или осенней распутице отрезать Мэнору от сердца страны — Бельверуса и других городов.

Отряды вооруженных стражников, несколько раз промчавшиеся мимо путников, подтверждали слова Бёрри о безопасности здешних дорог. Харчевни и постоянные дворы радовали опрятностью и дешевизной — рыжий выпивоха рассказал, что раньше хозяева драли с путников три шкуры и тем, кто победнее, нередко приходилось ночевать под кустом, на радость ворам и разбойникам.

Широкая грунтовая дорога пересекла небольшой ручей с добротным деревянным мостом, охраняемым двумя скучающими стражниками, а на другом берегу совершенно преобразилась. Подковы лошадей звонко застучали по гладким камням, плотно пригнанным друг к другу. Сразу стало веселее, и всадники невольно начали поторапливать лошадей, чувствуя, что до Мэноры уже совсем недалеко.

— Вот что значит Королевская дорога! Несколько лет назад сам король почтил приездом молодого герцога, прибыв на праздник Изобилия Митры. Даже в самом Бельверусе храмовые праздники не заканчиваются рыцарскими играми, только здесь, в Мэноре! Хочешь, я угадаю, зачем ты едешь в город? — Бёрри лукаво покосился на своего могучего спутника.

— Да ты, плут, давно уже все угадал! Зачем еще может ехать в Мэнору воин накануне такого праздника? А вот сам-то ты почему каждый год гоняешь свою драгоценную Зольду по темным лесам?

— Ну, тут тоже нетрудно догадаться! Я же тебе говорил, что знаю уйму песен и сказаний! А рыцари накануне боя, а еще пуще после любят посидеть за кружкой крепкого вина и послушать о чужих славных подвигах... Я каждый год увозжу отсюда пару полных кошельев, и хвала

Митре, что дороги теперь безопасны! Ну, вот мы и подъезжаем — готовь монеты, стражи здесь шутить не любят!

Слушая болтовню Бёрри, Конан уже давно поглядывал на выраставшие перед ними мощные стены. С высоких дозорных башен, в честь приближавшегося праздника, свешивались длинные пестрые вымпелы с герцогскими гербами. Время от времени сверкала алебарда и мелькал шлем часовного, прохаживавшегося по гребню крепостных стен. Крепость опоясывал широкий ров с мутной зеленоватой водой. Подъемный мост был опущен, и по нему грохотали телеги крестьян, полные овощей, фруктов, дичи — в город на базар, и пустые — обратно в деревни, за новым товаром. Видно было, что торговля идет здесь очень бойкая.

Конан сразу понял, что Мэнора — город сильный и богатый. Значит, он не зря сюда приехал, и раз уж сам король когда-то посетил праздник Митры, то и ему здесь будет на что посмотреть. И, может быть, показать... Конан тряхнул головой и весело усмехнулся.

Из задумчивости его вывел знакомый голос, без труда заглушивший шум толпы у ворот и скрип повозок:

— Давай-давай, поспевай за мной, я тебя сейчас в такое местечко приведу — век будешь благодарить судьбу за встречу с Рыжим Бёрри!

Конан, лавируя и уворачиваясь, проскочил между двумя телегами и поспешил за мелькавшим впереди крупом гнедой кобылы и лохматой рыжей головой, ярко выделявшейся в толпе. Вскоре они свернули на спокойную уличку, застроенную небогатыми домами, и поехали рядом.

— Постоялых дворов здесь много, но не всякий нам годится! Первое — вино должно быть хорошим, второе — чтоб хозяин был не пройдоха, и третье — чтоб девчонки были на подбор...

— Ну, с такими замашками ты и в Бельверусе вряд ли найдешь пристанище! Ишь чего захотел — хозяин харчевни, да не пройдоха! Такого не бывает на свете, или я ничего не смыслю в постоялых дворах! Да еще и вино, да еще и девчонки! Кстати, ты мне так и не рассказал, откуда у тебя было это винце замечательное, которое мы вчера допили. Ты вроде говорил — из королевских погребов?

— Ну, это долгая история... Как-нибудь расскажу. А пока — вот оно то, что нам надо! Постоялый двор «Старый Лис»! Прошу любить и жаловать!

Конан оглушительно расхохотался, откинувшись в седле:

— Ох, уморил! «Старый Лис»! Хозяин — честный человек, не пройдоха! Старый честный Лис хо-хо-хо! Ну, Бёрри, ты и шутник!

Отсмеявшись, он взглянул на ухмылявшегося Бёрри, а тот рукой

показал на верхний угол позолоченной вывески. Над толстой рыжей лисьей мордой, изображенной на лазурном фоне, красовалась причудливая надпись: «Старый Лис», а еще выше сверкала небольшая герцогская корона.

— Кром, такого я еще не видел! Чтоб какая-то харчевня, постоялый двор на самой окраине города находился под герцогским покровительством! Нет, Бёрри, мы вчера, наверное, перебрали, и я до сих пор еще толком не проспался!

Конан все еще изумленно таращился на вывеску, а его вороной, чувствуя близкий отъезд, нетерпеливо постукивал копытами и прял ушами, торопя своего хозяина. Рыжий Бёрри постучал в ворота, которые тут же гостеприимно распахнулись. Они въехали во двор, кое-где заросший невысокой травой, спешились, передав поводья подбежавшим слугам. На крыльце не спеша вышел важный хозяин, когда-то, несомненно, такой же рыжий, как Бёрри, а сейчас сверкавший на солнце потной лысиной с остатками рыжих вихров за ушами.

Как только он увидел Бёрри, всю его важность как ветром сдуло.

— Наконец-то! Наконец-то ты здесь! Как я тебе рад, старина, ты и не представляешь! Эй, ребята, Зольду — в дальнее стойло, и овса ей побольше!

— Слушай, Лис, я на этот раз не один, а с приятелем, так что ты уж и его прими, как меня или как герцога, на худой конец!

— Ах ты, разбойник, все у тебя шуточки! Ну, ладно, ладно! Ведите вороного в конец конюшни — и тоже овса побольше! Ишь какой красавец! — И он с видом знатока похлопал жеребца по крутой шее.

Конан, улыбаясь, слушал разговор и с интересом разглядывал хозяина, честного плуга. Он, как и Бёрри, ему почему-то сразу понравился. Чем-то они были похожи: оба рыжие, круглицы и, несомненно, каждый себе на уме. Хозяину самому очень подходило название его постоялого двора — «Старый Лис». Толстый, лысый, с щелочками черных плутовских глаз, он не казался старым, но если присмотреться внимательней, то становилось заметно, как время избороздило неглубокими морщинами его лицо, как спокойно и мудро временами смотрят маленькие глазки.

Он казался настоящим щеголем, хотя одет был в простые штаны из зеленой добротной ткани, свежую рубаху из тонкого полотна, распахнутую на жирной груди. Но уж очень ладно выглядели на нем короткие сапожки из светло-коричневой мягкой кожи, шелковый пояс с кистями, туго охватывающий толстый живот, массивная золотая цепь, поблескивающая на мощной шее.

— Заходите же, заходите! Бёрри, ты, конечно, как всегда, для начала — в уголок, а?!

— Похоже, ты мои привычки знаешь лучше меня! Вот за что люблю так люблю!

— А я, дружок, помню привычки всех своих постоянных гостей, иначе мне тут делать нечего! Ты вот песни свои поешь, ни одной ведь за год не забыл, верно? Ну, а я привычки твои помню. По мне, что ты, что знатный нобиль — все одно: вы мои гости! Бочка с лучшим вином у меня одна, да и ягнята все одинаковы!

За разговорами путники и не заметили, что проворные девушки уже уставили стол закусками и кувшинами. Вскоре подоспело и жаркое, оказавшееся на редкость вкусным и умело приготовленным.

Хозяин отошел, занявшись другими посетителями, а Бёрри поскорее налил вина в большие серебряные кубки. Утолив первую жажду, он, зажмурившись, с удовольствием покрутил головой, налил себе еще и сказал:

— Что я тебе говорил?! Где еще тебе подадут герцогского вина да еще поставят на стол серебряные кубки? Только здесь, и только для нас с тобой... Да еще, может, для герцога, если он снова захочет вспомнить молодость! Ну-ка, подвинь мне барашка — я мечтал о нем целый год и сейчас один опустошу целое блюдо! Так что не зевай, киммериец!

Конану было очень любопытно узнать, почему и Бёрри, и хозяин постоянно упоминают герцога, но заразительный пример приятеля и быстро убывающее жаркое заставили его отвлечься от посторонних мыслей. В конце концов, герцог никуда не исчезнет, а вот вино и барашек... Вскоре пустые блюда на их столе опять сменились полными, появились новые кувшины с вином, а они все сидели, наслаждаясь звоном кружек, громким смехом веселой компании за длинным столом посреди зала, запахами горящих смолистых поленьев, жареного лука и густым ароматом отличного вина. Наконец оба откинулись на спинки скамей, обводя харчевню один — сытым и благосклонным, другой — сытым и любопытным взглядом.

Конан привык, что, подняв глаза, увидит в любой харчевне жирный закопченный потолок и почерневшие балки. Но здесь не обнаружил над своей головой ни следа копоти и грязи. Потолок между темными балками из благородного дуба оказался свежевыбелен, отчего все помещение казалось выше и просторнее. На стенах рукой явно полуptyяного художника были безыскусно, но очень живо намалеваны сцены охоты и рыцарских игр. Краски ярко горели в лучах солнца, сквозившего сквозь узкие оконца с

мелкими стеклами, забранными в фигурные медные переплеты.

— Куда это ты меня привел, Бёрри? Да я тут половину кошелька оставлю! Такие харчевни не для нашего брата, а разве что для знатных рыцарей!

— Ха, для знатных рыцарей! Ты только что разглядывал этих знатных рыцарей там, за большим столом! Они что, выглядят богаче нас, что ли?

Конан присмотрелся внимательней: действительно, компания, про которую говорил Бёрри, ничем особенным не отличалась — лохматые головы, поношенные штаны, рубахи из грубого серого полотна, оружие в потертых кожаных ножнах... Зато их веселья хватило бы на целый королевский пир. Оттуда только и слышалось:

— Эй, Лис, присядь-ка с нами! Кружечку за тебя и твое заведение!

— Лис, дружище, вели еще кувшинчик! И барашка! У нас сегодня удачный день — все продали без остатка!

— Девчонки, девчонки, не убегайте, посидите с нами, а то без вас и винца не сладко! Ха-ха-ха!

Приближался вечер, и гостей становилось все больше. Были тут и торговцы, приехавшие издалека и остановившиеся у «Старого Лиса», и жители соседних улиц, которых каждый вечер тянуло сюда видение полных кувшинов и дымящихся блюд, а особенно — хорошеных пухлых служанок, со смехом уворачивающихся от шлепков и поцелуев.

Несколько стражников, звеня алебардами, ставили оружие в уголок, чтобы поудобнее усесться за стол, перед тем как заступить в дозор по вечерним улицам.

Вскоре харчевня была полна народу, девчонки и несколько расторопных поварят так и мелькали между столами с кувшинами и закусками. Все шло своим чередом, и Старый Лис, осмотрев свои владения и сочтя, что все в порядке, направился к дальнему столу в уголке зала.

— Ну, приятель, смотри — сам Лис к нам идет! Эх, и соскучился же я за год по старику и его харчевне! Если бы не моя проклятая неугомонность — тут бы и осел, попивая его винца и толстяя от его стряпни! Да дело в том, что у меня без счету таких приятелей, и везде надо побывать... Ну, сейчас он с нами выпьет, а ты давай спрашивай про герцога — вижу ведь, что любопытство тебя так и распирает! Спрашивай, спрашивай, уж о чем о чем, а о герцоге Лис поговорить любит!

Бёрри успел ухватить за подол хорошеную девчонку и, легонько хлопнув ее по заду, потребовал третий кубок для хозяина. Сверкнув глазами и заулыбавшись, она, юркая, как птичка, быстренько куда-то слетала, и, когда Лис наконец до них добрался, третий кубок уже красовался на столе.

Девчонка оказалась сообразительной и принесла заодно еще и новый кувшин вина.

Лис, улыбаясь, сел на лавку рядом с Бёрри, напротив Конана, и выразительно посмотрел на пустые кубки:

— Бёрри, мой мальчик, еще солнце не село, а ты уже утомился? Не узнаю, не узнаю! И друг твой, по виду крепкий молодец, сидит с пустым кубком и разглядывает потолок — да это позор для «Старого Лиса»! Как тебя зовут, сынок? — спросил он у Конана, придвигая к себе кувшин.

— Мое имя — Конан, отец! И прости, что смотрел не на то, на что надо! Значит, действительно, мы с Бёрри слишком увлеклись баражком, а слишком сытная еда всегда заставляет почему-то смотреть на потолок, а не на девочек! Позволь, я наполню кубки!

— Нет, парень, теперь моя очередь наливать вино. Ты прав, баражка нужно есть, не забывая надолго о кубке. Я вижу, ты понимаешь толк в хорошем угощении! Бёрри, где ты подхватил такого славного парня? С ним приятно и поговорить, и выпить!

— А когда это я, старый плут, приводил к тебе плохих гостей? Вспомни, в прошлом году с кем я пришел? Забыл, правда, как зовут, но ведь тоже был парень хоть куда! Хотя на третий день чуть не сломал мою эрту, когда сам вздумал петь, но ведь не всякому дано... Зато пил он знатно!

— Я впервые в Мэноре и очень рад, что попал в твою харчевню, на твой постоянный двор! Выпьем, хозяин, чтобы он процветал и чтобы всякие герцоги — кстати, ты расскажешь мне о короне над входом? — да, и чтоб всякие герцоги почаше выходили из своих дворцов и захаживали сюда!

— Ну, Бёрри, что за молодец этот Конан! Как сказал-то — «... чтоб почаше захаживали!» Самую суть понял, еще ничего не зная! Ведь ты ему не говорил?

— Нет, Лис, не говорил, только ты можешь рассказать эту историю как следует, и вон он как ждет, посмотри, даже глаза загорелись! Нет, пожалуй, нам нужен еще кувшинчик! Эй, красавица, быстренько неси кувшин — или лучшие сразу два! Здесь скоро начнется засуха!

— Да, так вот, значит, герцог... Ну, сначала за его здоровье! — И хозяин осушил кубок.

Конан и Бёрри немедленно последовали его примеру.

— Это случилось давно, лет пятнадцать тому назад, когда еще заправлял здесь мой батюшка, отстроивший этот постоянный двор. Я тогда был довольно молод — мне и пятидесяти еще не исполнилось — и ходил в первых задирах и гуляках в Мэноре. Батюшка, помню, даже тревожился, что мне проломят лихую голову в какой-нибудь стычке и останется он без

наследника. Все грозил мне дубиной и наказывал быть осторожнее... Ну, с годами я, конечно, остыл, да речь сейчас не об этом...

Однажды, когда мне не удалось улизнуть из харчевни и пришлось помогать служанкам разносить вино, зашел к нам и остановился у порога бедно одетый юноша. На него никто и не посмотрел, кроме меня — а я вдруг остановился с кувшином, как вкопанный, и забыл, куда бежал. Ну, когда батюшка подтолкнул меня коленом пониже спины — тогда опомнился и отнес кувшин. А парнишка все стоит у двери, осматривается, а войти не решается.

И что вдруг меня так к нему потянуло? Ведь вроде ничего особенного — светлые волосы до плеч, серые удивленные глаза, румяные щеки, на голове — старая шляпа без пера, поношенный плащ, дырявые сапоги... И сразу видно, что в харчевнях он никогда не бывал! Встретились мы с ним глазами, и юнец, улыбнувшись, сказал: «Мне бы хотелось выпить вина... И поесть чего-нибудь — я с утра не ел...»

Другой бы просто растолкал гуляка, сел на лавку и крикнул: «Эй, кто там! Поесть и выпить!» — а этот... Я сразу почуял, что здесь что-то не так.

И вот усадил я его за этот самый столик, принес вина и жареного гуся с капустой — как сейчас помню! И стал этот мальчик есть... Ну, тут я все и понял: наверное, удрал он от богатых родителей и пошел по свету приключений искать. И добрел до первой в жизни харчевни. Так я ему тогда прямо все и выложил. И вдруг он как расхохочется! Всю его робость как ветром сдуло! Посмотрел он по сторонам, увидел, как простые люди с дичью и вином расправляются, хлопнул меня по плечу и сказал: «Ну, видно, сам Митра привел меня в эту харчевню! Ты-то, плут, мне и нужен! Сейчас выпьем еще вашей кислятины, доедим этого тощего гуся — и ты пойдешь со мной на лужок, тот, что позади вашего постоянного двора. Я желаю с тобой поговорить! Ну, это ж надо — он желает со мной поговорить! Я чуть не захлебнулся вином от смеха, но на лужок все-таки пошел: что-то в нем было такое, что заставило меня повиноваться...

Сели мы там на травке за кустом, чтобы отец мой не увидел, и юноша начал говорить, а я как раскрыл рот, так и не смог закрыть, пока он не закончил. Да, никогда не знаешь, когда боги пошлют счастье, а когда напасть... Ведь это оказался не какой-то шалопай, из тех, что с жиру бесятся, а сын самого герцога! Единственный сын, наш нынешний повелитель... Бёрри, ты слышал эту историю уже много раз, так что тебе непростительно забывать про кубки! Видишь ведь — у старика в горле пересохло, а сам сидишь и таращаешься на Синту! Никуда она не денется,

вся ночь у вас впереди!

Да, так на чем я остановился? Сидим мы, значит, на травке, а юноша мне рассказывает, что отец его, старый герцог, очень болен и жить ему осталось, наверное, недолго. И скоро уже ему, Оргельду, придется править герцогством. А из всяких старинных книг и легенд он узнал, что лучший правитель тот, кто не только на троне сидеть умеет, а сам доподлинно знает, что кругом творится, как простые люди живут и о чем думают... Короче, мудренький парнишка, но я его понял. «Да, — говорю, — господин герцогский сын, ты прав! На троне сидеть — тут задница нужна, а с народом ладить — это голову иметь надо!» Так мы и подружились. Сказал он, что придет назавтра, и ушел, оставив золотую монету. Это за нашего-то гуся! А когда я вернулся в харчевню, батюшка встретил меня с поленом. Ха, вот тут-то я и вспомнил, что уже не мальчик! Я сказал ему, что у меня появился богатый приятель и я буду с ним пропадать по несколько дней. Он опять с поленом — а я ему золотой. Ну, он и отстал, а когда потом я по секрету сказал ему, что за приятель, — и вовсе растаял. «Теперь, — говорит, — я за тебя спокоен! Ты — настоящий Лис, и да хранит тебя Митра!»

Ох и неугомонным же оказался этот мальчишка, молодой наследник Оргельд! Все ему надо было знать — и про дороги, и про разбойников, и кто чем промышляет... Облазили мы с ним за год все герцогство, это вдвоем-то, без всякой стражи! Потом он надолго исчез, как вдруг — известие: старый герцог умер. Ну, думаю, прощай, друг, больше не увидимся! — Старик перевел дух и уткнулся в кубок, остужая пересохшее горло.

Бёрри подмигнул Конану, ухмыльнулся и толкнул его под столом ногой. Конан с уважением смотрел на лысого старика, когда-то учившего юного герцога уму-разуму.

— Да, мы тут с Бёрри ехали по здешним дорогам, и я все удивлялся — порядок не хуже, чем в столице. Тут нужна железная рука и хорошая голова, а не задница, как ты верно заметил! Ну, теперь-то я знаю, кто истинный благодетель этого края — мудрый Старый Лис! За это надо выпить!

— Да, много я повозился с этим юнцом, но он все хватал на лету! Вот что значит — прирожденный правитель! Выпьем, потом я сбегаю на кухню, проверю, все ли там в порядке, и опять вернусь. Бёрри, смотри, чтоб кубки не пустовали, а то я подумаю, что ты стареешь!

Хозяин встал и, подходя то к одному, то к другому столу, здоровался с гостями, хлопая кого по плечу, кого по спине огромной ручищей с рыжими

волосами, а в конце концов скрылся за небольшой дверцей в противоположном конце харчевни.

— Ну, теперь его из кухни не скоро дождешься! Ладно, остальное я сам доскажу — старику не обидится!

Не забыл его молодой герцог, не забыл. Объявил, что берет его постоянный двор под свое особое покровительство, пожаловал Лису разрешение изобразить на вывеске герцогскую корону, погреба у него с тех пор ломятся от герцогского вина и дичи, а на кухне заправляет лучший ученик герцогского повара. Да и сам герцог иногда, по старой памяти, заглядывает сюда в драной шляпе, правда, за воротами его теперь ждет отряд стражников, но что делать — ему по-другому уже нельзя...

Они еще раз осушили кубки, и черноглазая Синта предложила им показать комнаты. Конан поднялся и пошел за ней, почувствовав острое желание растянуться на мягким ложе, а неугомонного Бёрри уже кто-то тащил в компанию, и он вытаскивал из-за плеча эрту.

Синта привела Конана в просторную чистую комнату с широким ложем, большим столом и парой резных стульев. На полу около ложа лежала хорошо выделанная медвежья шкура.

— Ты, красавица, принеси-ка сюда еще винца и скажи, чтоб тебя там скоро не ждали! Мы тут с тобой посидим, поболтаем о том о сем...

Девушка засмеялась, кивнула и побежала за вином. Конан не спеша снял плащ, пояс с мечом и кинжалами, сапоги. Ноги приятно щекотала густая медвежья шерсть.

А снизу, из зала, слышалось треньканье эрты и неожиданно сильный, густой баритон Рыжего Бёрри:

Добрый я не стану,
Это мне негоже.
Был отец разбойник —
Я разбойник тоже.
Добрый я не стану,
Не к лицу мне это.
Нет во взгляде темном
Ласкового света.
Есть лихое дело,
Есть рукам потеха...
При такой-то жизни
Доброта — помеха!

ГЛАВА 3

В этом году, как, впрочем, и всегда, летние дни накануне праздника Изобилия Митры стояли ясные и жаркие. Крестьяне радовались на редкость богатому урожаю, а горожане и ремесленники — обилию тепла и света.

Для Оргельда, молодого властителя Бергхайма, наступала самая любимая пора — приближался долгожданный праздник. В этот день нарядные горожане пестрой толпой высыпали на улицы Мэноры, собираясь на площади у храма. После торжественных обрядов и жертвоприношений сам герцог возлагал на алтарь Митры богатые дары, и тогда в городе начиналось веселье, длившееся до утра. А следующий день был днем начала Большого Турнира, любимого зрелища герцога Оргельда. К началу праздника в город стекались гости со всего герцогства, и даже из самого Бельверуса приезжали именитые рыцари, желая принять участие в знаменитом турнире. Наградой победителю служил меч с герцогским девизом, который давал право на получение особых милостей — титулов и поместий, а кроме того, великолепный конь из герцогских конюшень и полный боевой доспех из позолоченной стали удивительно тонкой работы.

Потом, после турнира, начинались бесчисленные балы, охоты, пиры и другие увеселения, которые, сменяя друг друга, продолжались, бывало, по две недели.

Герцогиня Лавиния не меньше своего владетельного супруга любила эти турниры. Вид сражающихся рыцарей наполнял восторгом ее горячее сердце, и она часто сожалела, что не родилась мужчиной — так хотелось ей самой сесть на коня и принять участие в этой кровавой забаве! И нередко случалось, что победитель, помимо герцогской награды, получал и еще один драгоценный приз — от прекрасной Лавинии.

Молодая герцогиня была такой же отважной и страстной на ложе любви, как ее избранник на поле боя. И рыцари, удостоившиеся подобной награды, на следующий год снова рвались в бой, чтобы опять заслужить ее благосклонность.

Интересно, кто на этот раз добьется победы? Герцогиня тихо засмеялась, вспомнив юного Брайна, столь неукротимого в бою и так неискушенного в любви. Тогда они на несколько дней уединились в глубине леса, в одном из многочисленных охотничьих приютов, пока герцог и все его гости пропадали в диких чащах, загоняя оленей.

Стоя у открытого окна, глядя вдаль, на зеленые холмы и темные рощи, молодая герцогиня с радостью думала о предстоящем празднике и турнире. Легкий ветерок, нежно играя выбившейся из прически темной прядкой, ласкал стройную шею, румянил щеки, манил туда, на простор. Ей хотелось чувствовать себя беззаботной, как птица, но какая-то тревожная мысль время от времени заставляла хмуриться брови, а только что улыбавшиеся губы складывались в горькую гримасу.

Она отошла от окна, сразу забыв и о юном Брайне, и о турнире. Дамы, стоявшие поодаль, заметили перемену в настроении госпожи и, повинувшись небрежному взмаху руки, заспешили покинуть покой Лавинии.

В последнее время герцогиня часто их отсылала, оставаясь наедине со своими невеселыми думами. С раннего детства все в ее жизни складывалось как нельзя удачно, и, несомненно, самой большой удачей стал ее брак. Герцог и герцогиня, молодые и прекрасные, были для народа олицетворением идеальной властительной пары: герцогом Оргельдом восхищались, его уважали за твердое и мудрое правление, а ее, герцогиню Лавинию, боготворили за красоту и живой веселый нрав.

До сих пор они с герцогом прекрасно понимали друг друга, закрывая глаза на маленькие слабости, неизбежные в жизни двора, и находя поддержку друг у друга в трудных ситуациях. А теперь — теперь все стало шатко и неопределенно, она, кажется, теряла доверие супруга и сама попадала в неприятную зависимость... И если бы здесь была замешана женщина — это она хоть как-то могла бы понять! Но то, что происходило сейчас, было так необъяснимо, так непонятно, омрачая ее собственную жизнь и тая угрозу для герцога...

Лавиния, кусая губы и комкая кружевной платок, быстрыми шагами ходила по комнате, не находя себе места. От недавних приятных мыслей не осталось и следа. Наконец она села в кресло, привычным жестом расправив тяжелые складки роскошного платья, такого же синего, как ее глаза. Герцогиня попыталась успокоиться, отгоняя тревожные мысли, но они камнем давили на сердце, а ненависть накатывала багровой волной, путая мысли.

Лавиния порывисто вскочила с кресла и вышла через распахнутую дверь на широкую, увитую зеленью террасу. Прохладный ветер, невесть откуда взявшийся в этот жаркий день, охладил ее пылающее лицо. Она прошлась по террасе, невидящим взглядом скользнув по каменным чашам с растущими в них кустами пышных роз и подошла к балюстраде.

Перед ней расстился прекрасный вид на окрестности Мэноры, вид, которым она ранее не уставала любоваться. Широкая долина, окаймленная

у горизонта сине-зеленой полосой густого леса, с небольшими пологими холмами и редкими рощицами, огромное бездонное небо, всегда будившее в ней зависть к быстрокрылым птицам, узкая полоска реки, питавшей своей водой городской ров — все это сегодня исчезло, заслоненное тревогой и болью. Ах, Оргельд, Оргельд! Как он переменился в последнее время, как стал не похож на того прежнего, рассудительного и спокойного герцога! Сколько она его знала, Оргельд всегда тянулся к людям опытным и разумным, которые могли в сомнительных случаях поддержать его мудрым советом. Лучшим из них, бесспорно, был барон Дисс из Редборна. Ах, как жаль, что он умер год тому назад! Так загадочна была его смерть, а вскоре и странное исчезновение его жены и семерых взрослых сыновей! Весь двор, как встревоженный улей, гудел, потрясенный этими событиями, а герцога в это время больше интересовало совсем другое! Герцогиня еще тогда почувствовала, что здесь дело нечисто, но герцог как будто ослеп, оглох и ничего не хотел видеть и слышать.

Небывалое дело — они с герцогом даже начали ссориться из-за этого... И подумать только, что виной всему — лишь один человек. Всего один — но сколько зла он принес с собой! Да будь он проклят во веки веков!

Да, все меньше в последнее время остается вокруг герцога людей, на которых можно положиться. Они либо покидают Мэнору, удаляясь в свои поместья, либо таинственно исчезают. Взамен них появляются новые люди, и вот уже не за горами либо бунт, либо... Герцогиня прижала к пылающему лбу ледяные руки и опустилась на колени.

Митра, Митра, Отец всего живущего! Помоги дочери твоей! Помоги Оргельду и маленькому сыну его!

Она распласталась на ковре, и плечи ее вздрагивали от беззвучных рыданий. Но постепенно буря в душе ее затихла, герцогиня обессиленно приподнялась, села, и синие глаза, совершенно сухие, вдруг мрачно сверкнули. Раз она одна во дворце чует и видит надвигающуюся опасность, значит, именно ей и должно действовать!

Нужно только затаиться, выждать, а решение придет само собой! С ней не раз уже такое случалось, нужно только уметь видеть и слышать, видеть и слышать... А сейчас надо немного отвлечься... Боль словно железным обручем сжимала виски, давила на лоб, туманила глаза... Лавиния медленно поднялась с пола и стала вытаскивать из прически драгоценные гребни и заколки. Блестящие волосы тяжелыми каштановыми волнами упали ей на плечи, спустившись до пояса.

Потом она подошла к зеркалу, хмуро глядя на свое отражение. Но вот

безмятежная улыбка снова засияла на ее лице, и лишь в самой глубине глаз вспыхивали опасные искры. Она ударила золотым молоточком в маленький гонг, висящий рядом, и в комнату торопливо вошли служанки. Герцогиня села в кресло перед зеркалом и приказала:

— Причешите меня! К этому платью нужна совсем другая прическа! Сзади волосы поднимите высоко, а с боков — мелкие косы переплетите с жемчугом. И принесите того легкого искристого вина, которое я люблю, и сладости. Мне сегодня грустно, вы будете развлекать меня беседой!

Вскоре светлое вино уже лилось в изящный кубок, и блюдо с различными сладостями стояло на низком резном столике справа от герцогини. Она встремхнула волосами и лукаво взглянула на одну из служанок:

— Йонда, плутовка, сейчас ты мне расскажешь, чем причаровала красавца Лограса, ведь еще совсем недавно он и не смотрел в твою сторону, хоть ты и стремилась попадаться ему на каждом шагу! Я буду рада, если дело кончится свадьбой, и даже дам тебе приданое: ты славная девочка, и руки у тебя ловкие! Ну, что же ты уронила гребень? Расчесывай мои волосы и не молчи, я хочу знать, как тебе это удалось! Правда, ты очень миленькая, но ведь раньше-то он, как мне кажется, поглядывал на Бригинду!

Девушка, пунцово покраснев, подняла костяной гребень и, осторожно проводя им по волосам Лавинии, робко стала рассказывать:

— Да, моя госпожа, я так в него влюбилась, что мне и свет стал немил. А он, как на какую-то богиню, смотрел на эту гордячку Бригинду. Ах, сколько я слез пролила по моему Лограсу, как старалась одеться покрасивей — ничего не помогало, не замечал он меня, да и все тут!

Герцогиня, поставив кубок с недопитым вином и взяв горсть засахаренных орехов, ободряюще улыбнулась смущенной девушке. Та, потупившись, продолжала:

— И ничем эта Бригинда не лучше меня! Подумаешь — первая ученица главной вышивальщицы! Разве что выступает важно, как знатная дама, может, это ему в ней понравилось? Но ведь и я так могу, если захочу!

Лавиния не выдержала и засмеялась:

— Ну-ка, ну-ка, брось гребень и покажи нам, как выступает эта гордячка и как выступаешь ты, маленькая проказница!

Йонда, окончательно осмелеев, положила гребень на столик, отошла на середину комнаты, кончиками пальцев приподняла юбки и, высоко подняв подбородок, сделала несколько медленных шагков в сторону герцогини. Это получилось у нее так забавно и так похоже, что Лавиния опять

рассмеялась, рассыпав орехи по полу. Девушки бросились их поднимать, а Йонда, сделав небольшой круг по комнате, остановилась и важно поклонилась своей госпоже.

— Ты просто прелесть, и я рада, что парень достанется тебе, а не Бригинде! А теперь скорей расскажи, в чем тут секрет — ведь без секрета не обошлось, правда, Йонда?

— Да, госпожа, не обошлось, но уж очень это было страшно... Я решилась... Я слышала... — девушка замялась, не зная, как сказать.

— Что же ты?! Мне интересно, и я велю тебе продолжать! — Герцогиня притворно нахмурилась и сердито притопнула ножкой.

— Я сейчас... Сейчас расскажу, — пролепетала девушка, подходя ближе. Лавиния кивнула одной из служанок, и та поставила у ее ног низенькую скамеечку, обитую серебристой парчой. Йонда послушно села, обхватив руками колени, и начала рассказывать. Служанки, забыв про гребни и волосы своей госпожи, притихли, а она сама, отвернувшись от зеркала, впилась внимательными взором в испуганные и счастливые глаза Йонды.

— Я... я ходила к колдунье... к самой старухе Вегде... — прошептала девушка, пряча лицо в ладонях. За спиной у герцогини раздались испуганные возгласы служанок. Она подняла руку, приказывая им замолчать, и удивленно спросила:

— К колдунье? Вегде? Никогда про такую не слышала! И что, она хорошо помогает влюбленным? — а сердце в груди отчаянно встрепенулось, и беззвучный голос в душе уверенно произнес: «Вот оно! Вот то, что тебе нужно! Не упусти!»

— О госпожа, она появилась в Мэноре совсем недавно, не больше года, но о ней знают многие! Она помогает всем — и влюбленным, и ревнивым, и тем, кто хочет сжить со света своего врага, и тем, кто хочет узнать свою судьбу. Она сначала мне погадала и сказала, что Лограс — моя судьба, а не Бригинды, и только потому согласилась устроить мое счастье. Она не идет против судьбы, а только ей помогает — так она сама сказала...

Я ходила к ней ночью, совсем одна, даже без факела. Как мне удалось найти в темноте ее домик — знаю только я да луна, которая выглянула из-за туч как раз тогда, когда я чуть было не прошла мимо... Ух и страшно ночью в городе, особенно когда идешь к колдунье! Кажется, что за тобой кто-то крадется, в кустах вдоль дороги что-то все время трещит и попискивает. Я десять раз готова была повернуть обратно, но как только увижу перед собой торжествующую улыбку Бригинды и Лограса рядом с ней — сразу у меня смелости прибавится, и я иду дальше...

— А потом что? Вот ты дошла до ее дома...

— Дошла я, госпожа, до ее дома, тут и луна из-за туч выглянула. Остановилась я у крыльца и постучала в дверь. В домике было темно, не светилось ни одно окошко, но дверь сразу же распахнулась, и скрипучий голос негромко так сказал: «Входи, входи, девушка, сегодня — твоя ночь, я тебя жду!» Ох и испугалась же я, но отступать было уже поздно. Дверь за мной захлопнулась, и на какой-то миг я оказалась в полной темноте. Сердце готово было выпрыгнуть у меня из груди, я думала, что вот-вот умру от страха. Но вдруг, сама не знаю как, зажегся сначала один светильник, потом другой, третий...

Я оказалась посреди огромной комнаты, намного больше, чем могла поместиться в том покосившемся домишке, в который я только что вошла. А рядом со мной стояла худая высокая старуха в черном платье с красной бахромой. Она молча повела меня в дальний угол комнаты, усадила на стул, сама села рядом и стала разглядывать мою руку. Я такого страху натерпелась, пока она ее разглядывала, — прямо и сказать не могу!

— Что же там было такого страшного? — с любопытством спросила герцогиня.

Девушки за ее спиной замерли, боясь шелохнуться.

— Ты сидишь, старуха разглядывает твою руку, и что?

— А то, что по этой громадной комнате все время летали то ли птицы, то ли летучие мыши и задевали крыльями мои плечи и голову. Я вздрогивала, а старуха сердито сверкала на меня красными глазами. Клянусь Пресветлым Митрой, у нее были красные глаза, когда она тогда на меня взглядала!

У Лавинии холодок пробежал по спине, но она все так же спокойно продолжала расспрашивать взволнованную девушку:

— Что же ты замолчала? Мне так интересно! Продолжай, чего ты боишься, ведь все уже позади!

— Ах, госпожа, позади-то позади, а как вспомню — так вся и холдею! Потом, как она мне сказала, что Лограс — это моя судьба, сразу куда-то исчезли и птицы, и мыши, а глаза у колдуньи сделались обычновенными, черными и совсем не злыми. Она погладила меня по голове и сказала: «Ты — храбрая девушка, раз пришла ко мне! Это ты правильно сделала, за счастье надо бороться! Если оно твое, никому его не отдавай!» Она долго еще что-то бормотала и ласково гладила меня по голове. Я так разомлела, что чуть не уснула. А когда я с трудом открыла глаза, у старухи на ладони лежал медальон, вот этот. — Йонда показала простенький медальончик, висевший на ее шее. Ничего особенного, тускло

поблескивающий овал из светлого металла с маленьким цветком из голубых камешков посередине. Черный шелковый шнурок, на котором он висел, ярко выделялся на нежной коже, отчего шейка девушки казалась еще белее.

— И на другой день, госпожа, он вдруг так переменился, мой Лограс. Когда я шла мимо него, он вдруг остановился и посмотрел на меня таким взглядом, что я подумала: может, он принял меня за мою госпожу, прекрасную герцогиню?!

Лавиния, смеясь, потрепала девушку по щеке:

— Ну, вот ты уже и щутишь, значит, все страхи прошли! Так, выходит, теперь он смотрит только на тебя? А как же гордячка Бригинда?

— Она поглядывает на меня, словно взбесившаяся кошка, но после старухиных страхов я уже ничего не боюсь, лишь бы мой Лограс был со мною! А он будет со мною, и больше мне ничего не надо!

— А где, ты говоришь, живет старуха? Я что-то забыла... Представляю, как было страшно идти туда одной в темноте! Ты из какой калитки вышла?

— Из западной, потом прошла всю аллею до конца, вышла на улицу Алой Башни и свернула в третий переулок. А там, в самом конце, перешла через овраг и повернула направо. Отсчитала почти на ощупь пятый дом — и вот тут-то и выглянула луна. Я ведь сначала днем туда сходила, чтобы ночью не заплутать, и запомнила этот дом по высокому засохшему дереву во дворе. Там больше нигде таких нет, везде только низкие кусты. Ох как было страшно ночью! — И она опять вздрогнула, вспоминая свое приключение.

Лавиния тряхнула так и не причесанной головой, промолвив:

— Йонда, ты так меня развлекла, что я и про прическу забыла! Вот тебе на счастье мой любимый перстень, а перед свадьбой я тебе еще кое-что подарю. А сейчас быстро расчешите мои волосы и уберите их в сетку с мелкими жемчужинами, я передумала делать высокую прическу!

Счастливая Йонда и остальные служанки занялись волосами своей госпожи, а она, задумчиво грызя засахаренные орехи и допивая из кубка вино, изредка невесело улыбалась своим мыслям.

ГЛАВА 4

До праздника Изобилия Митры оставалось всего три дня, и эта ночь была последней, когда герцогиня Лавиния могла осуществить задуманное. Всем было хорошо известно, что колдуны, маги и прорицатели теряли за три дня до праздника свою силу, и если пытались что-то сотворить или предсказать, то гнев Пресветлого оказывался страшен: кучка пепла — вот все, что оставалось от ослушника. Лишь жрецы Храма Митры в эти дни совершали свои торжественные выходы на поля и пастбища, проводя обряды и моля бога о даровании богатого урожая и приплода на следующий год.

Лавиния, едва дождавшись, пока девушки уберут ее волосы, опять услала их прочь и, оставшись одна, надолго задумалась. До вечера еще далеко, но она не может днем, как какая-нибудь служанка, незамеченной выскользнуть из дворца, чтобы при свете осмотреть дорогу. Значит, придется идти ночью, пробираться по незнакомым темным узочкам, переходить через какой-то овраг — и все без факела! Хотя без факела даже лучше: никто не увидит одинокий огонек, мелькающий в темноте, никто не последует за ней. Она одна сделает это. Одна...

Теперь одна во всем дворце... Нет, не одна! Маленький герцог, будущий властелин Бергхайма, крошечный живой комочек, ее радость и надежда. Но ведь он так беззащитен, и ничего не стоит подкупить няньку... или служанку...

Герцогиня порывисто вскочила и, во власти самых страшных предчувствий, бросилась в покой маленького герцога. Пробежав по узкому коридору, напугав служанок, несших блюдо с фруктами и живого зайчонка, она распахнула дверь и стремительно вошла в спальню. На мягком ковре посреди комнаты сидел трехлетний золотоволосый мальчик и весело смеялся, глядя большими серыми глазами на ручную сойку, примостившуюся на спинке стула. Птица вертелась, помахивала хвостом и трещала, невнятно выговаривая слова, которым ее научили служанки:

— Гер-р-р-цог, гер-р-р-цог, куш-ш-шать, куш-ш-шать! Она перепорхнула на подушку, лежавшую у ног мальчика, и вертела головой, поглядывая на него хитрыми блестящими глазками. Заметив герцогиню, птица несколько раз подпрыгнула на подушке, перелетела на полог высокой кровати и оттуда еще громче затрещала:

— Гер-р-р-цог, куш-ш-ш-шать, куш-ш-ш-шать, куш-ш-шать!

Эта мирная картина успокоила встревоженную герцогиню, и она присела на подушки рядом с мальчиком. Он, все еще смеясь, уткнулся лицом в пышные складки ее платья. А Лавиния, взяв из рук служанки маленького зайчонка, посадила зверька на ковер и сказала сыну:

— Посмотри, Эйрик, кого для тебя принесли из леса!

— Ой, он прыгает! Мама, мама, он убежит! Служанки обступили их со всех сторон, растянув в стороны широкие подолы юбок и не давая зайчонку забиться в угол, а маленький Эйрик, топая крепкими ножками, стал гоняться за живой игрушкой по всей спальне.

До самого вечера Лавиния пробыла с сыном, а когда мальчик наконец уснул, ушла к себе. Служанки помогли ей раздеться и оставили ее одну. Герцога этим вечером не было во дворце — егеря обложили медведей, и они еще с утра, прихватив десяток баронов и дюжину стрелков, ускакали в северный лес. Эта ночь принадлежала ей.

Она надела простое темное платье, крепкие охотничьи сапоги и широкий темный плащ с капюшоном. Заперев дверь изнутри, она неслышными шагами подошла к резной деревянной панели в углу спальни. Легко нажав круглую розетку, почти незаметную среди пышных листьев орнамента, она улыбнулась, увидев, как медленно распахивается перед ней потайная дверь, ведущая в сад. В дальнем его конце, в искусно сооруженном гроте, где так приятно отдохнуть жаркими днями, был выход из дворца, о котором знали лишь она и герцог.

Неслышно выйдя из заросшей плющом пещеры, она быстро пошла к калитке. Ключ дважды повернулся в замке, и она, не скрипнув, отворилась. Мгновение — и герцогиня, как ночная бабочка, растаяла в темноте, слившись с деревьями и кустами.

Лавиния почти летела по темной аллее, едва касаясь ногами земли, но ни тени страха не было в ее душе. Казалось, что пламя ненависти, сжигавшее ее сердце, лучше всякого факела освещало дорогу. Ни один камешек не покатился в сторону с предательским шорохом, ни один сучок не затрещал под ее легкими шагами.

И вокруг нее тоже стояла тишина. Йонда испуганно говорила, что ей мерещились страшные шаги и таинственные звуки за спиной и в кустах — герцогиня, как ни прислушивалась, не слышала ничего. Вот она свернула в третий переулок от улицы Алой Башни и вскоре увидела или, вернее, почувствовала, что дорога впереди резко обрывается вниз. Наконец-то овраг! Теперь — на другую сторону и вправо, а там — пятый дом...

Лавиния осторожно, держась за ветки чахлых кустиков и стебли высоких жестких трав, стала спускаться по смутно белеющей тропинке.

Громко захлопав крыльями, почти из-под самых ног женщины вспорхнула какая-то большая птица и, шарахнувшись вбок, скрылась в темноте. Постояв несколько мгновений, чтобы унять вдруг бешено заколотившееся сердце, герцогиня поспешила дальше.

С трудом вскарабкавшись по крутому склону оврага, она остановилась, осматриваясь. Где-то за облаками едва заметным пятном светлела луна, не помогая ночным путникам, а лишь дразня и вызывая досаду. Тропинка едва заметной полоской терялась в густых кустах. Лавиния, поколебавшись, пошла по ней, раздвигая ветки, и вскоре вышла на тихую уличку. В голове ее гулко звучало: «Направо... Пятый дом... Сухое дерево...» И она медленно повернула, всматриваясь в смутные очертания крыш.

Чем дальше она шла по узкой, как будто вымершей уличке, тем светлее становилось вокруг. Тучи, плотной завесой прикрывавшие луну, вдруг стали распадаться на клочья, и ветер, пронесясь где-то там, в небесной выси, разметал их в стороны, открыв кусок чистого неба и ослепительный жемчужный диск. Вся улица осветилась серебристым светом, стали видны даже мелкие камешки под ногами. И перед ее глазами замаячило путеводной вехой высокое засохшее дерево с голыми ветвями, задранными вверх, как костлявые руки.

Герцогиня медленно подошла к покосившейся ограде, немного постояла, оглядываясь, и увидела почти спрятавшийся в густых кустах маленький домик. При лунном свете он казался совсем крошечным, с кривой ветхой крышей и двумя окошками, тускло блестевшими по обе стороны крыльца. Ступеньки чуть слышно скрипнули под ее осторожными шагами, и она, почувствовав, что вся дрожит, робко взялась рукой за дверное кольцо. Но гордость и отчаяние заставили гулко забиться ее сердце, и Лавиния решительно постучала в дверь. На ее стук никто не отозвался. Тогда она, кусая губы от гнева на собственное малодушие, на эту ночь, на весь мир, изо всех сил забарабанила кулаком по ветхим доскам.

Из глубины домика послышались шаркающие шаги, скрипнула половица, раздалось невнятное бормотание, и кто-то стал отпирать многочисленные засовы. Наконец дверь беззвучно отворилась, и герцогиня решительно вошла в темный дом.

— Иди прямо вперед, не бойся и не оглядывайся! — вдруг раздался у нее за спиной звучный женский голос. Лавиния судорожно ухватилась руками за завязки плаща и осторожно пошла вперед, пытаясь хоть что-то разглядеть в полной темноте.

Неожиданно справа от нее затеплилась сверкающая точка, потом

слева, а несколько огоньков засияло впереди, и вскоре она увидела, что стоит посреди огромного зала, такого же, как парадные залы герцогского дворца. С изумлением осматриваясь, она смутно вспомнила, что рассказывала Йонда об этом колдовском месте. Да, в этом зале поместился бы добрый десяток таких жалких лачуг, как та, в которую она только что вошла! И как богато он отделан! Кто бы мог подумать, что кособокий домишко скрывает за почерневшей дверью такое великолепие! Словно в ответ на ее мысли, прозвучал голос:

— Это не для всех, моя герцогиня, а лишь для самых дорогих гостей! Только их я принимаю в залах моего дворца!

Лавиния резко обернулась и невольно сделала шаг назад — перед ней стояла немолодая величественная женщина с черными, с легкой проседью волосами, свободно рассыпавшимися по плечам. Что за глупости говорила Йонда?! Старуха?! Похоже, что девчонка с перепугу и глаз-то не поднимала на колдунью!

Сама же герцогиня не могла отвести взгляда от спокойного властного лица, от стройной фигуры, облаченной в свободное платье из черного струящегося шелка, с богатой красной вышивкой, пылающей, как языки пламени. Улыбнувшись, хозяйка приветливым жестом указала Лавинии на одно из позолоченных кресел у огромного камина, сложенного из грубых черных камней. В его зияющей пасти тотчас же вспыхнул жаркий огонь, и герцогиня почувствовала, как живительное тепло согревает ее. Она свободно опустилась в кресло, откинув капюшон, и стала с восхищением осматриваться.

Светильники, так таинственно вспыхнувшие в темноте, освещали великолепный зал, достойный самой королевы. Высокий потолок поддерживали колонны, облицованные драгоценной яшмой, снизу доверху стены украшали узкие панели из позолоченного резного дуба. Высокие окна выходили в какой-то неведомый сад, из которого доносился аромат ночных цветов и стрекот влюбленных сверчков.

Колдунья не торопила ее, сидела напротив и не мигая смотрела на герцогиню черными, задумчивыми глазами. Лавиния не заметила, как между ними оказался стол с двумя кубками.

— Выпей моего вина, герцогиня, за то, чтобы твое желание исполнилось! И я с удовольствием выпью с тобой за смерть проклятого Ферндина! — Глаза колдуньи сверкнули красным огнем, и она подняла свой кубок.

Герцогиня вздрогнула: колдунья прочитала ее мысли, высказав за нее то, с чем она сюда пришла... Видит Митра, она не была кровожадной

злодейкой. Но иного пути не было! Вспыхнув, она решительно взяла в руки тяжелую чашу и, глядя в глаза Вегды, повторила со всей силой переполнявшего ее чувства:

— За смерть проклятого Ферндина!

Молодая герцогиня и загадочная женщина, сидевшая напротив нее, молча пили терпкое вино, словно совершая какой-то обряд. Громко трещали толстые поленья в огромном камине, и снопы искр, взрываясь, освещали золотистыми бликами два лица, с одинаковым выражением смотревших на огонь.

По суровому лицу Вегды, со сведенными к переносице черными бровями, было видно, что и у нее есть свои счеты с Ферндином. Здесь была какая-то тайна, и она смутно тревожила Лавинию. Допив вино и поставив на стол пустой кубок, она прямо взглянула в глаза колдуны и сказала:

— Я вижу, люди не зря превозносят твоё могущество! Не успела я поступать в твою дверь, а ты уже знала, что меня привело к тебе!

— Ну, это я знала давно! — хрипловато засмеялась колдунья. — Подлый негодяй! Он — истинная причина твоих бед. И всего герцогства. Но, увы, он умрет не от твоей и не от моей руки, хотя я с большим наслаждением вонзила бы в него кинжал... или подала отравленное питье... У него другая судьба, и не мне ее менять! Что предназначено — то да свершится! Я лишь чуть-чуть подправляю судьбу, чтобы задуманное богами свершилось скорей! — Она помолчала, снова отвернувшись к огню, словно читая в его отблесках волю небес. — Сядь поближе к камину, я посмотрю твою руку и тогда скажу, что ты, отважная женщина, можешь сделать, чтобы приблизить его конец!

Лавиния, уже не удивляясь тому, что стол, на котором только что стояли кубки, истаял у нее на глазах, а кресло оказалось почти вплотную придинутым к креслу колдуньи, протянула ей узкую сильную руку и тоже стала вглядываться в переплетение линий на своей ладони, пытаясь что-то увидеть и понять.

Вегда взяла руку герцогини своими горячими руками, наклонила голову, так, что волосы, упав, почти скрыли ее лицо, и тихо стала водить пальцем поперек ладони:

— Безмятежное детство... Счастливая юность... удачный брак... Вот, вот оно — роковая встреча! Встреча, несущая смерть! И другая встреча — несущая долгую счастливую жизнь! Они сшибутся, сшибутся и тут два пути... И только ты, герцогиня, только ты можешь помочь судьбе! Клубок ненависти наматывается, наматывается, пламя все пожирает, все уносит! Только тогда души обретут покой, а к герцогу вернется разум...

Лавиния слушала оцепенев, стараясь не пропустить ни слова. Ей одновременно казалось, что она не понимает ничего и что она понимает все. Линии на ладони мелькали перед глазами, то складываясь в образы скрещенных мечей, то образуя очертания незнакомого лица, то вдруг перед ней вставали оскаленные собачьи морды...

Она наконец в изнеможении закрыла глаза и откинулась на спинку кресла. Колдунья положила что-то ей на ладонь и сжала ее руку в кулак. Лавиния вздрогнула, подняла отяжелевшие веки и увидела прямо перед собой осунувшееся лицо с горящими глазами. Волосы, свисавшие вдоль впалых щек, шевелились, колыхаемые порывами легкого ветра, вдруг закружившегося по залу. Язычки пламени в светильниках испуганно трепетали, огонь в камине бешено завывал.

— Возьми, герцогиня, и береги это, как своего ребенка! В коробочке — мазь, составленная по старинному колдовскому рецепту! Если голову мертвеца приставить к телу и обмазать этой мазью шею, то голова прирастет, а убитый оживет! А уж если раненый едва жив, то он не умрет от ран, а быстро выздоровеет! Возьми, это то, что должна сделать ты! Скоро, скоро все свершится! Ты сама все поймешь! А теперь поспеши домой, я сама провожу тебя! — Колдунья встала и пошла вперед.

За спиной герцогини исчез камин, стали один за другим гаснуть светильники, и скоро она опять оказалась в полной темноте. Вдруг впереди со скрипом распахнулась дверь, и перед ней возник двор, залитый лунным светом, и сухое дерево, казавшееся серебряным.

Она шла не чуя под собой ног, и луна ярко освещала дорогу. Тучи серыми клубами мчались по небу, обходя стороной сияющий лунный диск, овраг, казалось, потерял свою крутизну, или это призрачный ветер нес ее над самой землей, не давая споткнуться. Вскоре ключ повернулся два раза, запирая калитку в дворцовой ограде. Лавиния бесшумной тенью проскользнула в гrot и вошла в потайную дверь. Тут же бешеный порыв ветра закрутил облака в вышине, и луна скрылась за их плотной завесой.

Лишь в спальне, сбросив с себя плащ и сапоги, герцогиня вдруг вспомнила, что ни она, ни сама колдунья не заговорили о плате. Как же так, ведь она специально захватила с собой увесистый кошелек с золотыми монетами! Вот он и сейчас висит у нее на поясе! О боги, какая оплошность! Герцогиня, не помня себя от огорчения и растерянности, зачем-то подошла к зеркалу и стала снимать с волос жемчужную сетку. Волосы рассыпались по плечам. «Как у колдуньи!» — невесело усмехнулась она и взглянула в темный овал зеркальной рамы. В спальне не горел ни один светильник, но зеркало вдруг отразило большую, тусклую

освещенную комнату и женщину в черном платье, с распущенными волосами.

— Вегда! — тихо вскрикнула герцогиня.

— Да, это я! Мне тоже не чужды человеческие слабости, я, как и ты, забыла про золото, но без платы мое колдовство не имеет силы! Того, что висит у тебя на поясе, будет достаточно, подай кошель и не забудь — все теперь в твоих руках! Лишь ты сможешь направить судьбу по нужному пути! Береги коробочку!

Лавиния, дрожа от холода, вдруг пронзившего все ее тело, отвязала от пояса кошель и положила его в руку, протянувшуюся к ней из зеркала. Светильники за спиной колдуны тотчас погасли, и на герцогиню смотрело уже ее собственное отражение, едва различимое в темноте спальни.

ГЛАВА 5

Эй, рыжий, вставай! Просыпайся, тебе говорю, плут! Ну, погоди, сейчас ты у меня вскочишь! Конан уже который раз пытался разбудить Рыжего Бёрри, но ответом ему были только могучий храп и невнятное бормотание. Певец лежал ничком на низком ложе, уткнувшись лицом в измятую подушку, и никакими силами его не удавалось поднять. А ведь вчера вечером они договорились, что Бёрри сведет Конана с лучшим оружейником Мэноры, который был, по его словам, крепким орешком. И вот теперь, просидев почти всю ночь со старыми друзьями, которые требовали от него все новых и новых песен, неутомимый певец лежал как бревно, даже не чувствуя крепких тычков киммерийца.

— Ну, нет, ты у меня проснешься! Солнце уже высоко, а ты все дрыхнешь, как герцог! Хотя я думаю, что и герцог уже давно уже встал!

С этими словами Конан взял большой кувшин с водой, скромно стоявший в углу, стащил Рыжего Бёрри с постели на пол и стал щедро поливать его голову. Храп тут же прекратился, мутные глаза на мгновение приоткрылись, рука заскребла по доскам пола, как бы перебирая струны невидимой эрты, и комната огласилась воплем:

— Нас было восемь за столом... Тра-ля-ля да тра-ля-ля! К утру остался я один... Тра-ля-ля... хр-р-р...

Конан еще разок плеснул приятелю в лицо водой из кувшина и услышал продолжение:

— ... А остальные под столом... Тра-ля-ля да тра-ля-ля! Эй, каналья, ты что мне льешь в кубок?! Я воду пил только в детстве да еще в прошлом году, когда фляга проходила... нет, отвязалась... нет, вино слишком быстро кончилось, а я все ехал... ехал... ехал... хр-р-р...

Уже не в силах удержаться от смеха, Конан выплеснул ему на голову добрую половину кувшина и вдруг услышал:

— Я уже проснулся. Все помню. Пора вставать. Надо идти к оружейнику, а то настает вечер. А чтобы идти, опять же надо встать. Конан, ты что, не догадался послать девчонку за вином?! Пусть несет, а я еще досплю...

Веселая служанка быстро притащила полный кувшин, и Бёрри, едва услышав, как она наливает вино, сразу стал подниматься на четвереньки:

— Ну-ка, ну-ка, птичка, сюда, ко мне поближе... Давай, где там кубок?

Он с закрытыми глазами ловил рукой воздух, а служанка, смеясь, водила кубком перед его носом. Наконец он разлепил веки и стал вертеть головой, следя за ее движениями.

— Ну, зачем же сразу два? Давай сначала один, потом другой... Нет, я скажу Лису, что у него бестолковые служанки, ничего толком не умеют!

Конан силой всунул кубок в его блуждающую руку и поднес к жаждущему рту. Мгновение — и он опустел. Девчонка налила еще, и этот опустел так же быстро.

— Все. Теперь можно вставать. Похоже, я уже умылся, так что, голубка, дай-ка мне полотенце! И принеси чего-нибудь поесть. — Он посмотрел на Конана почти совсем прояснившимися глазами и ухмыльнулся: — Забыл тебя предупредить, что по утрам у меня очень крепкий сон! Матушка, помню, пока добудится, так все кулаки об меня отобьет, а поленом будить жалела... Добрая она у меня была... Ну, так что, поедим и пойдем?

— Что-то гляжу я на тебя, Рыжий, и думаю: как еще примет нас твой «крепкий орешек», ведь ты говорил, что он и для герцога делал доспехи, и для заезжих рыцарей? А с тебя вон до сих пор капает... И штаны... Кром! Бёрри, ты что, вчера барабашка из блюда себе на колени переложил? Ну и пятно! Тебя в таких штанах и близко нельзя подпускать к приличным лавкам!

— Ха, штаны! Подумаешь, штаны! — Бёрри был явно задет насмешкой, но жаркое уплетал с большим удовольствием, облизывая жирные пальцы и вытирая их о безрукавку. — Штаны ему мои не нравятся! Доедай, и пошли, я покажу тебе, кто такой Рыжий Бёрри!

Он еще долго не мог успокоиться и все продолжал ворчать, пока они наконец не вышли из харчевни. На улице Бёрри немного постоял, как бы что-то вспоминая, потом расцвел улыбкой и уверенно пошел вперед. Конан шагал рядом, с удовольствием посматривая на этого лохматого пьяницу с бездонной утробой, которого любили во всех харчевнях и который везде был дома.

Изрядно поплутав, они оказались в каком-то тупичке, где крыши чистеньких домов мирно выглядывали из густой зелени.

— Слушай, друг, ты куда меня завел? С каких это пор оружейники селятся в таких углах? Где тут кузница, где мастерские?

— Погоди, всему свое время! Ты там что-то говорил про мои штаны, да? Может, и моя рубашка, и моя прекрасная безрукавка тебе тоже не по вкусу? Может, и башмаки такие не смеют ступать по славным улицам Мэноры? — Он говорил сердито, притопывал ногой и размахивал руками,

а серые глаза искрились такой плутовской усмешкой, что Конан, ничего не понимая, только развел руками:

— Так ты что, завел меня сюда, чтобы поговорить о своем наряде? Вижу, что кувшина холодной воды тебе было маловато, чтобы проснуться! Надо было тебя еще поленом приголубить, тогда бы вспомнил, куда меня ведешь! Эх, и зачем я с тобой только связался, бочка ты бездонная!

Конан уже хотел было повернуться и уйти, но Бёрри вдруг расхохотался, хлопнул киммерийца по плечу и сказал:

— Подожди здесь немного, скоро пойдем к оружейнику. Это отсюда совсем недалеко! — И проскользнул в калитку.

Конан задумчиво побродил по заросшей лопухами улочке, полюбовался яблонями, ветви которых пригибались к самой земле под тяжестью румяных плодов, спугнул двух готовых вцепиться друг в друга котов и, услышав негромкий разговор, вернулся к калитке, за которой скрылся Рыжий Бёрри. Взглянув в сад поверх невысокой ограды, он в изумлении присвистнул и спрятался за стволом высокого дерева, росшего неподалеку.

По саду от дома важно вышагивал рыжий щеголь с тщательно расчесанными кудрями, в маленькой синей бархатной шапке, лихо сдвинутой на ухо. Белоснежная рубашка, добротные синие штаны, заправленные в новенькие сапоги, и расшитая золотым шнуром безрукавка делали его совершенно неотразимым.

Рядом с ним, не сводя с Бёрри сияющих влюбленных глаз, шла пышная красотка, уже не очень молоденькая, но все еще аппетитная. Видно было, что больше всего на свете ей хочется повиснуть на шее у рыжего плута.

— Да приду я, приду к тебе вечером. Ведь я только что с лошади — и сразу к тебе! Только о тебе весь год и думал, радость моя! Нет, нет, не висни на мне сейчас, у меня важное дело в городе. Жди меня, как стемнеет! — И он смахнул красавицу в румяные губы.

— Бёрри, шалопай ты этакий, знаешь ведь, как я тебя люблю! Буду ждать, твое любимое вино у меня к празднику всегда наготове!

— Ну, хоть и не уходи! И ты сама, и вино, и гуся, небось, зажаришь, а?

— Да уж зажарю! — Она засмеялась и все-таки повисла у него на шее.

Конан стоял за деревом и с удовольствием наблюдал, как Бёрри отчаянно вырывается из ее пылких объятий. Наконец он освободился и бросился к калитке, махнув на прощание рукой:

— Главное, про гуся не забудь!

Он выскочил за калитку, увидел Конана и, беззвучно смеясь, ткнул его в бок кулаком. Отойдя от дома подальше, они расхохотались во весь голос.

— Кто тут был недоволен моим видом? Кого тут не устраивали мои прекрасные штаны? Нет, друг, хоть ты и силен и, может быть, даже хитер, но по сравнению с Рыжим Бёрри ты — сопливый младенец! Пошли к оружейнику, и предоставь все разговоры мне, понял?

Пока они выбирались из тихих улиц окраины, Конан шел, не переставая удивляться перемене, произошедшей с его спутником. От ленивой походки вразвалку не осталось и следа — рыжий молодчик шагал бодро и упруго, и его голос, когда он рассказывал о своей прекрасной вдовушке, хранительнице парадного наряда, звучал густо и сочно. Конан вспомнил, что как раз это поразило его в первый же вечер, когда они приехали в Мэнору.

— Послушай, приятель, с твоими штанами мне теперь все понятно — я уверен, что в каждом городе, куда ты заглядываешь попеть и выпить, ждет тебя такая вот красотка с кувшином вина, гусем и сундуком, набитым твоим барахлом. Но вот объясни мне, как это у тебя получается: когда ты просто так поешь, для себя или с похмелья, — это и пением-то назвать нельзя, ты, между нами, отвратительно орешь, хуже ослов, которых я видел на юге. А когда вокруг тебя собирается компания — твой голос гудит, как колокол, и руки сами тянутся к мечу... или к кубку, смотря о чем твоя песня. Что скажешь?

— Меня, между прочим, многие об этом спрашивали. Хотя я и сам не знаю, почему так получается, но, как человек очень умный, я объясняю это дело так: есть у меня одежда, чтобы пить, есть и в канаве валяться — и есть другая одежда, в которой не стыдно и во дворец показаться. Так вот и два моих голоса: один на каждый день, когда никто не слышит, а другой — для хороший компании, которая и винцом угостит, и кошелек мой наполнит. Ну, теперь понял, друг Конан?

— Честно тебе скажу, Бёрри: много я успел перевидать плутов за свою жизнь, но такого забавного, как ты, вижу впервые! А до оружейника-то твоего мы дойдем сегодня или нет? Иначе, смотри, окуну я тебя в твоем наряде в канаву, будешь сидеть голый у своей вдовушки, пока она все тебе перестирает!

— Остановись и прислушайся! Что ты слышишь на этой улице? Правильно! Звон молотков и бряцание доспехов! А насчет канавы — неужели ты думаешь, что у меня здесь, в Мэноре, только одна подружка и только один сундук? Ну, вот мы и пришли. Нам сюда, в эти ворота!

Улица, на которую они вышли из тишины сонных садов, была довольно оживленной. По ней взад-вперед сновали шустрые подмастерья, сгибаясь под тяжестью седел, ковровых попон, щитов и ножен. Отовсюду

слышались веселый перестук молотков и волнующий кровь звон мечей: рыцари, заказавшие доспехи и оружие, проверяли их здесь же, во дворах перед мастерскими.

И на том дворе, куда они вошли, стройный рыцарь, высекая искры, изо всех сил рубился с дюжим подмастерьем, а потом вдруг остановился и стал осматривать клинок:

— Знатная работа! Не зря мастер Кларс берет так дорого! Теперь пошли, посмотрим кольчуги! — И они ушли, оживленно переговариваясь.

Конан хотел было пройти к мастерским, откуда то и дело выбегали проворные мальчишки, принося и унося шлемы, кинжалы, наколенники и прочие части доспехов. Но Бёрри удержал его за рукав и отступил в тень навеса для лошадей.

Из дома, громко переговариваясь, вышли двое: дородный господин с красным от гнева лицом, сжимавший в руках туго набитый кошелек, и коренастый широкоплечий мастер в потертых кожаных штанах и простой рубахе навыпуск. Из-под копны кудрявых черных с проседью волос насмешливо сверкали умные карие глаза, густая борода шевелилась, скрывая улыбку.

— Нет, господин, у меня только заказное оружие и доспехи. Готовое поищи в соседних мастерских, там тебе и подправят, и подгонят, и герб любой на щит поставят, а я делаю каждому рыцарю свое оружие, по руке и по мерке!

— Так сделай и мне! Я же тебе который раз говорю: сделай — и этот кошелек твой! Ведь еще целых три дня до турнира!

— Нет, господин, я тебе уже все сказал. За три дня пусть тебе кто угодно делает, только не мастер Кларс! И не нужен мне твой кошелек, господин, я сам тебе заплачу, только иди и не мешай мне работать!

— Ах ты, дерзкий простолюдин! Да ты знаешь ли, с кем говоришь! Тебе это даром не пройдет, я не посмотрю, что ты любимчик герцога! Скоро, скоро тебе это уже не поможет! — Бормоча проклятия, толстяк вскочил на лошадь, которую ему подвел мальчишка-конюх, и галопом выехал за ворота.

— Каков, а? — Бёрри с восхищением смотрел из-под навеса на мастера, все так же спокойно стоявшего на крыльце и насмешливо глядевшего вслед разгневанному всаднику. — Если ему что не по нраву, ни за что не продаст оружие и не возьмется за работу! Ха, не может он сделать доспехи за три дня! Да он и за одну ночь все может, если только захочет! Ну а теперь пошли, пора и нам с ним потолковать!

С этими словами он вышел на середину двора, подбоченился и

воскликнул:

— Пресветлый Митра! Сам мастер Кларс стоит на крыльце и встречает почтенного Бёрри! А почему ты один? Где Альтус, Минк, Эргон и другие мастера? Я прибыл издалека и жду радостной встречи!

— Ого, вот так гость! Бёрри, мы тебя как раз вчера вспоминали — куда, дескать, запропастился этот бездельник, праздник на носу, а его все нет! Ну, дружище, здравствуй, как же я рад тебя видеть!

Мастер Кларс спустился с крыльца и поспешил навстречу Бёрри. Они обнялись, гулко хлопая друг друга ладонями по спине и плечам. Несколько подмастерьев остановились было, чтоб поглязеть на это небывалое зрелище, но мастер метнул на них такой взгляд, что они поспешили скрыться.

— Хорошо, что не забываешь старых друзей. Пойдем, посидим, поговорим, ведь целый год не виделись!

— И посидим, и поговорим, но сначала я хочу тебя кое о чем попросить...

— Для тебя, Рыжий, все, что захочешь! Даже ожерелье для твоей красотки могу сделать, хоть я и оружейник! Выкладывай, что за нужда у тебя?

Бёрри повернулся к навесу и призывающе махнул рукой. Конан вышел из укрытия и приблизился к мастеру Кларсу.

— Ого-го, это кто же такой будет? Твой приятель, что ли? Ну, здравствуй! Не знаю, как тебя звать, а меня — мастер Кларс.

— А я — Конан-киммериец. Рад встрече с тобой, а еще больше рад, что меня к тебе привел этот плут, распевающий песни!

— Ну, так у кого же из вас ко мне дело? Чувствую я, что тут не ожерельем пахнет, а добрым мечом... Угадал?

— Кларс, мы тут только что видели, как ты выставил этого красномордого, который тряс перед тобой толстым кошельком. Не вздумай так же ответить моему другу! Не для того он спешил на турнир, чтобы здесь остаться с носом! Видишь, какой славный молодец, так приодень его хорошенъко! А кошель у него не хуже, чем у этого, который тебе грозился!

Мастер вдруг перестал улыбаться, посерезнел и оглядел Конана с ног до головы придирчивым взглядом. Потом лицо его снова прояснилось, и он протянул киммерийцу широкую ладонь:

— Договорились! Для такого бойца и работать будет приятно! Это не какой-то там прихвостень проклятого Ферндана! И даст мне Митра увидеть, как ты побьешь на турнире этого поганого выродка! Тьфу, надо поскорее прополоскать горло после его мерзкого имени! Пойдемте со

мной, там обо всем и договоримся.

Они прошли мимо конюшни, кузницы, миновали мастерскую, где собирали кольчуги, и подошли к небольшому дому, за которым начинался плодовый сад. Хозяин распахнул дверь и пригласил их войти.

— Цени Рыжего Бёрри, — прошептал Конану его спутник, — мастер пригласил нас к себе домой! Даже я тут никогда не был, нутром чую, что ты ему приглянулся!

Немолодая, но все еще очень привлекательная женщина в коричневом платье с узким лифом, напоминающем платья знатных дам, молча поклонилась гостям и вышла, повинувшись властному взгляду мужа. Вскоре она вернулась с кувшином вина, а молоденькая служанка, то появляясь, то убегая на кухню, уставила стол всевозможной снедью. Накрыв на стол, женщины ушли, а мастер, сев на стул с высокой спинкой, начал разливать вино.

— Сейчас выпьем, закусим и начнем снимать мерки. Завтра к вечеру все будет готово. Утром приведи свою лошадь, у нее наверняка сбиты подковы. Ты откуда добирался-то?

— Из Бельверуса, но коня ковал еще раньше. Так что с подковами ты попал в самую точку. Слушай, ты тут говорил про какого-то Ферндина, это что еще за птица?

Рыжий Бёрри вмешался в разговор:

— Эх, Конан, тут такое творится! Мне вчера Лис все рассказал! Давайте сначала выпьем за встречу, а потом уже поговорим об этом шакальем отродье!

— Да, Бёрри, ты прав! Нечего мешать чистое вино и разговоры об этом... тьфу, ну его, давайте выпьем!

Они с удовольствием осушили кубки и принялись за еду. И хотя совсем недавно они плотно позавтракали у Лиса, аромат кушаний, стоявших на столе, заставил их забыть обо всем. Перед Конаном в глубокой миске дымилось жаркое с овощами, политое острым соусом, от которого щипало язык и на глаза наворачивались слезы. Этот жар можно было остудить только вином, и кувшин, не останавливаясь, ходил по кругу, пока не опустел.

Хозяин не торопил своих гостей, но глаза его время от времени мечтательно пробегали по широкой груди и могучим рукам киммерийца. С трудом дождавшись, пока миски и кубки опустеют, он в нетерпении вскочил со стула:

— Бёрри, ты ему про Ферндина лучше меня потом расскажешь, у тебя язык хорошо подвешен! Но смотри, расскажи так, чтобы у твоего друга

кровь загорелась и чтобы ему передалась хоть частица нашей ненависти! А уж я сделаю ему такие доспехи, каких нет у самого герцога Оргельда! Пошли, киммериец, пошли скорей, нельзя терять времени!

Они пробыли у Кларса до самого вечера. Конану всегда нравились оружейные мастерские, но то, что он увидел здесь, привело его в полное восхищение. Это было крошечное королевство, и мастер Кларс был его грозным владыкой. Его любили и боялись все, начиная от седобородых мастеров, ближайших помощников Кларса, и кончая шустрыми мальчишками, только что поступившими к нему в учение и пока что с большим рвением подметавшими двор. Один из них со всех ног бросился выполнять какое-то его приказание, отданное чуть слышным голосом, и вскоре из всех мастерских вышли серьезные оружейники в прожженных передниках и с руками, покривевшими от работы с металлом. Как свита за королем, они прошли за мастером Кларсом и его гостями в большую комнату с простыми лавками вдоль стен, на которых были разложены различные кольчуги, шлемы, подшлемники, а на обшитых простыми деревянными панелями стенах висели всевозможные мечи и кинжалы. В одном углу красовались, укрепленные в специальной стойке, сверкающие секиры, а другой угол ощетинился боевыми топорами. Луки и стрелы разных видов притягивали взгляд, казалось, они так и просятся в битву, чтобы запеть свою вечную песню смерти.

Здесь же можно было заказать боевое снаряжение для коней — седла, приспособленные для всадников в доспехах, массивные стремена, стеганые попоны и множество вещей и вещиц, назначение которых понятно только настоящему воину.

Они долго выбирали, примеряли, прикидывали, потом пошли в кузницу, и мастер Кларс сам достал клинок из кучи заготовок, приготовленных для последней закалки. У Конана от звона молотов, смеха кузнецов, шипения воздуха в мехах, брызгающих искр и запаха горячего металла просто руки зачесались, и он подхватил огромный молот, стоявший у стены.

— А, ну-ка, давай покажи, на что способен! Вижу хватку. Кузнецом был, что ли?

— И это приходилось! Эй, ребята, поддайте огоньку! Клинок, вынутый из чана с соленой водой, докрасна раскалился в горне, и Конан стал аккуратно отбивать его огромным молотом, а мастер Кларс доводил его своим молоточком.

Бёрри, покрутившись немного возле горна, вскоре исчез, не выдержав жара и шума.

Так он и пропадал где-то до самого вечера, когда потные и усталые мастер и его могучий помощник вышли во двор. А в кузнице за их спинами продолжал пылать огонь и неутомимо перестукивались молоты, большой и малый.

— Значит, договорились. С утра приводиши коня, меняем подковы, выбираешь сбрую. А сейчас надо малость отдохнуть. Эй, Бёрри, старый гуляка, куда тебя демоны утащили?

Его громовой голос разнесся над всей улицей, и собаки во дворах ответили бешеным лаем.

Дверь конюшни скрипнула, и на пороге показался Бёрри. Великолепный щеголь, похоже, неплохо выспался на сене и сейчас, с соломинками, приставшими к штанам, безрукавке, шапке, зажатой под мышкой, растерял половину своей важности. Конан не выдержал и расхохотался.

— Теперь тебе осталось поужинать у «Старого Лиса», и можно будет наведаться к другой вдовушке с сундуком, а?

— Хорошо, что напомнил! Чуть не забыл, а я ведь ей обещал! Пойдем, провожу тебя до харчевни, по дороге расскажу про этого Ферндина, а потом к ней! Ведь жареный гусь это тебе не шутка! Да и сама она... м-м-м... — Бёрри замотал головой, зажмурился и выразительно причмокнул.

Тут уже и мастер Кларс засмеялся и ткнул его в живот могучим кулаком:

— Ну ладно, раз уж обещал, то иди! А завтра приходиши к нам, и мы тебя отсюда не выпустим, пока не пропоешь все, что знаешь. Особенно про короля Грегора! Ладно, идите, вон уже почти стемнело. Эй, Арнольф, бери факел и проводи этих господ! Живо, постреленок!

Мальчишка с зажженным факелом, Конан и Бёрри вышли за ворота, а мастер Кларс еще долго смотрел им вслед, то хмурясь от невеселых дум, то вдруг чему-то улыбаясь. Потом вернулся в кузницу, и к стуку молотков присоединился его властный рокочущий голос.

ГЛАВА 6

Праздник Изобилия Митры исстари был для жителей Мэноры и всего герцогства Бергхеймского самым радостным событием года. Земледельцы собирали урожай, пастухи подсчитывали подросший приплод, и все они возносили моления Митре о даровании благ на будущий год.

Браки, заключенные сразу после праздника, считались самыми крепкими и счастливыми. Поэтому еще много дней после совершения всех обрядов и церемоний, посвященных Пресветлому Митре, город и вся провинция праздновали бесчисленные бракосочетания. Но в этом году, несмотря на обычное оживление, царившее в Мэноре накануне праздника, все же чувствовалось какое-то напряжение, смутная тревога, ожидание несчастья. Город по-прежнему жил, торговал, улицы полнились народом, но не слышно было ни громких голосов, ни смеха. Сидя в харчевнях, горожане о чем-то тихо переговаривались, сокрушенno качая головами, а в разговорах только и слышалось упование на справедливость Всеблагого Митры, который не допустит такой напасти.

Ферндин — вот было имя, растревожившее весь город, имя этой напасти, которой, как чумы, боялись все жители. Герцог, их мудрый молодой герцог Оргельд, который преобразил все герцогство за такое еще недолгое время своего правления, вдруг стал послушной игрушкой в руках безродного проходимца! Куда подевались его спокойствие и рассудительность в делах правления, где теперь его мудрые приговоры в делах суда! Нескончаемые пиры, охоты, бешеный разгул — и все дела в забросе, а если что и приходится решать, то герцог сначала спрашивает совета у своего незаменимого Ферндина, а потом повторяет его слова как результат собственной мудрости.

И вот теперь Ферндин собирается участвовать в Большом Турнире! Когда эта новость облетела город, он стал похож на растревоженный муравейник. Ведь Турнир, вернее, победа на Турнире, посвященном Всемогущему Митре, — единственная возможность для низкорожденного обрести титул, который в ином случае передавался только по наследству. В Турнире могли принимать участие воины любого звания — графы, бароны, а также простолюдины. И тот, кто становился единственным победителем, считался избранником Митры. Если в жилах победителя текла благородная кровь, герцогская награда придавала больший вес его титулу и преумножала его богатства. Если же Митра даровал победу простолюдину

— тот сразу же становился благородным рыцарем, а титул и богатство, которые он при сем получал, делали его влиятельным человеком.

Этого и добивался Ферндин. Без титула и поместий он был подобен легкой щепке, пляшущей на гребне волны. В любой момент герцогский каприз или происки придворных могли вышвырнуть его прочь из дворца, а вот если бы у него был титул... О, тогда он мог бы побороться с любыми недоброжелателями! Закрепить то, чего уже добился, и стать главным советником герцога по государственным делам, заняв то место, которое занимал когда-то барон Дисс из Редборна. А дальше...

Дальше — он стал бы истинным правителем Бергхайма, вертя герцогом, как красивая любовница вертит старым сластолюбцем...

Это видели и чувствовали все — и приближенные герцога, и простой народ. Праздник Митры приближался, как громадная грозовая туча, и было неизвестно, пройдет ли гроза стороной или спалит своими молниями весь город.

Такую удручающую картину нарисовал перед Конаном красноречивый Бёрри, когда они вечером возвращались в харчевню старого Лиса. И Конан, в глаза не видевший ни молодого герцога, ни коварного Ферндина, уже вполне отчетливо представлял своего будущего противника. Рассказав все это, Бёрри на мгновение остановился и спросил:

— Теперь понял, почему мастер Кларс смотрел на тебя такими глазами?! Руку даю на отсечение, воинов, подобных тебе, не будет на этом турнире! Поверь бродяге Бёрри, я ведь много лет смотрю эти состязания! Господа прекрасно владеют оружием, но все они узки в кости, ни у кого из них нет таких широченных плеч и могучих рук, как у тебя! А простолюдины вообще редко суются на эти турниры — ведь правила здесь достаточно жестоки: воинам дозволяется сражаться до смертельного исхода. В последние годы многие бойцы предпочитают признать себя побежденными, чем лишиться жизни, но все же... Кому из простых воинов захочется рисковать головой, сражаясь с ловким рыцарем, с детства приученным сидеть на коне и каждый день упражняющимся в боевых искусствах! Но ты... Таких молодцов Мэнора, пожалуй, еще не видала, и, может, это сам Митра привел тебя сюда в нынешнем году!

Он задумался и шел молча всю дорогу до постоянного двора. У ворот Бёрри сказал:

— Я сейчас к Лису не пойду, а то потом мне будет уже не выбраться к моей красотке! Завтра утром жди, я за тобой заскочу, пойдем ковать твоего жеребца! А ты, малец, посвети-ка теперь мне, чтобы ненароком не споткнуться по дороге! — И, подтолкнув мальчишку с факелом, он скрылся

за углом.

Умывшись на заднем дворе и как следует закусив в компании крестьян, собиравшихся удачно поторговать после праздника, Конан отправился наверх, попросив хозяина разбудить его пораньше. Но, проснувшись наутро от довольно увесистых тумаков и нехотя открыв глаза, он, к своему удивлению, увидел Бёрри, сияющего чистотой своего наряда. Рыжие его волосы были чисто вымыты и светились в солнечных лучах, словно пламя костра.

— Давай-давай, просыпайся! Я нарочно вышел пораньше, чтобы поквитаться за вчерашнее! Ты, приятель, тоже спать будь здоров. Еще немного — и кувшин опрокинул бы на твою голову!

Конан сгреб его в охапку и повалил на ложе, которое застонало и заскрипело от их возни.

Но запах горячего жаркого, разливавшийся по комнате, привлек внимание киммерийца, и, пару раз стукнув Рыжего подушкой, он быстро сел за стол.

— Ты, наверное, сыт: не может быть, чтобы вдовушка отпустила тебя на голодный желудок!

— Ну, нет, не думай, что все это только для тебя! Я так торопился, что толком и не поел, к тому же она все время требовала поцелуев, и я несколько раз чуть не подавился — такая еда, сам знаешь, не в прок!

— А как же твоя безрукавка? Что теперь будет с рукавами? А штаны, ты о них подумал?! Нет, я ничего тебе не оставлю, сиди тихо и украшай мою трапезу своим великолепием!

— Эх, киммериец, молод ты еще так говорить о Рыжем Бёрри! Что ты, собственно, обо мне знаешь? Ничего! Смотри, как едят знатные господа, и Рыжий Бёрри в том числе!

И он, подсев к столу, начал есть так важно и чинно, не проливая ни капли соуса и не пачкая рук, что Конан, забыв про жаркое, с восхищением уставился на своего приятеля. Изящным движением Бёрри поднял кубок и стал медленно пить вино небольшими глотками. Этого Конан вынести уже не смог — Бёрри, пьяница Бёрри цедит вино, как старый барон на поминках! Мощный хохот сотряс стены комнаты, и Бёрри, не выдержав, отставил кубок и тоже захохотал.

Наскоро покончив с едой, они поспешили оседлать лошадей и отправились к мастеру Кларсу.

— Пусть-ка он заодно и мою легконогую Зольду перекует, а то начнется праздник, потом турнир, и неизвестно, что и как там еще будет... — рассудительно заметил Бёрри.

Они галопом промчались по утренним улицам и остановились у знакомых ворот.

Мастер уже ждал их и, когда мальчишки увели лошадей в кузницу, сказал:

— Они там сами все сделают! А я ведь так и знал, Рыжий, что ты приведешь ко мне свою красавицу кобылку. Ну, пошли, кое-что посмотрим!

И они направились комнату, где на стенах было развшано оружие. Там их ждал высокий темноволосый юноша с серьезными глазами.

— Это мой старший сын, Риальт. Если хочешь, он будет твоим оруженосцем. Ну а теперь — за дело. Давай, киммериец, надевай доспехи!

Сразу же, как только они вошли в комнату, Конан заметил в углу, где вчера грозно топорщились секиры, аккуратно разложенные на широкой лавке готовые доспехи. Их размеры и отделка не оставляли места сомнениям: они были сделаны именно для киммерийца. Значит, мастер и его работники не спали всю ночь, торопясь выполнить заказ к утру.

Конан подошел к лавке и со знанием дела стал осматривать доспехи. Он сразу же оценил и плотное тонкое плетение колец, из которых была собрана кольчуга, и удобные пряжки, и латы, которые надежно защищают тело, не стесняя движений. Тут же на лавке лежали большой тяжелый щит с изображением солнечного диска и сияющий меч с массивной рукоятью.

Рядом с мечом мастер положил ножны с богатой золотой насечкой.

Облачившись с помощью Риальта, очень ловко застегнувшего все пряжки, в свои новые доспехи, Конан с удовольствием прошелся по комнате. Он любил это ощущение железной тяжести на своем теле — так он еще острее чувствовал свою силу, и кровь невольно вскипала в жилах от предвкушения битвы.

Мастер подал ему щит, и Конан, вынув меч из ножен, несколько раз со свистом взмахнул им в воздухе.

— Мне кажется, что я родился в этих доспехах! Мастер Кларс, ты — король всех оружейников! Ну, теперь-то я потешусь на Большом Турнире, посмотрю, что за рыцари сражаются во имя Светлого Митры!

— Но сначала ты опробуешь оружие и доспехи в схватке со мной. Не надо, чтобы тебя раньше времени видели на Священном Ристалище — там сейчас множество приезжих рыцарей пробуют свои силы и хвалят ловкостью на потеху простому народу. У проклятого Ферндина развелось слишком много прихвостней, и они тоже наверняка вертятся там, высматривая слабые места противников. Никто не знает, каков он в бою, говорят всякое — и что владеет мечом, как знатный рыцарь, и что не выдержит первого же поединка. Но я не сомневаюсь, что противник он

опасный! А сейчас, Риальт, проводи гостей на задний двор и скажи подмастерьям, чтоб туда не совались — иначе шкуру спущу! Подождите меня там, я скоро приду.

Конан еще вчера понял, что ему предстоит не просто герцогский турнир, а нечто гораздо более серьезное и опасное. А после суровых слов мастера Кларса предчувствие смертельной схватки жаркой волной прошло по всему телу, заставив руки крепче сжать кожаные петли щита и рукоять меча, ноги — напружиниться, а глаза — вспыхнуть голубыми холодными искрами.

То, что мастер Кларс назвал «задним двором», было идеально ровной площадкой, со всех сторон огороженной крепким деревянным барьером. Здесь можно было опробовать коня, доспехи или провести настоящий бой, не опасаясь лишних глаз — со всех сторон площадку окружали глухие стены построек и высокие деревья густого сада.

Сюда и привели конюхи могучего вороного жеребца и игривую гнедую кобылу. На спине жеребца красовалась плотная попона, защищавшая бока и ноги благородного животного. На его голову был надет налобник с прорезями для глаз, а кожаному седлу с позолоченными стременами мог бы позавидовать любой барон. Конь нетерпеливо скреб землю копытом и тряс головой, позвякивая уздечкой. Конан обошел вокруг него, любуясь упряжью. Все было сделано на редкость добротно, украшено чернью и блестящими металлическими накладками. Осмотрев подковы и оценив чистую работу кузнецов, аккуратно подпиливших копыта, он, несмотря на тяжелые доспехи, легко вскочил в седло и пару раз проехал по кругу, проверяя, все ли удобно. Конь, словно разделяя удовольствие своего хозяина, бежал по площадке, словно не чувствуя на широкой спине тяжести седока.

Бёрри, стоя рядом со своей кобылой, любовно похлопывал ее по крутой шее и восхищенно приговаривал:

— Ай да старина Кларс, надо же, за одну ночь все сделал! Ну, Ферндин, теперь берегись!

Конюхи вывели во двор еще одну лошадь, для мастера Кларса. Широкая в кости, золотисто-рыжая кобыла смирно стояла, пока на нее надевали сбрую. Из неприметной боковой двери вышел сам мастер, облаченный в доспехи. Они, как видно, побывали во многих схватках здесь, на заднем дворе, их отделка, когда-то богатая, изрядно побила и помялась, но меч, висевший в ножнах у бедра Кларса, производил нешуточное впечатление.

— Ну, киммериец, сейчас ты мне покажешь, на что способен! Правда,

сила у тебя такая, что ты ненароком можешь и пришибить старого Кларса, но здесь — не герцогское ристалище, держись спокойно и хладнокровно! Давай, начали! — Он взял из рук сына шлем, надел на голову, вскочил на лошадь и отъехал в противоположный конец двора.

Подмастерья, не в силах сдержать любопытства, подглядывали за ними из-за чуть приоткрытых дверей и углов хозяйственных построек. Звон стали, топот копыт и резкие выкрики мастера Кларса, требовавшего от Конана все новых приемов боя, заглушали их восхищенные голоса. Но, когда мастер остановился и отдал щит Риальту, их тут же словно ветром сдуло.

Сняв шлем и тряхнув слипшимися от пота волосами, мастер, отдышавшись, подъехал к Конану:

— Вижу, ты — прирожденный воин, как я — прирожденный оружейник! Я еще не встречал человека, который владел бы всеми приемами, какие ты мне показал! Слезай с коня, раздевайся, а я пошлю Риальта к Лису: с сегодняшнего дня ты — мой гость! И не спорь, не спорь — так для тебя будет лучше. Я и сам люблю Старого Лиса, пропустить у него стаканчик — настоящее удовольствие, но постоянный двор — это постоянный двор, войти туда может всякий. Думаю, ты меня понимаешь. Эй, Бёрри, поставь свою Зольду в мою конюшню и тоже перебирайся сюда — я предупреждал, что теперь ты мой: хватит потешил гуляк в харчевне!

Он спешился, и конюхи тут же приняли повод его спокойной лошади. Горячий вороной жеребец, все еще возбужденный схваткой, ржал и пытался встать на дыбы, но и его вскоре увели со двора.

Риальт помог снять доспехи и, передав их подбежавшим мальчишкам-ученикам, отправился в заведение Старого Лиса. Мастер Кларс, Конан и Бёрри не спеша шли по саду, и оружейник говорил:

— Я хорошо знаю молодого герцога и характер его изучил достаточно. Он горячий, вспыльчивый, но, когда это нужно, сохраняет непоколебимое спокойствие и выдержанку. Он всегда знал, чего хочет, и мог этого добиться. А теперь вдруг все полетело кувырком, появился этот Ферндин — и герцога как подменили! Нет, тут дело нечисто! Я даже думаю, не обошлось без колдовства. Ты, киммериец, будь начеку, у тебя нынче страшный противник! Эх, если бы я мог дать в придачу к своей силе свою ненависть! Если бы мог!

ГЛАВА 7

Его разбудил осторожный стук в дверь. Сон улетучился сразу, сменившись холодной ясностью пробудившегося сознания. Да, уже утро, скоро взойдет солнце и начнутся все эти дурацкие церемонии с поклонами и жертвоприношениями. Ферндин резко сел, спустил ноги на мягкий ковер и одним махом осушил заранее приготовленный кубок вина с растворенным в нем крошечным кусочком кеубы — плотной красноватой массы, изготавляемой в подземных кельях нелюдимыми жрецами Сета.

Сет — вот кто истинный владыка этого мира, могучий загадочный змей, хозяин жизни и смерти! Лишь он достоин поклонения и почитания, а не этот безликий идол, которого слабые людишки ублажают невинными жертвами! Митра, Податель Жизни, Изобильный Бог, и Солнце — око Его... Чего только не выдумает человек, лишь бы урожай на его поле мог прокормить семью и коровы хорошо плодились!

Ферндин усмехнулся, чувствуя, как жар кеубы разливается по всему телу, наполняя члены молодой силой и легкостью. Сколько же ему лет? Трудно сказать... Пожалуй, не меньше восемидесяти. А зеркало отражает черноволосого мужчину с жестким хищным лицом, которому больше сорока никак не дашь. Славный уголок это захолустное герцогство, славный и очень богатый! Скоро он, Ферндин, станет его полновластным хозяином, тогда можно будет подумать о других праздниках для народа и других богах! Вернее — Боге! И уж, конечно, не ягнят и фрукты будут приносить ему в жертву, а таких вот тепленьких смуглых овечек, как та, что досматривает последние сны на его ложе. Какие же славненькие служанки у этого простофили Оргельда!

Он подошел к спящей девушке, резко отбросил покрывало и, заглушив жадным поцелуем испуганный вскрик, бешено овладел бьющимся телом — это кеуба, клокочущая в крови, требовала выхода.

Удовлетворив неистовый порыв утренней страсти, он оставил разметавшуюся на ложе, совершенно обессилевшую девушку и, быстро одевшись, вышел за дверь.

Не глядя на слуг и испуганных служанок, почтительно уступавших ему дорогу, он прошел прямо в покой герцога. Оргельд стоял у большого зеркала и поправлял вышитый воротник парадного наряда, надевавшегося лишь раз в году, в праздник Изобилия Митры.

Старинный головной убор из голубого бархата, расшитый золотом,

оттенял красоту светлых волнистых волос, падавших на плечи. Широкая куртка с пышными рукавами, перехваченными голубыми лентами чуть выше локтя, и короткие штаны сверкали в свете восходящего солнца богатой золотой вышивкой и драгоценными камнями.

Герцогу Оргельду этой весной исполнилось тридцать лет, и выглядел бы он совсем неплохо, если бы не припухшие от разгульных ночей веки и не сероватый цвет лица, сменивший с недавних пор здоровую белизну кожи. Глаза, раньше такие живые и веселые, потухли и смотрели на мир со скучой и отвращением.

Похоже, жизнь потеряла для него всякий интерес, и ему приходилось взбадривать себя самыми нелепыми развлечениями, которые с таким искусством придумывал неутомимый Ферндин. И сейчас, увидев его, Оргельд сразу ожиился:

— Наконец-то ты пришел! Ты будешь сегодня все время со мной — этот праздник, который раньше так меня радовал, теперь ничего, кроме скуки, не вызывает. И глаза... Так ломит глаза от этого яркого солнечного света! Я бы лучше проспал весь день, а вечером в нижних залах можно было бы что-нибудь устроить... Но нет, только не сегодня... И герцогиня... Она в последнее время совсем мне разонравилась! Что бы это значило, друг Ферндин? Ответь, а то я сам себя не понимаю...

— Мой герцог, я на своем веку повидал немало людей и к тому же сам прошел через это. Как мальчик становится юношем, так и молодой человек становится зрелым мужем, и это подобно тяжелой болезни. Все пройдет, все встанет на свои места, просто мир будет казаться совсем другим, и то, что раньше было дорого, развеется как дым, а полюбится что-то совсем другое...

— Как точно описал ты то, что со мной происходит! Я каждый день благословляю судьбу, пославшую мне тебя, мой разумный Ферндин! Твои слова успокаивают, и жизнь не кажется такой пресной! А как хороша вчера была та, черноволосая, что отплесывала на столе, а?! — И он, засмеявшись, вышел на галерею.

«Глупый щенок, пока ты еще уверен, что если вырядишься в платье, сверкающее, как солнце, то милость богов тебе обеспечена! Но погоди, очень скоро сомнение совсем отравит твою душу, солнечный свет станет невыносим, и ты будешь принадлежать только Сету, могучему Змею Вечной Ночи, а всякое упоминание о Митре будет изгнано отсюда навсегда!» Ферндин, не сводя глаз с двери, ведущей на галерею, неслышными шагами подошел к изголовью герцогского ложа и резко взмахнул рукой, очертив в воздухе причудливую фигуру. Тотчас же стала

смутно видна огромная прозрачная змея, свернувшаяся клубком на подушке. Она приподняла треугольную голову, несколько раз молниеносно высунула и убрала раздвоенный язык и снова свернулась клубком.

— Очень хорошо! Лежи здесь, усыпляй его разум, высасывай его мозг, пусть останется лишь послушная мне оболочка! Герцог пока мне нужен, а потом... — он засмеялся зловещим каркающим смехом, — потом я отдам его тебе, малышка!

Змея сверкнула желтым глазом и еще туже свернулась в клубок. Ферндин снова махнул рукой, и видение пропало.

— Ах, как жаль, что она у меня всего одна, эта колдовская змея, порождение огненных глубин! Без нее я не могу покорить герцогиню так же легко, как ее доверчивого супруга! Я мог бы, конечно, приказать ей прийти, как любой из служанок, но я хочу не этого... Мне нужно не только тело, мне нужна и живая душа, а ее душа полна ненависти... Она ускользает, ускользает от меня! О, каких неимоверных усилий мне стоит заставить человека бездумно повиноваться! И как это было трудно тогда, год назад... — он нахмурился и прикусил губу. — Ну, ничего, время — мой союзник, скоро герцог перестанет быть помехой на моем пути, ненависть сменится страхом, и тогда, прекрасная герцогиня, придет твой черед! Ха-ха-ха! А хороша, клянусь кольцами Сета, до чего хороша! И какую страсть сулят ее глаза, ее гибкое тело! Нет, прекрасная герцогиня, ты все равно от меня не уйдешь, я выпью тебя до дна!

Он отошел от ложа и снова остановился около зеркала. Герцог, вернувшись в спальню со свежей, обрызганной каплями легкого ночного дождя розой, задумчиво сказал:

— Какой прекрасный запах у цветка! Он будит во мне тоску по былому, и сердце сжимается от предчувствия чего-то ужасного... Однако все это — мальчишество, не так ли, Ферндин? Пойдем, уже пора, скоро выход жрецов. Ах как он пахнет, этот цветок! Пойдем скорее, я подарю его герцогине!

Ферндин изобразил на лице понимающую улыбку, хотя в груди у него бушевали яростные вихри. Столько сил потрачено, а какой-то там цветок, который ничего не стоит смять в руке, способен своим запахом воскресить воспоминания и почти угасший разум!

Проклятие! Этот мальчишка не так слаб, как казалось сначала. Нет, победа в турнире и титул нужно добыть любой ценой, тогда, бывая при герцоге неотлучно, он сможет сделать с ним все, что угодно. Да, все!

Герцог Оргельд ждал герцогиню на нижней галерее дворца. Она немного задержалась в Угловой Башне, откуда наследник желал смотреть

на праздничную процессию и жертвоприношение. Оставив мальчика на попечение многочисленных нянек и служанок, Лавиния поспешила спуститься вниз.

На ней был такой же старинный наряд, как и на герцоге. Широкое от самой груди платье из голубого бархата столь густо усыпали драгоценные камни и покрывало золотое шитье, что оно почти не гнулось при ходьбе. Мягкая шапочка из золотой парчи двумя валиками обрамляла бледное лицо и чистый высокий лоб, на спину спускалась легкая белая накидка.

Герцогиня вышла на галерею, зажмурившись от яркого солнца. Она была изумительно хороша в этом сияющем одеянии и прекрасно это знала. Как и в прошлые годы, со всех сторон раздался восхищенный шепот придворных и слуг, приятно волнуя кровь. Герцог с внезапно вспыхнувшими щеками подошел к ней и торопливо взял за руку:

— Как ты прекрасна сегодня, Лавиния! Ты — как цветок, сияющий каплями росы!

И он протянул ей розу. Лавиния, давно уже не слышавшая от герцога подобных слов, улыбнулась благодарной улыбкой и прикрепила розу к груди.

Взявшись за руки, они медленно стали спускаться во двор по широкой мраморной лестнице. Внизу их ждала позолоченная колесница с впряженной в нее парой ослепительно белых коней, украшенных султанами голубых перьев.

Герцог и герцогиня рука об руку обошли вокруг двора, величественно отвечая на поклоны слуг. Наконец они взошли на колесницу и выехали за убранные венками и цветочными гирляндами ворота дворца.

Ферндин окказался зажат где-то в углу двора, между воротами конюшни и проходом, ведущим на кухню. Герцог, как влюбленный мальчишка, смотрел только на герцогиню и даже не вспомнил о нем, Ферндине! А все эти графы и бароны, конечно же, норовили протолкаться поближе к властелину, не без злорадства оттирая ненавистного Ферндина туда, где жались конюхи и повара.

В этом темном углу никто не обращал на него внимания, никто не видел его страшного, искаженного злой лица, а он стоял, прижавшись спиной к стене, и яростно шептал побелевшими губами: «Скоро, скоро все будет не так, все будет по-другому! Около герцога останусь только я и послушные мне люди! Завтра турнир, он все решит. Победа будет за мной, ибо я — избранник Сета, и такова воля Его!»

Слуги между тем поспешили подняться на дворцовые стены и облепили окна сторожевых башен, стараясь разглядеть процессию жрецов,

возвращавшихся с полей в храм.

Уже три дня жрецы Митры обходили близлежащие селения, совершая обряды, принимая дары и благословляя поля и пастбища. Теперь их ждали здесь, в Мэноре.

На площади перед храмом был сооружен величественный жертвенник, на котором несколько раз в году приносились жертвы Митре. Сегодня, в день Изобилия Светлого Бога, жертвенник был украшен грудами цветов и развевающимися пестрыми лентами. По краю золотой чаши, где скоро должен будет вспыхнуть Священный Огонь, лежал венок из роз, полевых цветов и злаков.

Возничий, трижды объехав площадь под восторженные крики толпы, остановил герцогскую колесницу неподалеку от входа в храм, у белой мраморной стены сада, посвященного Митре. Свита, скакавшая на конях следом за колесницей, остановилась поодаль, и народ, плотным кольцом окруживший площадь, жадно любовался сверкающими нарядами герцога и герцогини, а также роскошными одеждами придворных.

Вдруг где-то далеко послышалось пение множества голосов, гулкие удары гонгов и нестройные возгласы. Это издалека, часто останавливаясь, медленно приближалась процессия, а горожане, прославляя Митру, возлагали на жертвенные повозки свои дары.

Улицы, по которым проходили жрецы, были тщательно подметены и обрызганы водой, на гладкие камни мостовой со всех сторон сыпались живые цветы. Повсюду разевались разноцветные ленты и флаги, а радостные толпы горожан в праздничных одеждах с нетерпением ожидали очередной остановки процессии.

Впереди, олицетворяя собой Светлого Митру, шествовал в белоснежных одеждах сам Верховный Жрец. Его голова была украшена большим золотым диском с множеством дрожащих сияющих лучей, а по спине спускалась широкая лента из золотой парчи, подобная ослепительной солнечной дорожке на тихой поверхности воды.

Его приветливое лицо и улыбающиеся голубые глаза вызывали ответные улыбки и восторженные крики горожан. Время от времени он взмахивал руками, благословляя толпу, а служки, важно шедшие по бокам, разбрзгивали во все стороны ароматическую воду из широких сосудов.

Сзади следовали жрецы в зеленых, алых, желтых и голубых одеждах. На их головах красовались искусно сделанные маски различных животных, героев и демонов. Они непрерывно кружились и пританцовывали, подчиняясь ритму флейт и барабанов.

Музыканты, все в ярко-красных коротких туниках, в венках из

колосьев, тоже танцевали вместе с ними. Вдруг, перекрывая людской гомон и веселую музыку, раздавались удары гонгов. Чистый звон плыл над толпой, и процессия останавливалась. Верховный жрец выходил вперед, поворачивался лицом к служителям, одетым в ритуальные маски, и величественным жестом поднимал руки к небу. Музыканты, на мгновение умолкнув, начинали играть одну и ту же повторяющуюся мелодию, а многочисленные служки, стоя по обе стороны жреца, запевали древнее славословие Митре — Творцу Сущего, Митре — Подателю Жизни, Митре — Изобильному Богу. В это время жрецы в масках начинали свое действие, сложную пантомиму, где силы Света борются с силами Тьмы и побеждают их во славу Великого Митры.

Когда замолкал последний звук песнопения, горожане, напротив которых останавливались пестро раскрашенные повозки, возлагали на них свои дары. И чего только здесь не было! Щедрое лето словно хвалилось румяными яблоками, золотистыми ароматными грушами, вокруг которых вились жадные осы, сизыми сливами, наполнявшими увитые лентами корзины. Круглобокие желтые тыквы казались вызолоченными, гордо выглядывая из охапок свежей огородной зелени.

Другие повозки везли дары ремесленников — свертки добротных тканей, покрывала и попоны с богатой вышивкой, праздничные головные уборы, изящные блюда, кувшины, кубки и чаши — словом, все, чем славилась и была богата Мэнора. Последняя повозка всегда вызывала самый большой восторг горожан: многочисленные ларцы, пустые при въезде в город, постепенно наполнялись золотыми, серебряными и медными монетами, а укрепленные между ними небольшие шесты с фигурными поперечинами так же, как деревья весной покрываются листвами, обрастили ожерельями, браслетами, подвесками, сверкая на солнце золотом и драгоценными камнями.

Как раз эта повозка остановилась там, где стоял мастер Кларс с подмастерьями и учениками. Горожане уважительно перешептывались, с любопытством поглядывая на мальчишек, которые с трудом держали что-то, прикрытое ярко-синим покрывалом с роскошной золотой каймой и диковинными цветами посередине.

Мастер, встряхнув волосами, обильно обрызганными водой из священного источника Митры, не спеша снял покрывало и повесил его на одну из поперечен, рядом с жемчужным ожерельем и тугим бархатным кошельком с бесценной вышивкой, над которой неизвестная мастерица трудилась, наверное, весь год. Под покрывалом оказался большой ларец из розового дерева, покрытый затейливой резьбой и украшенный коваными

уголками в форме причудливых листьев. Мальчики-ученики с трудом поставили его на повозку и откинули крышку. Со всех сторон послышались восхищенные возгласы — ларец был доверху наполнен золотыми монетами, а сверху на них лежал венец с темно-красными вендинскими рубинами, достойными самого короля.

Конан и Бёрри стояли неподалеку: один — невольно представляя себя обладателем всех этих несметных богатств, а другой — радуясь погожему дню, музыке, пляскам жрецов и предвкушая то, что будет позже.

— Если бы такие праздники устраивали хотя бы дважды в год, — с восторгом говорил Бёрри, проталкиваясь сквозь толпу вслед за мастером Кларсом, — я остался бы здесь навсегда и перестал бродить по свету! Забыл тебе сказать, что после жертвоприношения из сада Митры выезжает великое множество повозок с вином и угощением, и праздник продолжается до утра. А потом те, кто еще стоит на ногах, отправляются к Священному Ристалищу смотреть поединки. После этого, сам понимаешь, опять угощение, да какое! Это уже от самого герцога. Ну ладно, не зевай, вон и площадь видна, надо встать поближе к жертвеннику!

Но им уже не было нужды толкаться — перед мастером Кларсом люди почтительно расступались, а видя рядом с ним внушительную фигуру Конана и плутовское ухмыляющееся лицо Рыжего Бёрри, приветствовали их так, как будто они тоже были участниками процессии. Бёрри только успевал кивать, здороваться и хлопать по плечам своих многочисленных приятелей.

Они вышли на площадь и остановились возле большого ясения, крона которого, взметнувшись высоко над белой стеной священного сада, давала густую прохладную тень. Отсюда была хорошо видна вся площадь и медленно продвигавшаяся по ней процессия жрецов, торжественно огибавшая жертвенник. Совсем недалеко от них, окруженная придворными в пышных нарядах и неподвижно замершими воинами, стояла герцогская колесница.

Белые кони, блеск золота и сияние драгоценных камней на одеждах герцога и герцогини, голубые султаны перьев и голубая туника возницы — все это приковывало к себе внимание не меньшее, чем вереница служителей Митры во главе с Верховным Жрецом и доверху наполненные повозки с дарами. Герцог и герцогиня стояли неподвижно, возвышаясь над толпой как прекрасные изваяния. Народ на площади притих, ожидая главного момента праздника. В наступившей тишине было слышно, как поскрипывают колеса повозок, медленно въезжавших в распахнувшиеся ворота храмового сада. Жрецы успели снять маски и остались лишь с

золотыми обручами на головах. Они так же неподвижно встали по другую сторону жертвенника, не сводя глаз с Верховного Жреца.

Вдруг как бы издалека зарокотали барабаны, флейты ответили им легким писком испуганных птиц — музыка становилась все громче и неожиданно смолкла. Опять стало тихо, и хлопанье крыльев стайки диких голубей, пролетевших над площадью в сторону герцогского дворца, показалось всем оглушительно громким.

Верховный Жрец шагнул вперед и, поднявшись на возвышение около жертвенника, резко поднял руки:

— Хвала всесильному Митре! Он посыает доброе знамение для герцогства! Стая голубей, летящих с полей в город — знак процветания и победы Света над Тьмой! Да свершится воля Митры!

С этими словами он повернулся ко входу в храм. Высокие ворота открылись, и юноши, почти еще мальчики, в белых с золотом одеждах, вынесли чаши с жертвенным вином и маслом, корзины с плодами и клетки с птицами.

Они окружили жертвенник плотным кольцом и замерли с протянутыми к чаше руками. Верховный Жрец сошел вниз, и юноши по одному стали подниматься на возвышение, складывая дары в чашу. Вскоре она была наполнена до краев, и возле нее остались стоять лишь юноши, державшие клетки с птицами.

В это время к колеснице подбежали служки и помогли герцогу и герцогине сойти на землю. Медленно двинувшись вокруг жертвенника, властители подходили к клеткам и открывали дверцы. Птицы, пометавшись немного, одна за другой находили путь к свободе и вылетали на волю. Покружиив над замершей площадью, они уносились туда же, где только что скрылась стайка голубей, — к стенам дворца.

— Это знамение Митры! Грядут великие события! — послышался за спиной Конана звонкий шепот. — Неужто Податель Жизни избавит нас от этого выродка? Хоть бы он шею свернул завтра на ристалище!

— И хорошо бы снова наш славный герцог стал таким, как прежде! — ответил ему другой голос. Конану хотелось обернуться, чтобы взглянуть на говоривших, но тут Бёрри подтолкнул его в бок.

В руках у Верховного Жреца уже был зажженный факел, и служитель Митры, стоя на возвышении, под звуки рокочущего песнопения медленно подносил его к яркой груде плодов, украшенных цветами. Пламя вспыхнуло высоко и ярко, над чашей взметнулся столб огня, лепестки цветов сразу обуглились и покернели.

— Жертва принятая! Радуйтесь, жители Бергхайма! Радуйтесь,

горожане! Следующий год сулит изобилие и покой! Заключайте браки, они будут счастливыми, а дети рождаются здоровыми! Восславим же Митру, Светлого Бога, и воздадим хвалу Ему!

И снова над площадью поплыли стройные звуки песнопения, продолжавшегося, пока последняя искра священного пламени не погасла в чаше. Служки в белом так и стояли вокруг нее, охраняя жертвенник от толпы, — ведь зола, оставшаяся на дне, обладала чудесными свойствами исцелять любые болезни, и жрецы тщательно собирали ее после праздника в драгоценный сосуд, чтобы лечить стражущих.

Шум, гам, радостные выкрики, оглушительный перезвон разноголосых гонгов, укрепленных на резной раме у входа в храм, цветы, летящие со всех сторон под ноги жрецов, в последний раз обходящих площадь перед тем, как удалиться, — все это пьянило и будоражило кровь не хуже вина. Конан любил такие праздники, подобные этому, когда кругом веселятся толпы народа, отовсюду несутся шутки и смех, а заботы и тревоги, кажется, рассеиваются, словно утренний туман под лучами жаркого солнца. Киммериец невольно усмехнулся, подумав, как неплохо он мог бы поживиться в такой беспечной нарядной толпе лет десять тому назад. Правда, и сейчас мог бы, но... Но теперь, когда жизнь провела его по стольким дорогам, приподняла столько тайных завес и открыла кое-какие свои секреты — теперь мелкое воровство представлялось ему недостойной детской забавой. А вот драгоценные уборы, как у этих разряженных правителей, что сейчас приближаются к ним на ослепительной колеснице, он бы еще попытался раздобыть...

Так вот он какой, герцог Оргельд, — когда-то отчаянный, но умный мальчишка, теперь попавший в лапы злодея Ферндина! Конан смотрел на герцога с внезапно возникшей симпатией: этот правитель, его ровесник, с немного усталым лицом, на котором силился сохранить приветливую улыбку, был в точности таким, каким представлялся по рассказам Лиса и Бёрри. А рядом... Конан невольно повел плечами, проталкиваясь вперед и не замечая удивленных взглядов Бёрри и Кларса. Лишь подойдя вплотную к стражникам, замершим вокруг площади, он остановился, не сводя глаз с женщины, неподвижно стоявшей в колеснице, опираясь на руку герцога.

Словно почувствовав восхищенный взгляд северянина, герцогиня едва уловимым движением повернула голову, и словно жаркая молния пронзила все ее тело. Кровь, закипев, забилась горячими толчками в кончиках пальцев и окрасила румянцем бледные щеки. Колесница уже давно миновала высокий ясень и стоявших под ним людей, а Лавиния все еще видела перед собой эти зовущие голубые глаза, смуглоеластное лицо,

непокорные черные волосы и могучие плечи.

Судя по виду, это был простолюдин, и не стоило бы обращать на него внимания, но неожиданно возникшее в сердце герцогини смешанное чувство радости и тревоги не покидало ее весь день.

— Кром! До чего же хороша ваша герцогиня! — сказал Конан, пробравшись обратно через толпу к Рыжему Бёрри, когда колесница скрылась из виду и народ хлынул на площадь. — Правда, эта сверкающая скорлупа, в которую она забралась, не дала мне ее как следует рассмотреть, но какие глаза! Какие губы! Счастливчик этот герцог!

— Ого, я вижу, что и ты не уцелел! Многие знатные рыцари носят в сердце такую же занозу, и для кое-кого из этих несчастных я даже сочинял славословия в честь обожаемой богини! Вот послушай:

О Лавиния, богиня,
Свет очей моих плененных,
Восхвалять я не устану...

Эй, Конан, я же еще не кончил, куда ты меня тащишь?! — Бёрри с хохотом отбивался от могучих рук киммерийца, пытавшегося заставить его замолчать.

— У меня от твоих стихов сразу во рту пересохло! Хоть я и не барон, но знаю, что для женщины такие вирши — все равно как побрякушка: позабавилась и забыла. Так что прибереги их для знатных болванов, а сейчас пойдем выпьем. Ты говорил, будут повозки с угощением? Ну и где же они?

Но отвечать Бёрри не пришлось: со всех сторон раздались ликующие вопли, народ на площади расступился, и из ворот сада одна за другой стали выезжать телеги, запряженные быками, рога и шеи которых были обильно украшены цветами. Возницы в пестрых одеждах с гирляндами плоских звенящих бляшек на рукавах весело покрикивали на животных, и вскоре повозки, груженные пузатыми бочками и ароматной снедью, покатились по улицам Мэноры, уводя за собой толпы жаждущих вина и закуски горожан.

ГЛАВА 8

Лишь небо на востоке заалело в предвестии близкого восхода, а на широком лугу у Священного Ристалища уже забурлила утренняя жизнь. Горели костры, и в их ярком свете сновали герцогские слуги, устанавливая последние палатки. Когда взойдет солнце, глазам гостей и горожан откроется красочный, радующий глаз полукруг нарядных маленьких шатров, украшенных всевозможными вымпелами, — здесь будут облачаться в доспехи и отдыхать участники турнира. С другой стороны луга, сбоку от Ристалища, расположились кузнецы и оружейники с переносными горнами и наковальнями. Ведь кому-то из рыцарей в этот день доведется сразиться всего лишь один раз, а кто-то будет рубиться до конца, добиваясь милости Митры и желанной награды. И, конечно, дело не обойдется без помощи умелых мастеров, способных быстро выпрямить погнутые доспехи, заточить меч, перековать лошадь.

Само Ристалище представляло собой обширную площадку, посыпанную чистым речным песком. В последние годы рыцарей, желавших принять участие в Состязании Митры, становилось все больше, приезжали бойцы из Бельверуса, Нумадии и даже из соседних королевств. Поэтому Ристалище в первый день разделялось низкими барьерами на четыре части для проведения одновременно нескольких поединков.

Со стороны, где к полю примыкала небольшая рощица, для герцога и его свиты соорудили довольно высокий помост с деревянным навесом. Ниже располагались скамьи для именитых гостей, а дальше, за невысокой оградой, толпились нетерпеливо горожане, с ночи поспешившие занять лучшие места.

Для жрецов Митры, как раз напротив яркого ряда шатров, возвели некое подобие храма: легкая крыша на резных столбах, низкие ажурные ворота, ступени, ведущие прямо к Ристалищу, и две бронзовые чаши по бокам, в которых будет гореть Священный огонь Митры.

Сейчас, при тусклом свете начинающегося дня, когда не сверкала позолота доспехов, не трепетали на ветру цветные вымпелы и ленты, не слышались зычные выкрики герольдов и звон оружия, весь луг напоминал, скорее, какую-то ярмарку. Перекликались мастера и слуги. Оруженосцы, прибывшие пораньше, занимали палатки и, нервничая, громко ссорились между собой. Торговцы, нигде не упускающие своей выгоды, разложили всевозможные товары и лакомства, громко подзываая горожан,

толкающихся на лугу в ожидании турнира.

Становилось светлее, и народ все прибывал. Хотя до полудня, Священного Часа Митры, было еще далеко, казалось, что половина жителей Мэноры собралась здесь, на широкой зеленой поляне.

С самого утра шум и суета заполнили герцогский дворец. Пока владельцы Мэноры и придворные рассаживались за столами в огромной пиршественной зале, окна которой выходили на восток, слуги и конюхи сновали во дворе, готовя лошадей к торжественному выезду.

В распахнутые окна огромной, украшенной в старинный манер залы вливался прозрачный утренний воздух. Герцогу Оргельду раньше очень нравились темные, без позолоты и резьбы, толстые балки потолка, а тяжелые бронзовые светильники с торчащими, как лучи, наконечниками боевых копий всегда вызывали у него гордость за славных предков. Но сегодня все казалось ему простым и убогим, как убранство придорожной харчевни, он сидел нахмутившись и с тоской ожидал восхода солнца. Солнце — вот что в последнее время раздражало его больше всего, и уже с раннего утра он с нетерпением ожидал прихода ночи, с ее легкими прохладными тенями, игрой пламени на стенах и лицах и тем чудесным, оживляющим кровь чувством всесильности, когда он ощущал себя не правителем, а хозяином Бергхайма. Ферндин — единственный, кто понимает его чувства, угадывает самые сокровенные желания! И скоро он тоже будет сидеть здесь, среди этих притихших графов и баронов, вгоняя знать в краску своими шутками! Хотя нет, ему, пожалуй, придется остепениться и найти другой повод для шуток...

От этих мыслей Оргельда отвлекло легкое прикосновение нежной руки. Лавиния смотрела на него спокойными ясными глазами, но в глубине их легкой тенью притаилась тревога.

— Солнце восходит! Пора наполнять кубки! Все ждут твоих слов, утренних слов повелителя Бергхайма!

Оргельд вздохнул, поднял руку, и тотчас кравчие, только и ждавшие этого знака, стали наполнять золотые кубки пенистым вином Митры. Этот напиток, секрет которого хранили жрецы Светлого Бога, готовился здесь, в Мэноре, из терпких вин, закупленных в Пуантене. Никакое другое вино не могло сравниться с ним в легкости и не давало такого искристого радостного хмеля. И в день начала Туриера Митры утренний пир всегда начинался с кубка этого вина, выпитого с первыми лучами солнца. Край золотого диска выглянула из-за горизонта, позолотив безоблачное небо.

— Хвала Пресветлому Митре, да будет с нами благословение Его, пусть не оставит славный Бергхайм милость Подающего Жизнь, чтобы и в

следующем году, как и раньше, ничто не омрачило нашей радости!

Слова, которые герцог всегда произносил так легко и приветливо, сейчас давались ему с трудом, и губы с усилием растягивались, изображая улыбку. Лавиния смотрела на мужа, безмятежно улыбаясь, но сердце ее скималось от страха и ярости.

Словно сбросив с плеч тяжелый груз, герцог обессиленно опустился в кресло. Кубок прохладного вина освежил его, и он, не прикасаясь к кушаньям, осушил еще два. Но в этот раз желанный радостный хмель не разбежался по телу колючимиискрами, не затуманил голову розовым облаком. Солнце неумолимо поднималось над горизонтом, слепя глаза.

Кругом сновали слуги, разнося праздничные яства на золотых и серебряных блюдах. Придворные оживленно переговаривались, предвкушая любимое зрелище. Имя Фернтина здесь произносилось скорее с насмешкой — никто из сидящих за столом не верил в победу жалкого проходимца, невесть как ухитившегося заслужить благосклонность герцога, все были уверены, что Священный Турнир принесет бесславное поражение назойливому высокочке и он будет с позором изгнан из герцогства.

Утренний пир шел своим чередом, на хорах негромко пересвистывались флейты и свирели. А тот, кто так жаждал занять свое место в этой зале рядом с герцогом, сидел один в своей спальне, с ненавистью глядя на красноватое утреннее солнце. Вино с кеубой, дающей силу и молодость старому телу, было уже выпито, и смуглый молчаливый слуга дожидался Фернтина, стоя около широкой скамьи, накрытой мягким ковром.

— Проклятое солнце! Я полночи молил Сета, чтобы тучи заволокли небо и этот желтый шар не пыпал над головой! Но скоро настанут другие времена, солнце будет скрываться за тучами по моему желанию! Бергхейм — лишь плата за знание, и Сет ее получит! Делай свое дело, Акрус, и разотри меня как следует. Ты подготовил кошачьи шкурки?

— Да, господин, как было приказано, две рыжих и три черных!

— Ты легко их поймал?

— Черные кидались на приманку, как голодные тигры, а потом смирино сидели в мешке — с ними все было просто...

— А что было не просто?! Говори, это важно!

— С рыжими я намучился, о мой господин! Сначала мне никак не удавалось найти хоть одного рыжего, а когда я их нашел — они не пошли на приманку. Такого еще не бывало! Обоих пришлось ловить сетью, и коты ободрали мне все руки.

— Ободрали руки, говоришь? Значит, меня ждут какие-то неожиданные трудности... Ну, а потом?

— Когда я ночью положил их внутренности на Черный Алтарь и зажег жертвенный огонь, он не хотел загораться, пока я не подлил в него несколько капель змеиного яда... Тогда огонь полыхнул до вершины дерева, и жертва была принята!

— Так... Победа будет за мной, но мне придется... Хорошо, начинай, потом разотрешь мазь шкурками, сначала рыжими, потом черными!

Ферндин разделялся и лег на скамью. Слуга снял с пояса пузатый флакон с серебряной крышкой и стал густо намазывать кожу господина отвратительно пахнущим зельем. Но Ферндин с наслаждением вдыхал тошнотворный запах, зажмуриив глаза и постанывая от удовольствия. И сам слуга, растирая крепкими руками тело хозяина, принюхивался жадно трепещущими ноздрями, то и дело проводя языком по узким губам.

Вскоре тело Ферндина заблестело от буроватой жирной мази. Слуга достал из небольшого кожаного мешочка тщательно обработанные кошачьи шкурки и разложил их на полу. На руках Акруса, до локтя покрытых глубокими свежими царапинами, изредка появлялись капли крови, и он их поспешно слизывал.

— Там, должно быть, осталось немного мази — можешь смазать свои царапины! — милостиво разрешил Ферндин.

Слуга почтительно поклонился:

— Благодарю, о мой господин! Но, если мне будет позволено, я смажу их потом, когда кровь остановится!

— Да уж ясно, что не сейчас! Тебе что чужая, что своя — лишь бы кровь! Давай растирай, не медли!

Рыжие шкурки так и замелькали в руках Акруса, а Ферндин, прикусив губу, терпел, изредка глухо вскрикивая:

— О, Всемогущий Сет! Не так сильно! Мягче, мягче! О! Они жгут, как огонь! О-о-о! Быстрее, теперь ноги! И ступни не забудь! О, проклятие!

Не в силах больше терпеть, он резко оттолкнул слугу ногой, вскочил и забегал по комнате, стараясь остудить жар. Все тело колдуна покрыли багровые пятна, он подпрыгивал, как на раскаленных угольях, и сыпал проклятиями. Слуга, поднявшись с пола, невозмутимо взял одну из черных шкурок и, улучив момент, прижал ее к спине господина.

— Наконец-то! Давай скорей, а то этот жар сведет меня с ума! О, как хорошо! Какая прохлада! Я снова чувствую себя юным и готов сражаться хоть с сотней баронов! Еще, еще, ну что ты еле глашишь мне спину! Сильнее, тебе говорят! Вот так, о Сет, благодарю тебя за мудрость твою!

Брось эту шкурку, возьми теперь другую!

Он распластался прямо на полу, и слуга, стоя на коленях, бешено растирал ему грудь, живот, ноги. Руки, все еще покрытые красными пятнами, нетерпеливо скребли пол, но Акрус, опасливо косясь на сильные пальцы господина, и не думал прикасаться к ним кошачьей шкуркой. Наконец, растерев ступни, слуга проворно отскочил в сторону, схватил последнюю черную шкурку и бросил Ферндину, а тот ловко поймал ее на лету и, сидя на ковре, стал сам растирать себе руки.

— Ха-ха-ха! Я вижу, ты не забыл прошлого раза! Да, еще немного, и я лишился бы верного слуги! Зато ты кое-чему научился, и я рад, что не свернул тебе тогда шею... Ну, вот и все, теперь можно одеваться!

Ферндин упругими шагами подошел к зеркалу и с удовольствием стал разглядывать крепкое мускулистое тело со стальными буграми мышц и кожей, свежей, как у семнадцатилетнего юноши. Акрус почтительно стоял сзади с тонкой рубахой, преданно глядя ему в спину.

— Я могу быть уверен в этом... как его? Гордионе, которого молва прозвала Неподкупным?

Ферндин не спеша надел рубаху, наслаждаясь прохладным прикосновением ткани к разгоряченному телу.

— Хм, Неподкупный! Его никто еще не подкупал, вот он и Неподкупный! Я рассказывал господину, как он перепугался, когда несколько дней назад потерял свой зычный голос!

— Да, это было забавно! Кого бы тогда Верховный Жрец назначил на жеребьевку? Какого-нибудь мальчишку-герольда, который поголосистей, а Гордиона ждала прямая дорога в простые стражники...

— Этот бедняга после того, как вместе с вином проглотил черную жемчужину владыки нашего Сета, совсем осип. И чего только он не перепробовал, чтобы снова разбудить свою глотку!

— Ну, а как он принял твои слова обо мне? Я знаю, все слуги во дворце и даже горожане настроены против меня, а гонору у этих мэнорцев — хоть отбавляй! Как же, сам Митра решает судьбы поединков! Так что он сказал?!

— Теперь Гордион Неподкупный — один из преданнейших слуг моего господина! Когда он услышал, что сам Ферндин, друг герцога Оргельда, желает ему помочь, турица вытаращил свои круглые глаза и поклялся жизнью матери — о, хозяин, это для них самая крепкая клятва, — поклялся выполнить все, что изволит приказать господин!

— Он, похоже, смысленый малый! Понял, каналья, что даром ничего не делается!

— Да, и теперь, о мой господин, ты можешь выбирать противников по своему желанию, а славный Гордион, вынимая из чаши пластины, зычно прокричит об этом на радость толпы!

— Хорошо, я сегодня тобой очень доволен, Акрус! Пора выходить... А сейчас исчезни, сделайся неприметным горожанином и вертись возле этого Неподкупного. Я подам тебе знак, кто меня не устраивает как противник... Знамения подсказывают, что какая-то сила вмешалась в мои планы, поэтому будь начеку! Вечером тебя ждет награда, помни!

Ферндин, уже готовый к выходу, в последний раз взглянул в зеркало, под крутил усы и расцвел улыбкой, которую по утрам надевал на свое лицо, как щеголь надевает бархатную шапку.

Они вышли из комнаты, и паж, приставленный к Ферндину, сломя голову побежал на конюшню с приказом выводить лошадь, а желтокожий слуга незаметно исчез в одном из многочисленных переходов дворца.

Когда Ферндин подъехал к Ристалищу, рыцари, желавшие принять участие в турнире, уже собирались. Зрители, окружившие поляну, начали было злорадно перешептываться, что герцогский любимец в последний момент струсил и испугался за свою жизнь, но, увидев его у крайней палатки, испуганно притихли.

Затрубили трубы, возвещая прибытие герцога и герцогини. Солнце, приближаясь к зениту, весело играло в трепещущих на ветру вымпелах, сверкало на золотом шитье нарядов. Вскоре скамьи, покрытые дорогими коврами и бархатными подушечками для дам, заняли люди из герцогской свиты и почетные гости.

Народ встретил появление герцога и герцогини приветственными криками, в воздух полетели шапки, а трубы оглушительно взывали. Опустившись в кресло, герцог медленно поднял руку — это был знак к началу Большого Турнира.

Радостная музыка труб сменилась мелодичным перезвоном гонгов, раздавшимся из деревянного храма. На Ристалище вышли служители Митры во главе с Верховным Жрецом. В это время в широкие ворота, открывшиеся на другом конце ограды, медленно выехали рыцари. Их было тридцать; ожидая благословения, бойцы выстроились напротив жрецов в бело-золотых одеяниях.

Рядом с Верховным Жрецом стоял с большой серебряной чашей в руках сам Неподкупный Гордион. Он каждый год вытаскивал из этой чаши золотые пластины и выкрикивал на все Ристалище волю Пресветлого Митры. Птицы, и без того встревоженные ревом труб и звоном гонгов, в испуге улетали из рощи, засльшав его могучий голос.

Гордион был такой же неотъемлемой частью Большого Турнира, как сам великий герцог и даже как Верховный Жрец. Этот тощий человек, с круглыми навыкате глазами, отличался способностью перекричать гомон возбужденной толпы и рев труб. И сейчас народ, притихнув, ждал любимого развлечения: Гордион достал из чаши свиток с правилами Митры. По этим правилам из года в год, из поколения в поколение проводились турниры на Священном Ристалище.

Рыцари, стоя напротив, замерли, изредка, краем глаза, посматривая на возможных противников. Зрители, перешептываясь, разглядывали грозную шеренгу. Самое большое внимание приковывали к себе два бойца, стоящие по краям: Ферндин в роскошных, вызывающе раззолоченных доспехах на горячем молодом жеребце редкой для этих мест серой масти и могучий воин на тяжелом вороном коне, в чернеющих доспехах — его впервые увидели на Ристалище этим утром. Никто не знал, кто он и откуда прибыл, но для многих рыцарей появление незнакомца ознаменовало крушение всех надежд на победу.

Солнце достигло зенита, многоголосый звон гонгов проплыл над широкой поляной, Верховный Жрец поднял и опустил жезл с золотым диском, а Гордион, важно выступив вперед, провозгласил:

— Пресветлый Митра. Изобильный Бог, Податель и Хранитель Жизни, повелевает начать угодное ему состязание достойных мужей, чтобы один из них, храбрейший и искуснейший в бою, избранный самим Богом, получил свою награду!

— Муж сей, одержавший победу, получает титул и становится знатным рыцарем, если в бой он вступил простолюдином.

— Благородный же рыцарь получает награду, умножающую его богатства, и жалуется титулом, добавляющим славы к его собственному.

— Победитель верно служит герцогу славного Бергхайма, ибо такова воля Митры, даровавшего ему победу.

— Рыцари, пожелавшие принять участие в Турнире, объявляют народу свое имя и звание и получают золотой медальон с изображением Знака Митры.

— Такие же медальоны кладутся в серебряную чашу для жеребьевки.

— Рыцари по жребию Митры делятся на пары и бьются до полной победы.

— Победившие вновь делятся на пары и сражаются между собой до победы.

— Рыцари сражаются боевым оружием: мечами, булавами, кинжалами, и никто не вправе прервать поединок.

— Победитель, если его соперник не может более сопротивляться, вправе сохранить ему жизнь.

— Рыцарь может признать себя побежденным, тогда поединок прекращается.

— Двое рыцарей, победившие всех остальных, сходятся на решающий бой завтра в полдень.

— Всякий, добивающийся победы бесчестным путем, несет на себе проклятие Митры.

— Никто не скажет, что не слышал правил Турнира!

— Да будет с нами благословение Светлого Бога! — И с этими словами Гордион, отдав свиток одному из жрецов, отступил в сторону.

Стоя со своей чашей позади Верховного Жреца, он хорошо видел всех бойцов, но глаза его насторожено оглядывали толпу, в безуспешной попытке разыскать кого-то. Наконец бегающие глазки глашатая натолкнулись на маленького, вертлявого старикашку, и Гордион облегченно вздохнул. А старик-нищий, то и дело мелькал за спинами воинов, что-то бормоча и размахивая руками. Никто не пытался прогнать его от палаток, а торговцы наперебой предлагали полоумному еду. В Мэноре, как, собственно, и во всей Немедии, к сумасшедшим относились с особым почтением: считалось, что они стоят к богам ближе, чем простые смертные, и даже могут предсказывать будущее. Сердить убогого было так же опасно, как дразнить демона, — ведь проклятие его могло навлечь беду на любой дом, на всякого, кто пожалеет для старика кусок хлеба.

И вот сейчас юркий нищий, скалясь и гримасничая, вертелся позади могучего рыцаря, стоявшего с правого края шеренги. Гордион перевел взгляд с него на Ферндана, и они обменялись едва заметными кивками.

Жрец постоял несколько мгновений в глубоком раздумье, а потом протянул жезл в сторону незнакомого воина на вороном жеребце, давая знак приблизиться. Почти не прикасаясь к поводьям, воин направил коня к группе жрецов, спешился и склонил голову в приветствии.

— Как тебя зовут и откуда ты родом? — спросил Верховный Жрец.

— Конан из Киммерии, — ответил черноволосый гигант, сверкнув холодными голубыми глазами.

— Поклянись, следуя Правилам Митры, вести честный бой!

— Клянусь! — Северянин, как учил его накануне мастер Кларс, опустился на одно колено, вынул из ножен меч и опустил клинок острием на песок.

Верховный Жрец протянул руку, и служки поднесли ему широкую чашу с водой Источника Митры. Брызги ароматной воды заблестели на

лице и волосах киммерийца, окропили меч и доспехи, смочили гриву коня.

Один из служителей, негромко напевая песнопение Митры, подошел к Верховному Жрецу с другим сосудом, отдаленно похожим на узкогорлый кувшин. Опустив туда руку, жрец достал круглую золотую пластинку на витом шелковом шнурке.

— Митра дарует тебе Знак Птицы! Наклони голову, киммериец! — И он надел на шею Конану звякнувший медальон. Тут же другой служитель опустил в сосуд Неподкупного Гордиона такую же золотую пластинку.

— Конан, родом из Киммерии! Знак Птицы! — оглушительнозвестил Гордион, выступив вперед. Конан вскочил на коня и занял свое место в шеренге воинов.

На середину ристалища уже выезжал следующий рыцарь.

ГЛАВА 9

Посмотри, моя прекрасная герцогиня, сколько в этот раз собралось рыцарей! Уже несколько лет, с тех пор как нас посетил король, Турнир не привлекал столько желающих! Поистине этот год во всем изобилен — и в плодах земных, и в храбости!

— Да, герцог, сейчас все, кто верен тебе и достаточно силен для поединка, стоят на Ристалище!

Слова герцогини таили насмешку и намек, но герцог не понял ни того, ни другого.

— Я и сам так думаю, дорогая! Ведь даже Ферндин, весельчак Ферндин захотел принять участие! Ах, Лавиния, до чего он умен! Когда он мне что-то советует, я убеждаюсь, что это — единственно правильный путь для действия. Не то что старина Дисс: тот всегда заставлял меня самого искать решение, а потом не оставлял от него камня на камне! Тоже мне советник! Ну, да мир праху его... Ферндин надеется, что Митра поможет ему одержать победу, и тогда, дорогая, он сможет занять место бедняги Дисса!

— О, Пресветлый Митра! Я так и думала, что он именно этого добивается! — Лицо герцогини от гнева вспыхнуло густым румянцем, глаза потемнели. — Оргельд, неужели ты так слеп и ничего не видишь?! Эти люди собирались на Ристалище, чтобы не допустить к власти недостойного, чтобы спасти Бергхейм и тебя!

Герцог досадливо отмахнулся от нее, как от назойливой мухи:

— Ты умна, Лавиния, очень умна, но все же ум у тебя женский! Ты, как любая женщина, пугаешься теней и видишь призраки несуществующей угрозы! В последний раз тебе говорю — оставь Ферндина в покое, или я рассержусь! Не мешай мне смотреть Турнир, не отвлекай глупыми подозрениями!

Герцогиня невидящим взором смотрела на толпу перед собой и кусала губы, чтобы удержать готовые сорваться гневные слова. Но тут раздался громовой рык Неподкупного Гордиона, от которого молодая женщина невольно вздрогнула. И снова перед ней возникло Ристалище, жрецы в белоснежных одеждах, сверкающий грозной сталью ряд бойцов.

— Конан, родом из Киммерии! Знак Птицы!

Герцогиня рассеянно посмотрела на воина, поднимавшегося с колена, чтобы вскочить на коня, и почувствовала, как теплая рука сжалась на

мгновение затрепетавшее сердце и тут же отпустила. Конечно, она узнала его! Это был тот самый гигант с сияющими голубыми глазами, который смущил ее вчера на площади восхищенным взглядом. И еще какое-то неясное воспоминание примешивалось к этому. Невольно Лавиния взглянула на ладонь, и из переплетения линий на нее глянуло лицо. Да, это было то же лицо, которое мелькнуло тогда, у колдуны! И скрещенные мечи! Значит, здесь, на Турнире, решается судьба герцогства! И она, уже не обращая внимания на герцога, продолжавшего что-то говорить, впилась глазами в могучего рыцаря.

Между тем бойцы один за другим выезжали на середину поля и, преклоняя колено перед Верховным Жрецом, приносили клятву Митре. Над Ристалищем то и дело возносился оглушительный рык Гордиона, слышный чуть ли не у городской стены:

- Благородный рыцарь, граф Маргус из Сатона! Знак Дождя!
- Благородный рыцарь, барон Рифсайн из Беркета! Знак Рыбы!
- Благородный рыцарь, граф Брайн из Мердифа! Знак Ветра!

Имя Брайна на какое-то мгновение привлекло внимание герцогини. Она скользнула равнодушным взглядом по ладной фигуре молодого рыцаря, глядевшего не на Верховного Жреца, а на нее, Лавинию, и, слегка ему улыбнувшись. И снова взор ее устремился на черноволосого воина, пытаясь поймать ответный взгляд северянина. Конан! Так вот как его зовут! Из холодной варварской Киммерии! Он даже не смотрит в сторону герцогской ложи, видно, для него уже не существует ничего, кроме предстоящей битвы, и никакие мысли о женщинах не тревожат сейчас его душу.

Лавиния смотрела на могучего бойца и удивлялась внезапно возникшим ощущениям: ей казалось, что она всем своим существом сливаются с гигантом киммерийцем, что это ее ноги сжимают крутые бока боевого коня, что это ее руки жаждут выхватить меч и опустить его на голову ненавистного врага. Никогда еще Турнир не волновал так сильно горячую кровь герцогини и не оставлял таким холодным сердце.

— Ферндин, родом из Заморы! Знак Змеи! — громогласно провозгласил Гордион и подставил чашу, принимая последнюю золотую пластинку. И никто, даже стоявшие совсем рядом служки, не заметили, как она перекочевала в рукав глашатая, а в другом рукаве уже давно лежала припрятанная пластинка со Знаком Птицы.

Вновь затрубили трубы, и герольды рассыпались вокруг всего Ристалища, собирали кошели и монеты, щедро посыпавшиеся со всех сторон.

- Щедрость и Изобилие! — громко провозглашали они, проезжая

мимо оживленно переговаривающихся зрителей. — Щедрость и Изобилие! Победа достойнейшему! Слава и Почести!

Тем временем бойцы покинули Ристалище и в ожидании жеребьевки выстроились за воротами. Герцогские слуги проворно укрепили снятое на время церемонии ограждение, делившее Ристалище на четыре части. Сейчас Митра голосом Гордиона возвестит свою волю — первые четыре пары сражающихся.

Неподкупный Гордион, испытывая терпение замершей толпы, долго шарил рукой в чаше, наконец медленно извлек из нее блеснувшую на солнце золотую пластинку и огласил имя первого бойца:

— Знак Ветра! Благородный рыцарь, граф Брайн! — И передал пластинку служке.

Потом так же медленно опустил руку в чашу и снова стал звенеть пластинками. И вот в его руке сверкает знак противника юного Брайна:

— Знак Птицы! Конан из Киммерии!

Бойцы, не мешкая, надели поданные оруженосцами шлемы, подхватили щиты и заняли место у ворот. Вот и вторая пара встала за ними, следом третья и четвертая.

Толпа, заглушая рев труб, завопила, радостно приветствуя первых бойцов. Герольды торжественно проводили каждую пару на место, и бойцы, повернув коней в сторону герцогской ложи, замерли в ожидании знака.

Герцог Оргельд, забыв про тоску и скуку, которые так мучили его в последнее время, заставив оставить привычные развлечения, горящими глазами смотрел на всадников в блестящих доспехах. Встав с кресла, он кивнул герольду, замершему рядом с ложей. Тот громко воскликнул:

— Разъезжайтесь! — И затрубил.

Рыцари повернули коней и разъехались в противоположные концы своих площадок.

Рука герцога с зажатым в ней красным кожаным мячом на несколько мгновений замерла в воздухе — и вот уже мяч падает вниз, сопровождаемый резким вскриком труб. И тут же поле битвы огласилось ржанием коней и звоном стали. Рыцари бились, изумляя зрителей проворством и ловкостью, на первых порах не нанося друг другу мощных, решающих ударов, а как бы прощупывая слабые места противника.

Но спустя некоторое время внимание толпы, гостей, придворных, а также герцога и герцогини было приковано лишь к одной сражающейся паре — к гиганту киммерийцу и худощавому ловкому Брайну. Все помнили, что в прошлом году юноша одержал блестящую победу, не убив ни одного

из своих соперников. И на этот раз горожане желали удачи ему, молодому красавцу, верному слуге герцога Оргельда. Но противник ему попался нешуточный — здесь, в Немедии, как и повсюду в Хайбории, были наслышаны о бесстрашии и силе киммерийских воинов, которым нипочем ни ледяные демоны, ни огненные драконы. И вот теперь судьба забросила в их маленькое герцогство одного из таких искателей приключений. Кто таков этот варвар с покрытым шрамами лицом? Вдруг этот пришелец окажется еще похлеще проклятого Ферндана?! И вдруг он, чего доброго, одержит победу!

На трех площадках поединки закончились довольно быстро — бойцы, получив небольшие раны, благородно признали себя побежденными. В последние годы подобное повторялось довольно часто и приветствовалось как жрецами Митры, так и самим герцогом: ни к чему было терять верных вассалов.

Но бой на четвертом поле, приковавший к себе внимание всех зрителей, обещал быть долгим. Оба противника, похоже, старались продемонстрировать все свое умение, нападая и искусно обороняясь.

Конан сразу узнал своего соперника: это был тот самый юноша, который испытывал мечи во дворе у мастера Кларса. Еще тогда киммериец оценил ловкость и быстроту удара молодого рыцаря, а сейчас ему самому приходилось отражать молниеносные атаки Брайна. Но для северянина, прошедшего суровый путь бесчисленных схваток, где честный бой легко мог оказаться губительной роскошью, для него, опытного воина, даже за короткое время поединка открылась не одна возможность поразить мощным ударом шустройго мальчишку. Краем глаза Конан видел, чем закончились сражения на соседних полях, да и юноша этот, горячий и отчаянно смелый, нравился ему с каждым мгновением все больше и больше. Нет, надо еще поиграть с ним, пусть покажет все, на что способен, а там... Конан уже знал, как закончит поединок.

Мечи со звоном сшибались, высекая искры, разгоряченные кони вставали на дыбы, а поединок все не кончался. Народ, вначале с недоверием смотревший на киммерийца, ожидая от него грубого боя и бесчестных приемов, постепенно принял его сторону. Жители Мэноры, искушенные ценители рыцарских боев, прекрасно видели все возможности, которыми этот огромный варвар не пожелал воспользоваться. И вскоре крики, подбадривавшие Брайна, сменились восторженными воплями:

— Конан, руби! Смелее, киммериец! Слава и Победа! Хей, хей!

Герцог сидел в высоком кресле как на иголках, привставал,

перегибался через барьер, негромко вскрикивал:

— Какой удар! Митра, ну и боец! Давай, киммериец! Руби!

Лавиния не сводила с Конана восхищенных глаз, уверенная в его победе, и шевелила губами, беззвучно повторяя имя варвара.

Всадники, распаленные затянувшимся боем, разъехались по углам площадки для новой атаки. Конан сильно пришпорил своего жеребца и, как на кровного врага, бросился на молодого рыцаря. Сокрушительный удар меча северянина обрушился на щит соперника так, что лопнула стальная обшивка. Широкая грудь вороного, направляемого умелой рукой киммерийца, врезалась в бок развернувшейся лошади Брайна — и конь, и всадник рухнули на землю.

Рыцарь не успел освободиться от стремян, и конь, падая, придавил юношу ногу. Конану оставалось занести меч и нанести последний удар, ведь противник не просил пощады, не признавал себя побежденным. Но вместо этого он спешился и хладнокровно ждал, пока Брайн встанет на ноги. Толпа вокруг Ристалища взорвалась криком:

— Конан! Конан победитель! Победа Конану! Хей, хей!

Брайн, шатаясь, поднялся на ноги и, прихрамывая, сделал несколько шагов навстречу киммерийцу. Нестерпимая боль застилала глаза юноши багровыми кругами, но он, не дрогнув, ожидал последнего удара. Противник почему-то медлил, и Брайн, усилием воли превозмогая боль, посмотрел на него. Конан стоял перед ним, опустив меч на песок, и спокойно глядел на юношу. Не в силах поднять меч для удара, Брайн, скрипнув зубами от ярости и позора, швырнул клинок к ногам киммерийца, признав этим свое поражение. Не глядя в сторону герцогской ложи, он с трудом, опираясь на плечо подоспевшего оруженосца, пошел к Воротам Побежденных.

Конан, легко вскочив в седло, поднял вороного на дыбы и под восторженные крики покинул Ристалище.

Гордион снова выступил вперед, выкрикивая имена следующих участников турнира. Народ вопил, подбадривая рыцарей, но ни один бой не вызывал уже такого взрыва страстей. Герцог и герцогиня негромко переговаривались, обсуждая удачи и промахи сражающихся. Победители покидали Ристалище, провожаемые приветственными криками, побежденных уносили или они сами, склонив головы, выходили за ограду через Ворота Побежденных.

Каждый раз, когда Гордион начинал выкрикивать имена рыцарей, у Лавинии внутри все сжималось в комок, а герцог Оргельд нетерпеливо постукивал рукой по барьеру. Но на Ристалище выходили все новые пары

рыцарей, а Ферндин все стоял за воротами, глядя на сражающихся холодными глазами.

Осталось шестеро бойцов, из которых составятся последние три пары. Зрители, возбужденные поединками, громко переговаривались, гадая, кто из оставшихся рыцарей сразится с ненавистным Ферндином. Но все сколько-нибудь стоящие воины уже покинули ристалище, и, как нарочно, возможным противником для любимца герцога мог стать либо совсем молодой воин, либо убеленный сединами рыцарь.

Перекрывая гомон толпы, над Ристалищем разнесся голос Гордиона, возвестившего:

— Знак Рыбы! Благородный рыцарь, барон Рифсайн!

— Знак Змеи! Ферндин, родом из Заморы! Толпа недовольно гудела, и Гордиону пришлось напрячь глотку, чтобы объявить две последние пары.

Барон Рифсайн, когда-то лихой боец, гроза турниров, один из ближайших к герцогу людей, был единственным, кто радовался результатам жеребьевки: только для того, чтобы иметь возможность, скрестив мечи, избавить герцогство от опасного пришельца, сел он на коня, забыв про годы. Торжествующая улыбка топорщила седые усы, когда барон надевал поданный оруженосцем шлем, и старик не заметил взгляда, полного ненависти и презрения, который бросил на него стоявший неподалеку Ферндин.

Завыли трубы, рыцари заняли места на своих полях и замерли, ожидая сигнала к началу поединка; герцог, сжимая в руке красный мяч, медлил, словно испытывая терпение зрителей, но вот рука разжалась, мяч упал на песок, и трубы коротко протрубыли боевой сигнал.

И опять, как в начале турнира, все глаза смотрели лишь на одну пару рыцарей — на барона Рифсайна, бросившегося в бой со всей силой накопившейся ярости, и Ферндина, невольно попятившегося в угол от его бешеной атаки.

Герцогиня радостно вскрикнула: ей показалось, что еще немного — и Ферндин будет повержен, не выдержав могучих ударов старого Рифсайна. Герцог в порыве досады стукнул кулаком по барьеру и потребовал кубок вина. Но, когда слуга поднес ему полный кубок, герцог уже видел только сражающихся, забыв обо всем на свете.

Ферндин, в первое мгновение показавшийся таким неуклюжим, вдруг, с неожиданной легкостью орудя тяжелым мечом, отразил натиск барона и, горяча коня, сам кинулся в атаку. Теперь уже он наносил барону сокрушительные удары, и старик только успевал обороняться. Но вот барон ловко уклонился от удара, и меч Ферндина, занесенный над головой

рыцаря, лишь скользнул, звеня, по щиту. С торжествующим криком барон Рифайн опустил меч на врага — казалось, удар, такой мохи способен сокрушить любого противника. Зрители, ожидая, что Ферндин, обливаясь кровью, рухнет на песок, восторженно завопили. Но случилось неожиданное: клинок зазвенел, будто наткнувшись на камень, а перед растерянным бароном, вложившим все силы в решающий удар, сверкнуло лезвие врага. Это было последнее, что увидел старый барон: через мгновение Рифайн уже медленно оседал на песок с разрубленным черепом.

Со всех сторон раздавался свист, неслись проклятия, толпа бесновалась, готовая в щепки разнести ограду. Герольдам стоило немалого труда утихомирить народ. Поединки на соседних полях закончились тихо и незаметно, бойцы поспешно покинули Ристалище, и на песок, обагренный кровью, вышел Верховный Жрец. Гордион стоял немного позади, готовый подхватить негромкие слова Жреца и швырнуть их, подобно ядрам аркбалисты, на головы бушующей толпы. И вот зашевелились бледные губы служителя Митры, а над Ристалищем оглушительно пронесся голос глашатая:

— Бой велся честно! Победитель — Ферндин из Заморы! Такова воля Митры! Состязание продолжается!

Пятнадцать рыцарей выстроились у Ворот Победителей, ожидая жеребьевки. Их оказалось нечетное количество, и это означало, что последний боец, оставшийся без противника, будет сражаться с Рыцарем Митры — одним из служителей Храма. Рыцарь Митры, даже победив в поединке, не имел права на награду: он мог участвовать в следующем бою только как недостающий соперник. И если из двоих оставшихся рыцарей один был служителем Храма, то победа присуждалась второму и на следующий день поединок не проводился.

Неподкупный Гордион, глядя выпуклыми глазами куда-то вдаль, поверх голов волнующейся толпы, вновь подошел с чашей к одному из служителей Митры и стал брать из его рук золотые пластинки, зычно выкрикивая знаки и имена. И снова две из них неуловимым движением перекочевали в длинные, расшитые блестящим шелком рукава праздничного одеяния глашатая. Золотые пластинки звенели в чаше, а Гордион, медленно перебирая их, все так же невозмутимо смотрел вдаль неподвижным взглядом, приводя в восторг зрителей.

Кто-кто, а уж он-то хорошо знал, как быстро толпа меняет настроение, как мгновенно люди переходят от бешеноой ярости, которую, кажется, ничто не может укротить, к радостному ожиданию еще не закончившегося

зрелища. Гордион, чувствуя себя в этот момент тишины единственным властителем пестрого моря голов и тысяч устремленных на него напряженных глаз, испытывал одновременно торжество и презрение. Простаки! Всеми собравшимися здесь движет лишь одно-единственное чувство, уподобляя взрослых и серьезных людей неразумным детям. Любопытство — вот что приводит их сюда, оставляет то бешено биться, то замирать сердца. И он, Гордион, благостью Митры наделенный чудесным голосом и, как никто другой, умевший проводить жеребьевки, с легкостью играл на этой слабости человеческой.

Негромко позывали пластинки в серебряной чаше, но на Ристалище стало так тихо, что даже те, кто стоял в задних рядах, слышали этот волнующий звон. Наконец рука Гордиона стала медленно подниматься, и первая пластинка блеснула в его пальцах.

Наслаждаясь тишиной, беззвучно пульсирующей ударами множества сердец, Гордион опустил глаза на пластинку, немного помолчал, шевеля губами, и наконец взревел, вспугнув осмелевшую стаю ворон и заставив вздрогнуть многотысячную толпу:

— Знак Дерева! Благородный рыцарь, барон Фростус из Хаторы!

Герцогиня, сжав руки и стараясь не смотреть в сторону рыцарей, прислушивалась к выкрикам Гордиона. Герцог, потрясенный не столько гибелью барона Рифсайна, сколько бешеной вспышкой ярости горожан, шептал, кусая губы:

— Я же его предупреждал! Клянусь Митрой, еще одна такая победа — и толпа разнесет все барьеры! Нет, этого нельзя допустить! Эй, мальчик, поди сюда!

Паж подошел и склонился в поклоне, ожидая приказаний. Герцог велел ему приблизиться и что-то прошептал на ухо, нетерпеливо махнув рукой в сторону рыцарей.

— Быстрее, слышишь?! Быстрее!

Не чуя под собой ног, паж сбежал со ступеней и, стараясь не привлекать к себе внимания, что есть духу помчался к Воротам Победителей. Но все равно опоздал — над толпой загремел могучий голос Гордиона:

— Знак Змеи! Ферндин из Заморы!

Под торжественное пение труб четыре пары бойцов выехали на Ристалище и остановились. Герцогиня подняла голову и встретилась с торжествующим взглядом Ферндина. Похоже, он и на этот раз был уверен в победе! Губы Лавинии сложились в презрительную улыбку, и она перевела глаза на соперника ненавистного высокочки. Мальчишка, совсем мальчишка!

Юный рыцарь, недавно представленный ко двору! Это его первый турнир, и как же он горд своей недавней победой! Митра, неужели и он погибнет так же, как старый барон?! Молодая женщина невольно зажмурилась и потрясла головой, отгоняя страшное видение.

Взвевели трубы, возвещая начало поединка, и вновь над поляной раздались боевые кличи. Воины ринулись в атаку, сверкнули мечи — и внезапно все смолкло.

Лишь слабый стон умирающего юноши на мгновение нарушил тишину, Фростус упал грудью на шею коня, меч выпал из разжавшихся пальцев... И тут толпа вновь взорвалась негодующим криком.

Герцог, казалось, пришел в неменьшую ярость, чем его подданные. С его губ слетали гневные слова и проклятия, руки сжимались в кулаки, глаза метали молнии. Лавиния с радостным изумлением глядела на мужа: ей вдруг показалось, что Ферндин своими страшными победами сам вырыл себе яму и герцог теперь навсегда отвернется от своего прежнего любимца, но уже следующие слова герцога заставили похолодеть и сжаться ее сердце.

— Но каков боец! Не чета этим слонятам! Один удар — и противник мертв! Нет, я не буду осуждать Ферндина за эти победы! Такой воин стоит десятка тех, кто просит пощады! Что встали?! Продолжайте бой! — Последние слова герцог Бернхайма выкрикнул громко, так громко, что замершие на мгновение рыцари вновь бросились друг на друга.

Конан со своим противником, рослым рыцарем примерно одних с ним лет, снова скрестили мечи. Через несколько мгновений Конан, забыв про Ферндина, отдался бою, с удовольствием отражая атаки соперника. Это был не горячий Брайн, все время старавшийся застать киммерийца врасплох, — этот боец рубился, неутомимо опуская тяжелый, как молот, меч, словно каждый раз собираясь разрубить соперника надвое. Вскоре Конану надоело обмениваться тяжелыми ударами, от которых было много звона, но мало толка. Вонзив шипы на пятках в бока своего вороного, он стал кружить вокруг рыцаря, не давая тому возможности опустить меч. Вороной, с виду такой огромный и неповоротливый, был послушен легчайшему движению хозяйской руки, и вскоре противник Конана перестал соображать, куда опускать меч и откуда ждать удара.

Развернув своего коня, рыцарь все же размахнулся мечом, но опустить его не успел — варвар ловким приемом, позаимствованным у шемитов, мастеров на такие штучки, выбил клинок из руки соперника. Описав в воздухе кругую дугу, меч упал на песок неподалеку от герцогской ложи.

Противник киммерийца, открыв от неожиданности рот, переводил изумленный взгляд со своей пустой рукавицы на Конана и обратно.

Зрители, только что заходившиеся яростными криками, теперь уже оглушительно хохотали, и перила трещали, на этот раз едва выдерживая восторженные хлопки горожан.

Лавиния сияющими глазами глядела на Конана, и он наконец, словно почувствовав спиной жар ее взгляда, повернул коня в сторону ложи правителя Берхайма. В это время его соперник, разразившись восхищенными проклятиями, послал оруженосца за мечом и покинул Ристалище, все еще изумленно разглядывая свою руку.

— Каков, каков, а?! Душа моя, посмотри на этого бойца — как он украсил наш Турнир! Мне кажется, что именно киммериец будет завтра соперником славного Ферндина! Вот это будет бой, хвала Митре! И знаешь, дорогая, сейчас я не могу даже решить, кто из них больше достоин победы... Пожалуй, все-таки Ферндин! У него поистине государственный ум, а этот варвар...

Герцог Ольгерд продолжал еще что-то возбужденно говорить, вертя в руках кожаный шар, но Лавиния уже ничего не слышала. Ее глаза вели свой неслышный разговор с улыбающимися глазами киммерийца. В одно мгновение был задан извечный вопрос: «Да?» — и получен извечный ответ: «Да!», и никакие другие слова оказались уже не нужны.

Чем кончились остальные два поединка — Лавиния не заметила: перед ней стоял лишь он, черноволосый гигант с суровым лицом и ласковыми зовущими глазами.

Гремели трубы, соревнуясь с глоткой Гордиона, выкрикивавшего имена последних пар, орали толпы зрителей, а Лавиния все грезила наяву. Но вот трубы взревели, возвещая начало поединка, и она, вздрогнув, посмотрела на Ристалище.

По песку гарцевали последние две пары, и, хвала Митре, Конан не бьется с Ферндином. Ей не хотелось, чтобы они сражались сегодня, она боялась того страшного, что вскоре выпадет ей на долю. Еще один день, пусть все решится завтра, а сейчас она будет смотреть, смотреть, смотреть на этого киммерийца...

ГЛАВА 10

Горожане, возвращаясь с турнира, шумными ручейками растекались по улицам Мэноры. На Ристалище оставались лишь служки Храма и герцогские слуги, наводившие порядок. Кое-где спешно чинились поломанные барьеры, которые возбужденная толпа все равно сокрушит на следующий день.

Вслед за зрителями, неохотно покинувшими поляну, чтобы как следует подкрепиться и обсудить поединки за кружкой вина, к городу двинулась небольшая группа всадников, горожане, которых они обгоняли на широкой дороге, конечно, узнавали среди них того, кто сегодня завоевал всеобщие симпатии, — киммерийского варвара, одержавшего три блестящие победы, — он спокойно ехал на своем вороном между рыжим певцом, которого в Мэноре знала каждая собака, и мастером Кларсом, герцогским оружейником. За ними следовал юный оруженосец, поглядывая по сторонам так гордо, словно это он сам победил трех славных рыцарей.

Копыта равномерно постукивали по светлым камням мощеной дороги, и всадники, не спеша двигаясь к городу, вели неторопливый разговор.

— Я говорил тебе, киммериец, этот Ферндин — не тот, за кого себя выдает! Слуги, которые видели, как он махал мечом, упражняясь с наставником герцога, со смехом говорили, что его ничего не стоит выбить из седла, да и сам наставник, когда был в настроении, проговорился, что такого недотепы в ратном деле еще не встречал. Козла, дескать, легче научить ездить верхом и управляться с оружием, чем герцогского любимца... А на самом-то деле вон что вышло... — Мастер Кларс замолчал и нахмурился.

— Я даже не успел глазом моргнуть, как мальчишка уже был мертв! Клянусь Митрой, никто не смог даже понять, как он его?.. Разъехались, съехались — все! И вот вам еще один покойник! — Рыжий Бёри, все еще разгоряченный картинами турнира и содержимым уже пустой фляжки, уныло хлопавшей по его бедру, снова начал, не в силах остановиться: — А старый барон Рифсайн?! Хоть он и сед, но сил-то ему было не занимать — он мог оказаться, пожалуй, самым опасным противником на этом турнире! Конечно, кроме тебя, друг Конан! Но о тебе ведь до сегодняшнего утра никто и не знал! Да, так я говорю...

— Отдохни, приятель, а то у тебя совсем во рту пересохнет! Вот прополощем горло, тогда и поговоришь. А ты, Конан, видел, как Ферндин

сразил мальчишку? — Кларс пытливо взглянул на киммерийца.

— Знаешь, мастер, мне и самому это непонятно-Когда затрубили трубы, я следил за своим противником, но все же видел и остальных... Я тогда чуть не крикнул юнцу: «Куда несешься! Держи правее!» Он явно забирал в сторону от Ферндина, замахиваясь не на него, будто видел перед собой другого противника... А тот даже не ударил, а просто ткнул мечом ему в горло, тут мы столкнулись с моим соперником, опять разъехались и увидели, что рядом все кончено...

Некоторое время спутники ехали молча, но вскоре Бёрри не выдержал:

— Ха-ха-ха! А этот последний бой! Митра свидетель, ничего подобного я отродясь не видывал! И если бы не Ферндин с его подлой удачей, тебя бы вынесли с Ристалища на руках!

— Да, Рыжий, ты прав, проклятый Ферндин, как демон-убийца, лишил Бергхейм трех славных рыцарей!

И одна победа гнуснее другой! Чего стоило герольдам и стражникам утихомирить толпу — я думал, они растерзают самого Верховного Жреца! Но, в конце концов, только ему и удалось успокоить горожан. Сегодня вечером Мэнора будет похожа на растревоженный улей. Так что ты, Рыжий, сиди у меня тихо и не высовывайся!

— Да, приятель, сегодня, пожалуй, и я послушаю твои песни, а то смотри, что получается: столько времени мы вместе, а ты для меня еще не пел!

— Ну, наконец-то дождался! Сам Конан Непобедимый просит ничтожнейшего из певцов побренчать на эрте и показать свое немудреное искусство! А я уж думал, что ты уши затыкаешь, когда я разливаюсь соловьем! Ну, вот мы и доехали. Смотрите: Риальт, плутишка, нас как-то ухитрился обогнать и теперь распахивает ворота, как перед королем и его свитой! Молодец, мальчик, из тебя будет толк, это я, Рыжий Бёрри, тебе говорю!

Они въехали во двор, не заметив, как за ними серой тенью проскочил невзрачный старикашка в рваной, надвинутой на глаза шапочке. Крадучись, он подошел к навесу для лошадей и скрылся из виду, как будто слившись с темной стеной конюшни.

Тем временем во дворе собирались все мастера и подмастерья, мальчики-ученики стояли в сторонке, не смев приблизиться к грозному хозяину и его могучему гостю. Все они были на Ристалище и видели, чем закончились поединки. И вот герой сегодняшнего дня, славный воин, возможно, тот, кто завтра станет избранником Митры, стоит совсем рядом и смеется какой-то соленой шутке Рыжего Бёрри.

Мастер Кларс махнул рукой, подзывая мальчишек. Но не успел он приказать щустрым ученикам, чтобы они разнудали и вывели коней, как вдруг за спинами подмастерьев раздалось гнусавое пение, они расступились, и на середине двора оказался нищий, тот самый, что сегодня с утра вертелся около палаток, выпрашивая подаяние. В тусклом свете гаснущего дня он казался тенью: серые морщинистые щеки, серый балахон из грубой ткани, грязная кожаная сумка, болтающаяся на поясе, и светло-серые, почти незрячие глаза.

Его лицо все время подергивалось в жалкой улыбке, а сам он приплясывал, напевая Песнопение Митры. Но губы его, силясь произнести что-то членораздельное, выговаривали совсем непонятные слова и издавали диковинные звуки.

Один из подмастерьев, повинувшись кивку мастера Кларса, поспешил на кухню, чтобы вынести старику еды. Здесь нищим никогда не отказывали, но и ночевать никогда не оставляли: мастер Кларс не любил гневить богов излишней доверчивостью.

Вскоре нищий кружился в своей безумной пляске около самых ног вороного. Тот косил сердитым глазом, фыркал и прижимал уши, но стоял возле хозяина неподвижно, как каменное изваяние. И все же, когда нищий, споткнувшись, ухватился за попону, чтобы не упасть, конь не выдержал и взвился на дыбы. Конан схватил старика за шиворот, пару раз встряхнул и гаркнул:

— Эй, убогий, тебе что, жизнь надоела?! Смотреть надо, куда идешь! Это боевой конь, а не телега! Да ты хоть слышишь, что я тебе говорю?!

Нищий, все так же монотонно напевая, ухватился за широкий пояс киммерийца, пытаясь покрепче встать на ноги. Конан еще раз нетерпеливо встряхнул старика, и рваная шапка упала на землю. Венчик седого пуха встал торчком на непокрытой голове, отчего старик казался совсем беззащитным в огромных руках киммерийца.

— Эй, друг, полегче тряси старца, а то душу из него вытрясешь! Тогда мастеру Кларсу не видать больше удачи! Пусть лучше умрет, если ему это суждено, в какой-нибудь канаве или на дороге, но только не в доме у добрых людей!

Но старик уже опомнился и, держась одной рукой за меч, пытался найти на земле свою шапку. Кто-то из мальчишек подобрал ее и с опаской сунул в трясящуюся руку. Лицо нищего озарилось блаженной улыбкой, он отцепился от Конана и медленно натянул на себя шапку.

Тут подоспел подмастерье, посланный Кларсом на кухню, и доверху набил котомку старика. Это было щедрое подаяние: румяный свежий хлеб,

большой кусок ароматного сыра, горячее, только что с вертела, мясо и кожаная фляжка с вином.

Старик, все так же ни на кого ни глядя, похлопал по набитой до отказа суме и, что-то невнятно бормоча, заковылял к конюшне. Кто-то из мастеров осторожно повернул его к воротам, он закивал трясущейся головой и покорно вышел со двора.

— Хвала Митре, ушел восвояси! Я уж думал, разразится проклятиями или помрет на месте, когда ты его тряхнул своими ручищами! — мастер Кларс, которого непросто было испугать, с явным облегчением перевел дух. — Ты, Конан, поосторожнее с убогими! В них порой такие демоны сидят, что и последний кусок хлеба отдашь, лишь бы со двора убрались!

— Да, похоже, старик чуть в штаны не напустил, когда я его слегка потряс! Но ведь ворота же нашел, а коня, болван, не видит! Да он не проклинать, а благодарить меня должен! Ну, ладно, вон ребята ворота заперли, больше не вернется! Будет теперь где-нибудь под кустом сосать твое винцо. Кстати, и нам бы это не помешало, как ты думаешь, Бёрри?!

— Да я уже давно ни о чем другом не думаю... Кларс, разгоняй своих молодцов да веди нас к столу — с тебя причитается!

— Пошли, пошли, там у женщин давно уже все готово! Конан, отдай меч Риальту да сними кольчугу — он все отнесет в твою комнату.

Ужин их ждал поистине великолепный — огромный стол ломился от множества блюд с жареным мясом и запеченной дичью; широкие плошки были наполнены кушаньями, запахи которых могли свести с ума проголодавшегося человека. Но высокие кувшины и серебряные кубки могли быть уверены, что руки мужчин, рассевшихся вокруг стола, в первую очередь потянутся именно к ним, и душистое вино первым проложит дорогу к голодным желудкам, взбодрит кровь и развязает языки.

Осушив в одиночку почти целый кувшин вина и разделавшись с блюдом жареной дичи, Бёрри, куском хлеба добирая жирный соус со дна глубокой миски, вдруг вспомнил:

— Я же обещал тебе спеть, друг Конан! Ты как, не передумал слушать бедного певца? Ну, тогда сбегайте кто-нибудь за эртой, а то мне уже не подняться! А я пока хлебну маленько для прочистки горла. — Он решительно забрал кувшин у одного из мастеров, наполнил свой кубок и стал тянуть вино, прикрыв от удовольствия серые глаза.

Когда кубок наконец опустел, эрта уже лежала у него на коленях, а все вокруг затихли. Потрескивали фитили в светильниках, ночные бабочки залетали в открытые окна, а Бёрри не спеша настраивал эрту.

Но вот его пальцы забегали по струнам, и полились звуки старинной

песни о мудром и храбром короле Грегоре, о трех его сыновьях, одного из которых сгубила жадность, другого — любовь, а третьего — глупость... Потом, немного отдохнувши, Бёрри лукаво подмигнул киммерийцу. Пальцы рыжего выпивохи, как будто взбесивши, рванули струны, и он завел такую непристойную песню про старого жениха, выбиравшего невест, что ему приходилось то и дело умолкать, пережидая хохот.

Тяжелая рука мастера Кларса легла Конану на плечо:

— Пойдем, сынок, пора! Они тут будут петь до утра, а тебе надо отдохнуть!

Они пробрались к двери и вышли в ночной сад. Свежий прохладный ветер донес запах яблок, где-то над головой сонно завозилась птица, а из открытых окон слышался звон кубков и треньканье эрты.

С наслаждением сбросив одежду, Конан растянулся на широком ложе. Ему казалось, что он уснет сразу же, как только усталая голова опустится на подушку, но сон, скользнув по глазам, улетел, как испуганная птица. И вновь перед ним замелькали мечи, загремели трубы, взревел голос Гордиона, возвещая последний поединок... Конан улыбнулся, подложил руки под голову и закрыл глаза, вспоминая этот бой.

«Забавная штука — жребий!» — подумал киммериец, все еще усмехаясь. Сегодня судьба, волею Митры, свела его с теми, кого он первыми увидел во дворе у мастера Кларса. Сначала молодой Брайн, потом этот, красномордый... Конан беспокойно поворочался, пытаясь вспомнить имя толстяка или хотя бы его Знак, но потом послал всю эту чепуху к Нергалу и снова мысленно вернулся на Ристалище.

Его противник, грузный рыцарь с тяжелым брюхом и налитыми кровью глазами, похоже, исходил от ярости, увидев, с кем ему придется сражаться. Конан, в такие мгновения на лету ловивший настроение и мысли соперника, сразу ощутил перед собой враждебную силу. Этот воин наверняка был человеком Фернтина и мечтал, конечно же, попасть с ним в пару, чтобы, для порядка помахав мечом, изобразить полное поражение. Уж ему-то, наверное, не грозила ни смерть, ни рана, скорее, наоборот — щедрая награда за помощь. А теперь, когда благополучный конец был так близок, приходится сражаться с этим диким киммерийцем, и никто не знает, чем может кончиться бой...

Сейчас, как и днем, Конан всем своим существом чувствовал и эти мысли, вихрем проносившиеся в чужом мозгу, и волны чужой ярости, будящей его собственную. Настоящая боевая ярость здесь, на Священном Ристалище, могла стоить жизни этому борову, взгромоздившемуся на коня. Правда, он одержал две победы, но для Конана это не очень-то много

значило.

Гораздо важнее было другое: сияющий взгляд и чуть заметно шевельнувшиеся губы, ответившие на призыв. Поэтому его победа не должна обагриться кровью, пусть даже такой смердящей, как у этого... Тьфу, никак не вспомнить проклятое имя!

Похоже, ненависть совсем заслонила глаза жирному храбрецу! Рубился он неплохо, но каждый удар сопровождал ядерными ругательствами. Конан, уняв вспыхнувший гнев, теперь холодно улыбался, жестко глядя в вытаращенные от злобы глаза противника. Мечи звенели, выискивая слабые места в обороне сражавшихся, кони кружили на месте, взрывая копытами белый песок.

Наконец Конан, пролетев мимо соперника, на всем скаку повернул вороного назад и крепко стукнул булавой по круглому шлему. Меч тут же выпал из разжавшейся руки толстяка, глаза совсем вылезли из орбит, рот захлебнулся последним проклятием, и он, потеряв стремя, мешком вылетел из седла. Испуганный конь отбежал в противоположный угол поля и стал носиться вдоль ограды, ища выход.

Поверженный боец, слегка очухавшись, стал медленно подниматься на четвереньки. И тут Конан, забыв о своем намерении не проливать на турнире кровь, не сдержал нахлынувшего вдруг озорства и сделал то, что привело зрителей, а особенно Рыжего Бёрри, в неистовый восторг: он опустил шипастую булаву на торчащий кверху жирный зад и слегка огладил толстые ляжки. Но этого оказалось достаточно — прочные штаны из толстой кожи с треском лопнули и повисли клочьями.

Бедняга распластался на песке и даже не пытался встать, громко визжа на радость толпе. Из распоротой задницы хлестала кровь, и слугам стоило большого труда унести его с Ристалища.

Но был еще и другой бой — на соседнем поле... Конан, вертаясь вокруг своего толстомордого противника, успевал видеть все: и выпады грузного рыцаря, и то, что происходило рядом, за невысокой оградой. И события, развернувшиеся на соседней площадке, привели северянина в нешуточную ярость.

Ферндину, проклятому Ферндину, как уже и Конан называл этого человека с холодным лицом и зловещей улыбкой, достался немолодой и не очень ловкий противник. Похоже, что лишь благодаря удаче он добрался до последнего боя. Всем было ясно, что Ферндин одержит легкую победу, и зрители во все глаза смотрели на киммерийца, наслаждаясь жаркой схваткой, хохоча над ругательствами его соперника.

Но, когда толстяк рухнул на песок, Ферндин, тоже косившийся в их

сторону, пришел в неистовство. Это было видно по вспыхнувшим глазам и злобной ухмылке бледных губ. Он воспользовался тем же приемом, каким Конан в прошлый раз вышиб меч из руки верзилы.

Немолодой рыцарь, уже порядком измотанный и не надеявшийся на победу, поднял было руку в знак своего поражения, но не успел произнести ни слова: меч Ферндина, свистя, рассек ему череп от уха до уха. Шлем, не выдержав страшного удара, отлетел далеко в сторону, и мертвец повис в стременах, обагряя песок алой кровью, пока стражники ловили взбесившегося коня.

И прав был Бёрри, когда говорил, что еще немного — и толпа разнесла бы все: ограды, деревянный храм, скамьи... Но, когда страсти утихли, Верховный Жрец велел продолжить ритуал. И вот они, победители сегодняшнего дня, двое соперников перед Очами Митры, подъехали к возвышению, чтобы принять из рук герцога чаши со Священным вином.

Герцогиня сама наливала его из золотого кувшина, обильно украшенного сверкающими камнями. Но ее глаза, глядевшие только на киммерийца, сияли ярче этих камней, ибо никакие алмазы не сравняются с блеском глаз влюбленной женщины...

Они поднялись на три невысокие ступени и оказались на небольшой, покрытой ковром площадке, почти вровень с герцогским возвышением. И сам герцог протянул им золотой поднос с двумя тяжелыми чашами.

Толпа глухо роптала за спиной, герцог смотрел на бойцов, невольно сравнивая их друг с другом, а герцогиня не отрывала взора от голубых глаз, улыбавшихся ей поверх чаши. От Ферндина, похоже, не ускользнул их немой разговор, и он, допивая последние глотки Вина Митры, вдруг подавился и закашлялся. Чаша чуть не выпала из его рук, но он усилием воли сдержался и выпил все до дна.

Взгляд, которым он обжег Конана и герцогиню, сказал киммерийцу многое... Вот, значит, чего добивается этот негодяй, кроме титула и власти!

От этого воспоминания руки Конана сжалась в кулаки, варвару захотелось немедленно вскочить с ложа и кинуться в бой, но тут сон, успокаивая встревоженную душу, разогнал все образы, выдул легким ветром тревожные мысли, и вскоре в ночной тишине раздавались лишь равномерное дыхание спящего киммерийца да тихий шорох мышей под полом.

Стемнело, и в герцогском дворце, так же как и в домах простых горожан, постепенно затихла шумная дневная жизнь. Правда, с появлением Ферндина при дворе, бывало, что по ночам в огромной трапезной шум стоял такой, что древние стены дрожали от пьяных выкриков и пьяного

визга. Но в дни праздника Митры герцог не рискнул затеять подобную пирушку, да и не было с ним рядом того, кто обычно подбивал Ольгерда на такие развлечения.

В спальне Ферндина тоже было тихо. Горел одинокий светильник, а на растерзанном ложе, с выражением бесконечного страдания на лице, крепким сном спала юная служанка герцогини. Едва вернувшись во дворец, Ферндин поймал ее в коридоре, затащил к себе в спальню, запер дверь и что-то негромко сказал, глядя в круглые от ужаса глаза. После этого девушка покорно сбросила с себя платье и, дрожа, подошла к ложу. Колдун набросился на нее сзади и, рыча, как голодный волк, грубо овладел нежным, трепещущим телом, вымешая на брезвально лежащей служанке всю свою ярость и досаду.

Ему представлялось, что это герцогиня слабо бьется в его руках, не в силах сопротивляться, и слезы, ручейками бежавшие из-под сжатых век девушки, лишь распаляли звериное желание насильника.

Когда уже совсем стемнело, он встал, провел рукой над измученным лицом своей жертвы и, слегка приведя себя в порядок, вышел в маленьнюю, смежную со спальней комнатку. Там, примостившись у самой двери и жадно ловя каждый звук, доносившийся из спальни, его ждал старик в сером рузище, тот самый, кто потешал толпу на Ристалище, прыгая около палаток.

— Ну, Акрус, ты сумел это сделать?! Говори скорей, я жду!

Старик посмотрел на Ферндина прищуренными глазами и жалобно проскрипел:

— О, мой господин, сначала дай мне сбросить эту личину, и я тотчас все расскажу!

— Ах ты, упрямый мерзавец! Мне давно бы следовало скормить тебя змеям, но уж больно ты ловок... Ладно, сейчас ты сбросишь маску!

Он достал из стоявшего в углу резного шкафчика кусок тончайшей серебристой ткани и разложил на полу.

— Вставай на середину! Что ты тянешь, можно подумать, в первый раз видишь Платок Сета! Поторопись!

Акрус с опаской встал на середину серебристого квадрата, и его углы тотчас стали медленно подниматься вверх, пока не сомкнулись в узел над головой слуги. Ферндин стоял, заложив руки под пояс, и с жестокой усмешкой смотрел на приплясывающий по полу серебристый сверток. Изнутри доносились сдавленные стоны, Акрус размахивал руками, словно отбиваясь от невидимого врага, пока наконец не затих, скавшись в комок, Тогда тугой узел наверху развязался, и ткань с тихим шорохом упала на пол.

Желтокожий слуга, все еще постனывая, с трудом поднялся с колен и поспешил сойти с колдовского полотнища на ковер.

— Ну, теперь ты снова в своем обличье, — сказал Ферндин, пряча серебристую ткань в крошечный ящичек, — рассказывай, что тебе удалось сделать!

— Благодарю, мой господин! Как хорошо вновь оказаться в своем теле и говорить своим голосом!

— Болван, я это и так знаю! Что за болтливость на тебя нападает всякий раз после превращения! Говори, а не то... — И он впился в глаза слуги угрожающим взглядом.

Отступив подальше, тот накинул на обнаженные плечи короткую зеленую тунику и начал:

— Ты можешь быть мною доволен, господин! Эти простофили ничего не заподозрили и даже насовали мне полную сумму всякой снеди! — Он захихикал, вспоминая щедрое подаяние мастера Кларса.

— Нет, ты все-таки поглупел в маске старого дурня! Я что, за снедью тебя посыпал?! Не серди меня, Акрус, такие шутки тебе дорого обойдутся! Ведь знаешь — я все поставил на кон, и вдруг появляется такой противник! О Сет, почему варвар не сломал себе шею где-нибудь в горах своей Киммерии!

— Только потому, мой господин, что судьба уготовила ему другое место, чтобы сломать шею! И это произойдет завтра, по воле Черного Владыки!

— Так тебе это удалось?! Говори — как? Ведь киммерийцы так недоверчивы, а мастер Кларс тоже далеко не простак!

— Здесь, как и везде, люди боятся безумцев и стараются их задобрить. Я мог зайти в любой двор, прикоснуться к любой вещи, даже взять, что захочу — а эти людишки старались бы меня ублажить или потихоньку выпроводить со двора. И мастер Кларс такой же!

— Варвар тоже?

— Нет, господин, он другой... Его ручищи чуть не вытрясли из меня душу, зато бедному испуганному старику пришлось крепко ухватиться за меч, гордость мастера Кларса! Я держался за самое его основание, возле рукоятки!

— Хвалю тебя, Акрус, это даже больше, чем я хотел! Ну а что с конем?

— А с конем вышло совсем просто. Я шел по двору и сослепу налетел прямо на коня. Промахнуться было невозможно! Правда, эта скотина чуть не затоптала меня копытами, так что киммериец, можно сказать, спас бедного старика от смерти! Но зато я успел ненароком прикоснуться к

подпруge!

— Ну, варвар, спи последнюю ночь, завтра ты уснешь уже навсегда! Ах, Лавиния, мне даже жаль тебя: такие жаркие взгляды сменятся потоком слез! Но, когда женщина плачет, она гораздо желаннее! Так чем же мне наградить тебя, Акрус?

— О, мой господин, я бы хотел... Там, в спальне, на ложе... Она так стонала! Я бы тоже хотел заставить ее постонать и поплакать!

— Ого, да ты тут, за дверью, похоже, времени зря не терял! Ладно, бери, а утром я тебе еще оставлю пару глотков моего вина с кеубой, подкрепишь силы после всех трудов... и после девчонки...

Слуга бросился на колени и приник жадным поцелуем к босым ногам господина. Небрежно отпихнув его в сторону, Ферндин распахнул дверь и свистящим шепотом позвал:

— Встань... Иди сюда... Не открывай глаз... Ты спиши и видишь сны... Утром все забудется... Иди и делай все, что тебе скажет твой повелитель...

Зашуршали покрывала на ложе, и в маленькую комнатку, дрожа, вошла с закрытыми глазами девушка. Не в силах ждать, когда она приблизится, Акрус схватил ее за руку и потащил в угол, к низкому ложу, покрытому пестрым ковром. Ферндин стоял рядом, широко расставив ноги, с удовольствием слушал сдавленные крики служанки, злорадно предвкушая, что скоро и герцогиня отправится этой дорогой...

ГЛАВА 11

На рассвете подул резкий западный ветер, таща за собой серые клочья туч. Они краудились приближались к Мэноре, заволакивая бледно-зеленое небо. Солнце еще не успело брызнуть из-за горизонта первыми лучами, а ветер уже согнал свое растрепанное стадо в одну кучу. Низкие облака неслись, как испуганные птицы, не в силах свернуть с предначертанного пути.

Стало холодно, как глубокой осенью. Ветер пробирал до костей, но жителей Немедии трудно удивить переменами погоды, гораздо хуже было другое: в день решающего поединка это могло оказаться знаком гнева Митры, и горожане прекрасно понимали, кто мог вызвать этот гнев. Одевшись потеплее, они с раннего утра шли на Ристалище. Ближе к полудню шумный город совершенно опустел, зато широкая поляна уже не могла вместить всех желающих.

Странное это было зрелище: огромное поле, запруженное кольышущимися толпами нарядных людей, развевающиеся на шестах ленты и вымпелы, герольды, гарцующие на возбужденных конях, — и еле слышные голоса притихших горожан, почти заглушенные шелестом листьев.

Встретив герцога и герцогиню приветственными криками, толпа, словно она была единственным существом, снова настороженно затихла.

Герцог, зябко кутаясь в плащ, подбитый рысцым мехом, тоже был озабочен исходом поединка, ему казалось, что судьба Бергхайма зависит от сегодняшней битвы и победа невесть откуда взявшегося варвара, хоть он ловок и отважен, приведет к крушению важных государственных планов. Каких планов — он никак не мог вспомнить, но был твердо уверен, что без Фернтина герцогство пропадет и для него самого, могущественного владельца Бергхайма, настанут трудные времена.

Герцогиня, осунувшаяся после бессонной ночи, долгой, как целая жизнь, выглядела бледной и утомленной. Огромные глаза глядели на песчаное поле, словно выискивая на нем знаки того, что вскоре должно случиться. Занятая своими мыслями, она не сразу почувствовала что-то неладное.

— Как тихо кругом... Ни смеха, ни криков... Мой герцог, тебе это не кажется странным?!

— Клянусь Сиянием Митры, мне это очень и очень не нравится! Я еще

никогда не видел моих подданных такими мрачными! Можно подумать, что это не праздник, а похороны... Мои похороны... — невесело пошутил он, но шутка оказалась такой зловещей, что герцог умолк и отвернулся.

Тем временем герольды выстроились перед Храмом и протрубыли звучный раскатистый сигнал, который обычно эхом отзывался в роще. Но сейчас громкое пение труб вязло в низких облаках и не возвращалось обратно дробными отголосками.

В полной тишине из Храма вышли служители Митра и сам Верховный Жрец. В это же время к Воротам Победителей медленно подъехали двое рыцарей, одному из которых сегодня достанется желанная победа, а другой... другой, возможно, расстанется с жизнью.

Черноволосый рыцарь в черненых доспехах на вороном могучем коне неподвижно замер у правой створки ворот. Его пронзительные голубые глаза холодно скользнули по сопернику, стоявшему рядом, и устремились вперед, туда, где на возвышении среди нарядных придворных сидели двое: герцог, то и дело подносивший ко рту кубок с подогретым вином, и напряженно застывшая герцогиня.

Ферндин, нарочно горячивший коня, так что он ни мгновения не стоял спокойно, один из всех, казалось, не чувствовал напряженной тишины, нависшей над Ристалищем. Его желтые глаза жмурились в довольной усмешке, как у сытого кота. Он то и дело подкручивал воинственный ус, изредка поглядывая в ту же сторону, что и киммериец. Сегодня солнце не играло на золоченых доспехах, разбрасывая желтые зайчики, но он все равно вертелся перед закрытыми воротами, как мальчишка, впервые удостоившийся благосклонности знатной дамы.

Конан краем глаза видел и торжествующий блеск желтых глаз, и нарочито шутовские ухватки, граничившее с издевкой. Трудно было поверить, что это тот самый человек, который еще вчера, не дрогнув, отправил на Серые Равнины трех верных вассалов герцога. Да, это не простой противник! Такой способен притвориться беспечным и простодушным, лишь бы ловчее нанести подлый удар.

Снова запели трубы, сердце Конана забилось ровно и гулко, как всегда в начале битвы. Каждая мышца и каждый нерв отзывались на звонкий призыв, и конь, тут же почувствовав настроение хозяина, тихо заржал, нетерпеливо забив копытом. Служки вынесли факелы и зажгли Священные огни в двух чашах у ступеней храма.

Как и вчера, вперед выступил преисполненный важности Гордион с небольшим свитком в руках, прислушался к гомуону ворон в роще, обвел толпу выпученными глазами и, повинувшись знаку Верховного Жреца, начал:

— Сегодня, в день решающего поединка между двумя славными рыцарями, победившими всех своих соперников в честном бою, призываем в судьи самого Пресветлого Митру!

— Пусть сам Огненномолитвенный Бог изберет достойнейшего и поможет ему одержать почетную победу!

— Воины сражаются боевым оружием — мечами, булавами и кинжалами!

— Поединок длится до полной победы!

— Рыцарь имеет право прекратить поединок, признав себя побежденным!

— Добивающийся победы бесчестным путем несет на себе проклятие Митры!

— Никто не скажет, что не слышал правил Турнира!

— Да свершится воля Пресветлого!

Жрецы выступили вперед и запели. Это был древний Призыв к Огненномолитвенному, заклинание-молитва, на которое божество всегда отзывалось невидимым присутствием. Вот и сейчас ветер на несколько мгновений утих и в плотных серых облаках появились два ярких синих просвета — словно два небесных глаза глянули вниз на толпу. И снова тучи понеслись вдаль, лохматыми серыми клочьями залепив все небо.

Верховный Жрец поднял и опустил жезл, и тотчас двое юношей вывели на Ристалище молодого горячего жеребца светло-золотистой масти. Даже в неярком свете пасмурного дня его лоснящиеся бока казались отлитыми из металла, он неторопливо переступал сильными стройными ногами, высоко держа голову на гордо изогнутой мощной шее, и было видно, что такой конь с легкостью понесет любого рыцаря в полном боевом облачении.

Впервые за этот день толпы зрителей оживились, послышался одобрительный гул голосов и звонкие выкрики мальчишек, еще не умеющих предаваться мрачным раздумьям.

К седлу благородного животного были приторочены боевые доспехи с роскошной отделкой. Такие доспехи имел право носить лишь победитель Священного Турнира.

Каждый из предметов украшали изображения солнечных дисков, что означало благоволение Митры. В этих доспехах рыцарь мог сражаться на любом поле брани, кроме Священного Ристалища. Юноши, удерживающие коня, замерли на месте, и под торжествующее пение труб преисполненный важности оруженосец вынес бесценный меч с вычеканенным у самой рукоятки знаком Митры, герцогским гербом и — с другой стороны —

знаком нынешнего года. Именно этот меч считался главным символом победы в священном Турнире и давал своему хозяину завидные привилегии.

Юноша, держа меч в вытянутых руках, встал, как рыцарь, на одно колено перед Верховным Жрецом и склонил голову, ожидая благословения. За его спиной двое других держали под уздцы золотистого коня.

Под бесконечно повторяющееся Песнопение Митры Жрец окропил водой меч, коня и доспехи. После этого юноши медленно пошли вокруг Ристалища, чтобы все зрители могли полюбоваться на драгоценную награду.

Когда маленькая процессия проходила мимо Ворот Победителей, Конан услышал негромкий смех Ферндина. Киммериец удивленно посмотрел в его сторону. Желтые хищные глаза уже не жмурились в довольной улыбке, они смотрели в упор с откровенной насмешкой.

— Ну как, киммериец, хороший герцогский конь? А меч, гляди, и того лучше! Но самое лучшее знаешь что?! Нежный взгляд прекрасной дамы! — Его издевательский смех слился с пением труб, и ворота распахнулись, впуская противников на Ристалище.

Горячая кровь ударила Конану в виски, забилась в ладонях, рука готова была тут же выхватить меч, но герольды гарцевали у ворот, провожая соперников на середину поля, где их ждал Верховный Жрец.

Спешившись, они подошли ближе и, обменявшись тяжелыми взглядами, преклонили колени, опустив мечи на песок. Жрец стоял запрокинув голову и широко открытыми глазами вглядывался в хмурые небеса. Ветер трепал его волосы, развевал широкие одежды, а он все молчал, словно ожидая чего-то.

На смену серым утренним облакам приползли издалека угрюмые темные тучи, обложив весь горизонт. Кое-где беззвучно сверкали молнии, обещая близкую грозу. Но Жрец не торопился. Наконец он вздохнул и перевел взгляд на рыцарей, застывших перед ним. Подняв жезл, служитель Митры протянул его в сторону киммерийца:

— Конан, воин из Киммерии, поклянись Пресветлому Митре честно вести решающий бой!

— Клянусь!

— Ферндин, воин из Заморы, поклянись Пресветлому Митре честно вести решающий бой!

— Клянусь!

Брызги душистой воды вновь окропили головы бойцов, и Верховный Жрец, в последний раз встряхнув мокрой рукой, торжественно удалился

под своды деревянного храма. Там ему, так же как и герцогу, было приготовлено высокое кресло, откуда Жрец неотрывно следил за поединками.

— Знак Птицы, Конан из Киммерии, и Знак Змеи, Ферндин из Заморы, по воле Всеблагого Митры сходятся в Священном поединке! — оглушительно провозгласил — Гордион.

Сегодня ему останется лишь прокричать имя победителя — и его власть над замершей толпой закончится до следующего года.

Под звуки труб соперники разъехались в противоположные концы поля и замерли, ожидая, когда герцог бросит мяч. Но он медлил так же, как несколько мгновений назад медлил Верховный Жрец. Тучи, все ближе подбирающиеся к Ристалищу, тревожили его не меньше, чем служителя Митры.

— Сколько я помню, в дни турниров никогда не бывало гроз! Но пора начинать, иначе хлынет дождь и воинам будет трудно сражаться!

Мяч полетел на песок, взревели трубы, и всадники яростно бросились навстречу друг другу.

Если вчера Конан сражался играя, не чувствуя перед собой достойного противника, способного в полной мере потягаться с ним мощью и боевым искусством, то теперь с первых же мгновений боя он почувствовал в Ферндине силу, не уступающую его собственной. Несмотря на то что замориец был уже северянина в кости, его удары обрушивались на Конана, как тяжелый горный обвал. Из-под золоченого шлема сверкали ненавистью желтые глаза, и ни тени улыбки не было на злобно оскалившихся губах.

Конан ловко отбивал коварные удары соперника, но и тот не пропускал ни одного выпада киммерийца.

Утреннее оцепенение как ветром сдуло с толпы зрителей. Теперь все жители Мэноры, собравшиеся вокруг Ристалища, вопили, словно одна большая глотка:

— Ко-о-онан! Р-р-руби! Ко-о-онан!

Бойцы кружили, сомкнув мечи, и старались тяжестью тела столкнуть противника с коня. Но их силы оказались равны, и ни один не смог одолеть другого. Наконец бойцы снова разъехались в противоположные концы Ристалища, чтобы сшибиться в атаке.

Кони, хрюкая и роняя с губ пену, ринулись навстречу друг другу. Казалось, два смерча несутся по полю, чтобы, столкнувшись, завертеться в смертельной пляске. Со звоном ударились мечи, бойцы, рыча, рубились, пытаясь найти хоть одно слабое место в обороне противника. Но вдруг вороной взвился на дыбы, и рыцарь в черненых доспехах, едва успев

освободиться от стремян, ловко соскочил на землю. Жеребец, мотая головой, испуганно отбежал в сторону, волоча седло и попону, лопнувшая подпруగа змеей тащилась по песку вслед за ним.

Полустон-полувздох пронесся по Ристалишу, и стало так тихо, что было слышно шумное дыхание бойцов и жалобное ржание черного коня.

Конан неподвижно стоял, готовясь принять удар торжествующего соперника, а тот, с коротким гортанным криком развернул коня и помчался на северянина, занося меч для удара.

Конану не раз приходилось выпутываться и не из таких передряг, и необходимость сражаться пешим с конным противником не грозила киммерийцу безусловным поражением. В конце концов, всегда побеждает тот, у кого сильнее воля и лучше оружие. А уж в добром мече мастера Кларса варвар был уверен, как в себе самом. Вчерашний день лишь подтвердил, какое сокровище ему досталось, — три боя, невесть сколько крепких ударов, а клинок сиял как новенький, и ни одной царапины не увидел на лезвии зоркий взгляд киммерийца.

И сейчас Конан был готов принять любой удар противника. Ферндин с воплем несся, привстав в стременах, желая обрушить на варвара всю силу своей ярости. Мечи столкнулись, но в тишине вместо острого звона скрестившихся клинков раздался зловещий скрежет и треск, и киммериец с изумлением увидел, что сжимает в кулаке одну рукоять с зазубренным обломком. Он в бешенстве зарычал, как раненый зверь:

— Кр-р-ром! Проклятие! — И, оценивая взглядом расстояние, отделявшее его от врага, сделал шаг в сторону коня. Нет! Ферндин, смеясь и скаля острые зубы, уже вновь развернулся, чтобы последним ударом разделаться с противником, а вороной, волоча по земле седло и притороченную к нему булаву, отбежал далеко к ограде. Бесполезно! У пояса висел лишь кинжал, и Конан выхватил его из ножен в надежде на свое искусство. Неуловимый бросок — и маленький острый клинок вонзился в шею противника, сделав то, что не смог сделать меч. Серебристой осой полетел кинжал навстречу врагу, но, ударившись о щит, молниеносно заслонивший Ферндина, бессильно упал на песок. Киммериец, пеший и безоружный, сжав в кулаки могучие руки, сверкая ненавидящими глазами, был страшен, как огромный загнанный зверь. Он хотел было, поднырнув под морду коня, рвануть за узду и повалить всадника на песок, как ему не раз доводилось делать в неравных битвах, но удар вражеского клинка опередил его. Острая сталь с размаху вонзилась северянину в незащищенное доспехами горло — это был излюбленный удар Ферндина, доставлявший ему всегда особенное удовольствие. Хрип,

смешавшись с последним проклятием, вырвался из рассеченного горла, и киммериец, обливаясь горячей кровью, медленно осел на землю.

Гроза за время поединка подобралась совсем близко. Никто не обращал внимания на сверкание молний и отдаленное ворчание грома. Но сейчас, когда глаза всех, собравшихся на Ристалище, были прикованы к неподвижному телу, распостертому на песке, стал слышен и свист ветра, рвущего листья с деревьев, и стук первых тяжелых капель дождя.

Ослепительная молния, заняв почти все небо, с треском и грохотом зазмеилась над Ристалищем. В толпе завизжали женщины, завопили испуганные мальчишки. Герольды носились по полю, пытаясь поймать вороного, не дающегося в чужие руки коня.

Герцогиня, все время поединка сидевшая не щелкнувшись, как каменное изваяние, не вздрогнула и тогда, когда могучий воин с голубыми глазами рухнул, пронзенный вражеским мечом. Она лишь слегка подняла руку, подзываая стоявшего рядом мальчика-пажа, и прошептала, почти не разжимая губ, несколько слов. Мальчик, как видно их и дожидавшийся, тут же исчез, бросившись исполнять приказание. Лавиния, положив руку на подлокотник, снова замерла, сухими горячими глазами глядя на неподвижное тело посреди поля.

Верховный Жрец, с беспокойством поглядывая на небеса, словно боясь, что следующая молния испепелит и Храм, и победителя, стоял на ступенях, не торопясь продолжить ритуал. Но огненная змея сверкнула далеко в стороне, и удар грома с запозданием обрушился на притихшую толпу. Тогда Жрец вышел на середину и, не глядя на поверженного воина, протянул жезл в сторону Ферндина. Тот, спешившись и с удовольствием слушая, как Гордион громогласно выкрикивает его имя, подошел ближе, а служки быстро увеличили коня заморийца. Свой меч он тоже отдал одному из них и остался лишь с кинжалом, висевшим на поясе.

Тут же юный оруженосец поднес победителю заветный меч и встал на одно колено, протягивая награду. Скрывая улыбку торжества, Ферндин взял меч и пристегнул его к поясу. За спиной он уже слышал нетерпеливое постукивание копыт — это прекрасный золотистый конь ожидал нового хозяина.

Один из служителей Храма оседлал серого коня и взял роскошные доспехи — он должен послужить сегодня оруженосцем Избраннику Митры и проводить его во дворец герцога, где вечером в честь победителя состоится большой пир.

Теперь выигравшему Турнир рыцарю, по старинному обычаю, полагалось подъехать к герцогской ложе, чтобы, как и вчера, принять из

рук повелителя почетный кубок. Ферндин натянул поводья, конь послушно развернулся и легкой рысью понес всадника вокруг поля. Он нарочно пустил коня по кругу, чтобы еще раз насладиться видом соперника, валяющегося в луже крови, — но тело киммерийца за то недолгое время, что он стоял лицом к храму, исчезло. Исчез и вороной конь, только темное пятно на светлом песке напоминало о поверженном варваре.

Никто не видел злобно сверкнувших глаз и исказившегося от ярости лица: хотя Ферндин и был уверен, что его соперник мертв, он хотел убедиться в этом еще раз. И кто мог унести с Ристалища тело варвара столь поспешно? Вряд ли оружейник смог выбраться из толпы и вытащить отсюда дорогого друга. Да и кому нужен покойник? Надо будет все же велеть Акрусу разузнать, куда делься проклятый киммериец... И, улыбаясь привычной улыбкой, он, гарцуя, подъехал к герцогской ложе.

Но его улыбка натолкнулась на хмурый взгляд герцога и каменное лицо герцогини. Герцог Оргельд, повинувшись традиции, налил в золотой кубок искрящегося вина Митры и, протягивая его Ферндину, глухо произнес торжественные слова:

— Да возвеселит Священное вино благородную кровь Избранника Митры!

Ферндин, нимало не обескураженный неприветливым тоном, каким были произнесены эти слова, с поклоном принял кубок и медленно стал пить вино, пытаясь поймать взгляд герцогини, но Лавиния смотрела неподвижным взором сквозь него, словно видя что-то далеко за его спиной. От этого взгляда ему вдруг стало зябко, вино, не горяча, вливалось в горло ледяной струей, и рука, державшая кубок, невольно задрожала. Через силу допив последний глоток, он, почтительно склонив голову, поставил кубок и тронул поводья.

И тут на поле обрушился дождь, копивший силы с самого утра. Потоки воды скрыли с глаз и победителя, и толпы народа, и Храм, загасили Священный огонь в серебряных чашах. Герцог и герцогиня поспешили с возышения, торопясь покинуть Ристалище, пока толпы народа не запрудили дорогу.

Дождь то на некоторое время утихал, то вновь обрушивал на землю водопады ледяных струй, не прекращаясь до самой ночи, нагоняя на людей холод и тоску.

И герцогский пир в честь Избранника Митры был таким же тоскливым и унылым, как этот дождь. Хоть и осушили гости немало кубков, чествуя новоиспеченного барона Редборнского — герцог пожаловал-таки этому проходимцу доброе поместье старого Дисса, — хоть

и пили за верность, с какой новый вассал обязан будет служить своему господину, но никто из сидевших за пиршественными столами не верил в преданность проклятого Ферндина. Лишь сам герцог Оргельд, вновь повеселившийся и, похоже, забывший, что лишился троих проверенных вассалов, приобретя взамен лишь одного, превозносил ратную доблесть и искусство победителя.

Кравчие разливали вино, слуги вносили очередные перемены блюд, музыканты старались вовсю, пением флейт и переливами золоченых арф заглушая тихие голоса гостей.

Герцог, все же чувствуя напряжение и не видя вокруг обычного хмельного веселья, предпочел пораньше покинуть трапезную залу, пригласив за собой и Ферндина. Герцогиня оставила пир еще в самом начале, сославшись на нездоровье. Бледное, почти серое лицо, лихорадочно горящие глаза и бескровные губы молодой женщины, не вызывали сомнений в плохом самочувствии владетельной госпожи.

Гости, почувствовав себя вольготнее, пошумели еще некоторое время и тоже стали поспешно расходиться. Рано закончился герцогский пир, как никогда рано; множество кушаний так и остались на кухне, и музыканты, не в пример прошлым торжествам, на этот раз не валились на пол от усталости.

Герцог увел Ферндина — теперь уже барона Ферндина — в просторную комнату, украшенную огромными, от пола до потолка, ткаными картинами, изображавшими великие деяния герцогских предков, а также чудеса, явленные Митрой. Раньше ему, простолюдину, не имевшему титула, был заказан вход в этот маленький зал, где решались судьбы Бергхейма. Он мог давать советы герцогу где угодно — за кубком вина, в опочивальне, куда ему разрешалось заходить без доклада, на охоте, на прогулке в роскошном саду, — но только не здесь.

И вот первое, что сделал герцог Оргельд, провозгласив его бароном Редборнским, — привел его в Зал Совета. Славная мальшака, скользкая дочь Черного Сета, правильные мысли нашептывала простодушному герцогу долгими ночами! Еще немного — и он, Ферндин, станет тем, кем был когда-то здесь, в этом Зале, старый Дисс, — Главным Советником по государственным делам! Цель почти достигнута!

Но герцог не торопился произносить долгожданные слова; он стоял у окна, вслушиваясь в тревожный шум дождя, и молчал.

Ферндин, не начиная разговора первым, ходил от полотнища к полотнищу и с усмешкой разглядывал отважных всадников, сражавшихся с драконами и коварными врагами. Если даже предки властелина и не

совершали великих подвигов, их нужно было просто-напросто выдумать, чтобы сложить легенды и выткать красивые ковры на стену!

Герцог, все так же глядя в черное окно, негромко заговорил, и сказал он совсем не то, что так жаждал услышать Ферндин:

— Твоя победа в Священном Турнире, барон, взбудоражила всю Мэнору, а через несколько дней загудит и весь Бергхейм. Я ведь предупреждал тебя накануне... В последние годы рыцари старались не проливать лишней крови перед Оком Митры...

— Но, мой господин, на то он и бой, чтобы сражаться! Танцевать можно на пиру или на свадьбе, а воин с мечом в руке всегда должен оставаться воином! И даже если бы меня самого пронзил клинок на этом Турнире-я умер бы счастливым, зная, что моя жизнь отдана во имя Пресветлого!

— Наверное, ты прав... Я слушал твои горячие слова и во всем с тобой согласен. Но город встревожен, и весь двор ощетинился, как вражеский лагерь. Я хотел еще на пиру объявить свою волю, но не рискнул — это могло вызвать бунт...

— Волю? Какую волю? — прикидываясь непонимающим, переспросил Ферндин, удивленно приподняв брови.

— Ты знаешь, как я ценю твой ум... По-моему, ты один из всех, меня окружающих, способен видеть дальше собственного носа. Ты не такой, как старый Дисс, тот вечно во всем сомневался. Твои советы напоминают удары твоего клинка — взмах, и тяжелый вопрос разрешен. Именно на такого Советника я и хотел бы опираться в трудные мгновения — смелого и неунывающего. Но вчера и сегодня твоя горячность сослужила тебе плохую службу...

— Мой герцог видит меня в качестве Советника по Государственным делам?! Я правильно понял?!

— Понял-то правильно, но с этим придется подождать. — Голос герцога окреп, в нем послышались непреклонные металлические нотки. — Завтра же ты покинешь Мэнору и отправишься вступать во владение своим новым поместьем Редборн. Ты ведь, кажется, был там однажды?

— Да, барон Дисс буквально затащил меня туда, и я еле вырвался из его радушных объятий! Какой славный был старик! Немного велеречивый, но зато какое гостеприимство! Его в округе тогда все звали — Счастливый Дисс!

— Я помню... Конечно, счастлив отец, имеющий семерых сыновей... И ведь до сих пор никто не знает, отчего он умер и куда исчезла его семья... Так что об этом поместье ходят теперь дурные слухи. Но ты ведь

хотел именно этой награды, мой верный Ферндин?

— Да, мой герцог, именно потому, что мне очень нравились старый Дисс и его славные сыновья. Когда мне позволено будет вернуться ко двору?

— Я думаю, к концу осени все разговоры затихнут, страсти улягутся. Люди забывчивы, найдется что-то другое, о чем можно будет судачить... Тогда я и провозглашу тебя Главным Советником!

— Благодарю за великую честь и не смею отказываться! Отныне я, волею Митры, являюсь верным вассалом герцога Бергхаймского и обязан служить ему всем — и мечом, и советом!

— Прощай! Без тебя здесь станет пусто, но, когда ты вернешься, мы найдем повод повеселиться!

— Я покидаю Мэнору, мой герцог, но мысли мои — лишь о благе Бергхайма! — И, склонившись в учтивом поклоне, Ферндин украдкой скользнул прищуренными желтыми глазами по зябко кутавшейся в плащ фигуре герцога.

Выскользнув из Зала Совета, он быстрыми шагами пошел к себе, не обращая внимания ни на слуг, тушивших лишние светильники, ни на бряцающих оружием гвардейцев, отправляющихся по гулким коридорам на смену караула.

Резким движением распахнув дверь, он осмотрелся и, не увидев слуги перед входом в спальню, нетерпеливо позвал:

— Эй, Акрус, бездельник, где ты там? О, Сет, похоже, что он еще не явился!

— Я здесь, господин! — Темная тень отделилась от медвежьей шкуры, лежавшей, разметав широкие лапы, перед погасшим очагом.

— Ну, твое счастье, что здесь! Иначе бы тебе не поздоровилось! Разожги очаг, знаешь же, что я не выношу сырости!

Акрус торопливо вынул факел из бронзовой львиной лапы, торчавшей над очагом, и вскоре блики живого огня затрепетали, отражаясь от полированного дерева и обильной позолоты.

— Ты разузнал, куда делся киммериец?

Слуга весь съежился, испуганно прижав руки к груди:

— Нет, мой господин! Можно подумать, что духи унесли его с Ристалища! Никто ничего не видел, никто ничего непомнит, и даже этот болван Гордион, который стоял лицом к полю, клянется, что тело киммерийца исчезло само собой! Он только видел какие-то смутные тени, метнувшиеся вдоль ограды, но, я думаю, он просто стоял зажмурившись, ожидая следующего удара грома...

— А ты-то, пройдоха, где был в это время? Наверное, сидел под кустом и тоже трясясь, как бездомная собака?

— О, мой господин, если я в чем и виноват, то только не в этом! Наоборот, для меня гроза — лучший помощник! Но сегодня она, хоть и началась очень кстати, помешала мне заметить, куда делось тело проклятого варвара и кто увел его коня..

— Ну, так где же ты прятался, что ничего не видел?

— Я стоял в толпе за спиной мастера Кларса, как мне и было приказано... Только он во время поединка не проронил ни слова — лишь стоял и скрипел зубами. А потом, когда засверкали те молнии, народ кругом перепугался, многие стали давить сзади, пытаясь выбраться, и меня прижали лицом к его потной спине. А когда мне удалось выбраться, на поле уже никого не было...

— Так, говоришь, и Гордион ничего не заметил? Странно... И стражники, что стояли у ворот? А ты спрашивал тех, кто охранял дорогу в город?

— Они сначала расхохотались, а потом чуть не проткнули меня пиками... Только золото смогло их успокоить. Да, и Неподкупный Гордион получил свою награду — прекрасный тяжелый кошель. Он поклялся, что отныне каждый кубок будет пить за здоровье барона Ферндина!

— Пусть выпьет хоть один, если успеет... Ладно... Не все идет так гладко, как хотелось, но главное достигнуто. А киммериец все равно мертв, какие бы духи ни пели над ним похоронные песни! Да, утром мы выезжаем в Редборн и пробудем там пару лун... Давно пора навести порядок в этой дыре. А малышка позаботится о нашем славном герцоге... Ха-ха-ха! Иди собери людей, чтоб к утру все были готовы! На рассвете выезжаем!

Дождь неутомимо барабанил по крышам, с шумом швырял в окна потоки воды, не давая уснуть жителям Мэноры, встревоженным исходом поединка, и только один человек, кроме барона Ферндина, радовался своей удаче.

Неподкупный Гордион нетвердыми шагами пробирался к своему дому по скользким мокрым улицам. Он засиделся на герцогском пиру в большом зале для дворцовой челяди, что располагался неподалеку от кухни, и сейчас шел к себе. Он не захотел ночевать во дворце, устроившись среди других перепивших слуг. У него была веская причина торопиться домой, и она приятно похлопывала по бедру Неподкупного при каждом шаге.

Гордион пристроился в хвосте ночного дозора, проходившего по улицам затихшей Мэноры, и без приключений добрался до своего дома, окруженного одичавшим фруктовым садом. Когда-то этот сад считался

лучшим во всей Мэноре, таких яблок и груш, какие выращивал его отец, не было ни у кого. Гордиону-бездельнику досталось хорошее наследство, но копаться в земле — нет, это занятие не привлекало веселого юнца. Его всегда тянуло поближе к господам, и вскоре он спустил все отцовские денежки, гуляя по харчевням с благородными лоботрясами.

И вот, когда он остался почти без штанов, Пресветлый Митра послал ему великую удачу: его вопли, от которых сотрясалась харчевня, услышал проезжавший мимо Главный герцогский распорядитель. Вскоре, немного пообтесавшись, Гордион стал выходить на Ристалище, а в промежутках между праздниками оглашал на площади указы правителя Бергхайма. Слава к нему пришла, и вино он теперь пил из дворцовых погребов, а денег по-прежнему было маловато...

Ну, надо же, как ему повезло с этим Ферндином! Сразу видно, ловкач, каких поискать! И как разделяется с противниками — любо-дорого посмотреть! Вот такому господину можно и послужить! Гордион шел по саду, обрушившему на него с деревьев струи воды, не замечая, что уже насквозь промок, и жадно ощупывал тяжелый кошелек на поясе.

Звякнула щеколда, скрипнула дверь, он налетел на что-то впотьмах, не сразу нащупав ногой ступени. С трудом разведя огонь в грязном очаге, Гордион сбросил тяжелый мокрый плащ и нетерпеливо подошел к широкому столу.

Нет, голые доски не годились для того, что он задумал. Пошарив в углу, он вытащил старый, но все еще красивый туранский платок, оставшийся от матери, разложил на столе и удовлетворенно крякнул. Отвязав кошелек от пояса, подошел к очагу и, присев на корточки, долго разглядывал причудливое переплетение таинственных знаков, украшавших вещицу. Оттягивая удовольствие, помял и потискал мягкую кожу — под ней прощупывались монеты: много, много монет...

Откинув со лба мокрые волосы, Гордион подошел к столу, зубами развязал намокший узел и медленно стал высыпать на узорный платок свое богатство. Золотые монеты внушительной горкой лежали посреди стола, поблескивая в тусклом свете убогого очага. Гордион, несколько мгновений постояв, ошеломленно глядя на свое сокровище, по-женски вззвизгнул и запустил обе руки в осыпающуюся кучу золота. Но тут же дикий вопль сотряс стены старого дома, и он, размахивая рукой, отскочил от стола. Недоуменно переводя обезумевшие глаза с монет на свою руку, где чернели две глубокие ранки, он вдруг увидел, как из-под блестящей груды выползла большая желтая змея, свалилась со стола и, шипя, скрылась в щели под дверью.

Ловя воздух широко раскрытым ртом, уже ничего перед собой не видя, Гордион сделал последний шаг и тяжело рухнул на стол. Монеты со звоном посыпались на пол, медленно покатились по доскам и вдруг стали вспыхивать маленькими голубыми огоньками. Вскоре они слились в гудящее белое пламя, и среди старого сада к небу взметнулся ослепительный огненный столб...

ГЛАВА 12

Боль, вначале казавшаяся бесконечной, постепенно стягивалась в одну точку и непрерывно пульсировала в ней, то наполняя сознание вязкой темнотой, то вспыхивая ослепительным красным светом. Конан не чувствовал ни тела, ни рук, ни ног, только эту боль да еще запекшиеся от нестерпимой жажды губы и сияющие раскрыться глаза. Веки, словно налитые свинцом, задрожали, и нестерпимый свет полыхнул сквозь ресницы. Он хрюпал застонал и, вдруг осознав, что жив, резко распахнул глаза. Радужные круги вихрем закружились перед ним, но руки, еще мгновение назад безжизненно лежавшие вдоль тела, шевельнулись, пальцы скжались в кулаки, и ослепительный вихрь замедлил свое вращение, постепенно складываясь в понятную картину.

Он снова прикрыл глаза, полуослепшие от яркого света, и, не обращая внимания на боль, раздирающую горло, попытался пошевелить ногами. Но они были где-то страшно далеко, за темным маревом боли, лишь усилившейся от его бесплодных попыток.

Полежав некоторое время, прислушиваясь к гулким ударам сердца, Конан снова осторожно приоткрыл глаза. На этот раз свет не ослепил его, а заплясал на стене отблесками язычков золотистого пламени. Постепенно сближаясь, они слились, и киммериец разглядел простой бронзовый светильник с тусклым неподвижным огоньком. Осторожно, чтобы снова не поплыли круги перед глазами, он стал осматриваться. Он был распростерт на широком ложе и накрыт чем-то золотисто-зеленым. Напортив — светлая стена небольшой комнаты. Невысокое кресло рядом со столиком, вплотную придинутым к ложу. Слегка скосив глаза, он увидел смутные очертания высокого кувшина и кубка. Горло сжалось судорогой в тисках боли и жажды, и глаза снова закрылись, погрузив его в красную пелену беспамятства.

Раздались какие-то знакомые звуки, заглушив стук сердца. Багровая дымка, разрываясь, поползла в стороны, и перед ним, мелькая, понеслись всадники в сверкающих доспехах, лязг оружия смешался с возбужденным ржанием коней. Все это мгновенно промелькнуло перед глазами и исчезло. Остался лишь клочок какого-то поля и черный конь, медленно удалявшийся от него, волоча седло с оборванной подпругой. Конан чувствовал, как скимает что-то в руке — это оказалась рукоять меча с искрящимся обломком лезвия. Желтые глаза, внезапно глянувшие на него откуда-то

сверху, вдруг вызвали в нем такой прилив бешеної ярости, что неподвижное тело резко вздрогнуло, и киммериец, широко раскрыв глаза, сел на ложе.

Боль по-прежнему терзала горло, но тело, вырвавшись из оцепенения, уже снова принадлежало ему. Одна рука ощупала повязку на шее, а вторая нетерпеливо потянулась к кубку. Он был полон, и Конану не пришлось наклонять кувшин. Стارаясь не расплескать драгоценную влагу, он осторожно поднес кубок к запекшимся губам и начал жадно пить. Вода обжигала гордо, как крепкое вино, и в то же время разливалась по телу блаженной прохладой.

Он медленно опустился на подушки и забылся тяжелым сном, выронив на пол кубок из разжавшихся пальцев.

Тихий звук ключа, поворачивающегося в замке, отозвался в его мозгу оглушительным грохотом. Слегка повернув голову, он незаметно, из-под полуопущенных век, наблюдал за дверью. Руки, неподвижно лежавшие поверх покрывала, были готовы сомкнуться мертвой хваткой на шее врага — если это враг отпирает замок...

Однако фигура, появившаяся на пороге, не таила в себе никакой угрозы: в комнату вошла высокая стройная женщина в темном платье, а лицом, скрытым под вуалью. В ее руках был поднос с широкой чашей, окутанной облачком пара, и небольшим золоченым кувшинчиком, в котором могло быть только вино.

Поставив поднос на стол, она подняла с пола кубок, склонилась над зажмутившим глаза киммерийцем и легко прикоснулась к его спутанным волосам. Но не успела она отдернуть ладонь, как его огромная рука мягко ската тонкие пальцы. Горящие голубые глаза, широко раскрывшись, смотрели на нее, силясь различить под вуалью смутно знакомые черты.

Не пытаясь отнять руку, женщина опустилась в кресло. Глаза под вуалью загадочно мерцали, и губы, казалось, складывались в улыбку. Конан, отпустив ее ладонь, приподнялся на подушках и потянулся к накидке, но женщина, мягко уложив его обратно, сама изящным движением отбросила ее назад.

Склонившееся над ним прекрасное лицо герцогини мгновенно оживило в памяти Конана события последних дней. Все они, включая предательский взмах вражеского меча и хриплый торжествующий крик Ферндина, молнией пронеслись в его мозгу, и все встало на свое место. Хрипло зарычав от вспыхнувшей в душе ненависти, он, откинув покрывало, попытался было вскочить с ложа, но тут же без сил рухнул обратно, шепча побелевшими губами: «Ферндин... Проклятый Ферндин...»

Прохладные ласковые руки нежно гадили его по плечам, удерживая на подушках, потом осторожно перебрались к горлу, развязывая засохшую повязку. С трудом приподняв тяжелую голову киммерийца, герцогиня сняла пропитавшуюся кровью ткань и, наклонившись, изумленно воскликнула: «Пресветлый Митра! Не может быть!»

На шее Конана, вместо страшной зияющей раны, которую она совсем недавно, дрожа от ужаса, обмазывала колдовской мазью, багрово краснел грубый рубец. Поспешно достав из складок платья крошечную золотую коробочку, Лавиния щедро смазала затянувшуюся рану. Чистая повязка приятным теплом согрела шею киммерийца, и он, вдыхая разлившийся по комнате пьянящий аромат снадобья, мгновенно уснул.

Герцогиня неподвижно сидела рядом, но это уже не была та каменная неподвижность, которая сковывала ее члены вчера на ристалище. Вчера... Все это было только вчера...

Еще с утра она приказала своим доверенным слугам переодеться в платье простолюдинов и занять места у самых ворот Ристалища. Стражники тоже были предупреждены, и в кустах стояла наготове крытая повозка, запряженная парой крестьянских лошадей. О, как герцогине хотелось, чтобы все эти хлопоты оказались ненужными, но сердце, скавшееся в холодный комок, не оставляло места надежде.

И вот поединок закончен, победитель, гордо подбоченясь, подошел за наградой, а за его спиной верные слуги герцогини, метнувшись к распростертому телу, быстро положили его на широкое полотнище и бегом вынесли за ограду. Один из слуг поймал коня и подхватил с песка обломки меча.

Лавиния со своего возвышения с трудом могла разглядеть, что там происходит. Грозовые черные тучи ползли совсем низко, и было темно, как поздним вечером. Когда вдалеке сверкнула молния, в ее неверном свете герцогиня с облегчением увидела, что поверженный киммериец и его вороной конь исчезли с Ристалища. Вернувшись во дворец и переодевшись в сухое платье, она отослала служанок. Заперев дверь спальни на засов, она проскользнула в потайной ход и, свернув в узкий боковой коридорчик, вошла в маленькую комнату — ту самую, где спал сейчас раненый киммериец. Она еще раз взглянула на Конана — тот дышал глубоко и ровно.

А вчера... Герцогиня снова задрожала, вспомнив лежавшее на полу окровавленное тело. Повинуясь ее негромкому приказу, слуги быстро сняли с киммерийца доспехи и кольчугу, разрезали и стащили пропитавшуюся кровью рубаху и кожаные штаны. Встав на колени, Лавиния осторожно

отняла от шеи тряпку, прикрывавшую рану, и невольно вскрикнула от ужаса: ей показалось, что голова почти отделена от туловища. Под ее рукой, лежавшей на груди киммерийца, вдруг гулко стукнуло сердце, еще и еще раз, из растерзанного горла вырвался слабый хрип...

Герцогиня, велев слугам подождать в коридоре, осторожно покрыла мазью края глубокой раны — и кровь мгновенно перестала течь. Она еще раз дрожащей рукой помазала рану, спрятала коробочку и замотала шею чистым холстом.

Позвав слуг, она велела им переложить киммерийца на ложе, подождала, пока они наведут порядок в комнате, и проводила их до выхода в сад. В их молчании она могла быть уверена, как в своем собственном, — эти люди верно служили еще ее отцу, и ради нее, герцогини Лавинии, были готовы в огонь и в воду.

Позже, покинув пир, она снова вернулась сюда и долго сидела, глядя на осунувшееся лицо со сведенными бровями, тревожно прислушиваясь к хриплому дыханию, вырывавшемуся из запекшихся губ...

И вот сейчас, утром, рана уже затянулась, Конан открыл глаза и узнал ее, Лавинию... Она встала, заботливо укрыла спящего киммерийца и, еще раз оглянувшись, тихо выскользнула за дверь.

Оказавшись снова у себя в спальне, Лавиния сняла вуаль с небрежно подобранных волос, сбросила темное платье и надела легкое ночное одеяние. Постояла перед зеркалом, с удовлетворением глядя на свое исхудавшее лицо и синие круги под лихорадочно блестевшими глазами. Легонько ударив по жалобно зазвеневшему гонгу, она нетвердой походкой подошла к ложу и бессильно опустилась на смятые покрывала.

Служанка, впорхнувшая в спальню на ее зов, испуганно подошла ближе и воскликнула:

— О, моя госпожа! Я сейчас позову лекаря!

— Принеси побольше освежающего питья, а то я вся горю, и пришли ко мне Йонду. А потом зови лекаря, хотя я и сама знаю, что со мной... Вчера было так холодно, и еще этот дождь... Ну, беги скорей! — И она, прикрыв глаза, откинулась на подушки.

Вскоре дверь неслышно отворилась, и, осторожно ступая по мягкому ковру, в спальню вошла Йонда, неся большой кувшин с душистым напитком из лесных ягод. Герцогиня приоткрыла глаза и шепотом велела девушке приблизиться. Поставив кувшин, Йонда подошла к самому изголовью и опустилась на колени, встревоженно глядя на свою госпожу, такую бледную и измученную.

— Йонда, пока никого нет, слушай меня внимательно: несколько дней

я буду больна, очень больна, и только тебе я позволю заходить в спальню, — Лавиния быстро шептала, с опаской поглядывая на дверь, — я знаю, ты девушка смелая и преданная, поэтому только тебе я доверю мою тайну...

Она долго что-то тихо говорила, а служанка, склонившись почти к самым ее губам, время от времени кивала. Но вот за дверью раздались встревоженные голоса, и девушка, проворно вскочив, бросилась в смежную комнату.

Когда на пороге появился герцог в сопровождении лекаря, герцогиня уже была укутана пуховым одеялом. Голова ее бессильно поклонилась на подушках, глаза полузакрыты.

— Лавиния, душа моя, что с тобой?! Вчера вечером ты сказалась нездоровой, но я подумал, что это всего лишь каприз. Однако теперь вижу, что ты и впрямь больна!

— Да, мой герцог, вчера был такой холодный день... Я очень замерзла и к тому же промокла... — Она замолчала, проводя языком по пересохшим губам.

Лекарь, с важным видом подойдя с другой стороны ложа, ощупал морщинистой рукой лоб герцогини, подержал запястье худыми пальцами и медленно произнес:

— М-м-м... Жар в крови усмирит прохладное питье... Я вижу, девушка, ты уже принесла его? Очень хорошо... Я дам тебе целебный сбор, ты смешаешь его с подогретым вином и будешь давать госпоже, как только она проснется... Несколько дней в тепле и покое — и все пройдет, да, все пройдет! — Он покивал головой, отпустил руку герцогини и, поклонившись герцогу, поманил за собой служанку. Когда они вышли, Лавиния повернула голову и чуть слышно спросила:

— Ты назначил этого... Ферндана... своим Главным Советником?

— Тебя еще и это огорчает, я знаю... Ну почему ты так недоверчиво к нему относишься?! Ладно, об этом после, сейчас ты больна... Барон Ферндин на две-три луны отбыл в свое новое поместье, а потом, когда он вернется, я и назначу его на место старого Дисса. Его, и никого другого! Такова моя воля! — Он неожиданно рассердился, вскочил и стал ходить по спальне из угла в угол.

— Подойди сюда, Оргельд, мне трудно громко говорить! — Лавиния слабым жестом протянула к нему руку. Внутри ее все содрогалось от бешенства, но глаза смотрели кротко и беспомощно. — Вот так, сядь рядом и послушай! Он отбыл в Редборн, ведь именно это поместье ты ему пожаловал?

— Да, дорогая, но он скоро вернется.

— Наверное, ты прав, я по-женски чего-то в нем не понимаю... Если ты считаешь, что он достоин, — пусть будет твоим Советником... А сейчас я хочу спать... И завтра буду спать, и послезавтра... Пусть Йонда занавесит окна и никого ко мне не пускает. Если мне что-нибудь понадобится, я пришлю ее — она смышленая девушка.

Герцогиня устало прикрыла глаза и отвернулась. Герцог, занятый своими мыслями, рассеянно погладил ее горячую руку, лежавшую поверх одеяла, и быстро пошел к двери.

Днем Лавиния еще пару раз бесшумно заглядывала в потайную комнату, но киммериец крепко спал. Ближе к вечеру она взяла принесенные Йондой кушанья и, оставив девушку в спальне, спустилась к раненому. Он лежал на спине, подложив руки под голову, и сразу повернулся, услышав звук отпираемой двери.

Увидев герцогиню, Конан, пытаясь встать, приподнялся на ложе, но она, опустив поднос на стол, села рядом в низкое кресло. Запах жаркого с герцогской кухни защекотал ноздри киммерийца, и Лавиния, засмеявшись, сказала:

— Попробуй поесть! Думаю, рана не должна тебя больше беспокоить.

Она наполнила кубки вином и подвинула блюдо поближе к киммерийцу. Тот, не заставив себя долго упрашивать, принял за еду, а она задумчиво смотрела на него, изредка поднося к губам кубок. Вскоре и блюдо, и кувшин опустели, а она все так же молча глядела на него темно-синими глазами.

Конан ощупал повязку на горле, покрутил головой и спросил:

— Давно я здесь? Похоже, проклятый Ферндин чуть не отправил меня на Серые Равнины! Надо найти его и свести счеты, иначе душа моя не будет знать покоя!

— Не торопись, киммериец, ты скоро найдешь его! — Герцогиня, как тогда, на турнире, не мигая смотрела ему в глаза. — Я, как и ты, больше всего на свете хочу его смерти, но что могу я — слабая женщина! Вчера, когда он тебя ранил, мое сердце чуть не разорвалось!..

— Вчера?! Да ведь он со всего маху всадил меч мне в горло! А сейчас я ем и пью! — Конан снова недоверчиво ощупал повязку.

Поставив кубок, Лавиния поднялась и осторожно развязала узел. Мягкая ткань, послушно размотавшись, упала на пол. Вглядевшись в шею варвара, на которой не было и следа от страшной раны, герцогиня не сдержала изумленного возгласа:

— Это просто чудо! Спасибо тебе, мудрая Вегда! Удивленно

приподняв брови, Конан провел рукой по шее:

— Ого, по-моему, даже рубца не осталось! Что за Вегда? Наверняка какая-нибудь колдунья! Ненавижу колдовство, но только не тогда, когда оно возвращает жизнь!

— Да, она колдунья, и благодаря ей ты жив. Вот, смотри, тут немного еще осталось!

Лавиния достала золотую коробочку и открыла крышку. На дне еще было немного пахучей мази, но, когда она прикоснулась к ней пальцем, зелье голубым дымком вылетело из шкатулки и растеклось по комнате, наполнив ее пряным ароматом.

Лавиния с улыбкой протянула руку и легким движением провела по мускулистой шее, по тому месту, где вчера чернела смертельная рана. Конан бережно взял ее руки в свои и стал целовать ладони. Она пересела с кресла на край ложа, отняла пальцы от его лица и потянулась жадно приоткрытым ртом к его жестким губам. Конан мягко обнял женщину, и она покорно прильнула к могучей груди киммерийца...

Утром, когда в потайную комнату из сада донеслась надоедливая перекличка ворон, Лавиния, открыв глаза, тихо засмеялась. Даже ради одной такой ночи стоило бы воскресить этого варвара! Нежный и ненасытный, он сумел разбудить в ней такую страсть, о которой она и сама не подозревала. Или это внезапно вспыхнувшая любовь, перемешавшись с испепеляющей душу ненавистью, выплеснулась таким жарким неистовством?! Она лежала, обессилевшая от наслаждения, и смотрела на мигающий огонек готового погаснуть светильника. Еще немного — и комната погрузится в темноту. Стارаясь не разбудить Конана, Лавиния осторожно встала и пододвинула легкое кресло к дальней стене. Под самым потолком, где проходила широкая панель из резного дуба, она слегка нажала планку, и часть обшивки бесшумно отошла в сторону. Утренний свежий воздух через узкое зарешеченное оконце ворвался в комнату, сразу же загасив ненужный светильник. Вороны хрипло перекликались где-то совсем рядом, и Лавиния, которой очень нравились эти птицы, представила, как они потешно приседают на ветках, прочищая горло. Она снова засмеялась и легко спрыгнула на пол.

Киммериец, полулежа на подушках, с восхищением смотрел на стройную обнаженную женщину с пышными каштановыми волосами, спускавшимися ниже пояса. Глаза их, встретившись, снова сказали все без слов, руки нетерпеливо переплелись, а тела жадно прильнули друг к другу...

Верная Йонда сказала посланным герцога, что госпожа плохо спала

ночью, и это было истинной правдой. Поднявшись к себе в спальню, Лавиния опустилась на ложе, пустовавшее всю ночь, и мгновенно уснула. Открыв глаза, когда солнце уже клонилось к закату, она полежала еще немного, не раскрывая глаз и думая о киммерийце. Вот он сейчас там один, заперт в крошечной комнате, как большой свободный зверь, пойманный в клетку. Ей хотелось бы еще немного удержать его возле себя, но она знала, что киммериец сейчас думает не о ней. Странно, это вызывало в ее душе не досаду, а, скорее, торжествующую радость. Мщение мужчины и месть женщины — все же очень разные вещи. Но, когда к ненависти мужчины добавляется любовь и ненависть женщины, силы мужчины удесятеряются...

Герцогиня позвала Йонду и велела ей принести побольше еды и вина. Ловкая служанка, несколько раз сбегав туда и обратно, принесла столько всего, что Лавиния со смехом всплеснула руками:

— О Пресветлый Митра! Бедная больная герцогиня не может и смотреть на жареную дичь, не говоря уже о пироге с олениной! А где это видано, чтобы вино сюда приносили в таких кувшинах?! Где ты его взяла?!

— Наши конюхи как раз из таких и пьют... Но я подумала — лучше один большой, чем пять маленьких...

— Йонда, ты все понимаешь с полуслова! Помоги мне отнести это вниз и побудь до утра в спальне. Я крепко уснула после целебного питья, поняла?!

— Да, моя госпожа! — Она взяла тяжелый кувшин и пошла вслед за герцогиней по темной лестнице.

Едва войдя в потайную комнату, Лавиния сразу же оказалась в объятиях киммерийца. Обменявшись с ним быстрыми поцелуями, она приложила палец к губам и, протянув руку в приоткрытую дверь, взяла у Йонды кувшин. Девушка побежала наверх, чтобы принести остальное, а Лавиния дала киммерийцу сосуд с маслом для лампы. Наполнив маленькую бронзовую чашу, он заодно налил масла и в три других светильника, поправил фитили и высек огонь. Маленькое оконце под потолком еще тускло светилось отблесками заката, но Конан, легко дотянувшись до резной панели, поставил ее на место.

И сразу словно оборвалась незримая нить, связывавшая их с миром. Они почувствовали, как волны горячей страсти снова с шумом накатились на сознание, а тела трепещут от неукротимого желания слиться в единое целое...

Раздался осторожный стук в дверь, и герцогиня, с трудом высвободившись из жарких объятий, начала ставить на стол то, что

передавала ей Йонда. Конан негромко рассмеялся:

— Я бы не пропустил тебя в плenу подольше, прекрасная герцогиня, если бы огонь ненависти не сжигал мое сердце сильнее, чем любовь!

Лавиния прильнула к его груди, прытливо заглянув в глаза:

— Так ты хочешь поквитаться с Ферндином за свое поражение? И даже любовь ко мне не удержит тебя в Мэноре? А если я встану на колени и буду умолять тебя остаться хоть ненадолго?..

— Нет, милая, любви и ненависти не ужиться вместе! Сначала одно, потом другое. А Ферндин, значит, покинул Мэнору? Он что, бежал?!

— Герцог отоспал его в Редборн, чтобы он там отсиделся, пока улягутся страсти. Его победы на турнире взбудоражили весь город, и придворные настроены против новоиспеченного барона... А герцог Оргельд, словно малое дитя, не желающее расставаться с любимой игрушкой, вздумал назначить этого проходимца Главным Советником по государственным делам!

Лавиния, сдвинув брови и гневно сверкая потемневшими глазами, стиснула пальцы и, словно разъяренная львица, заметалась по комнате.

— Все рушится, все летит к демонам! Словно гнев Пресветлого обрушился на нас! Бергхейм уплывает из рук, я чувствую, что скоро Ферндин станет его хозяином, а мы... герцог, я, наследник — мы исчезнем, как дым... Но сначала он поиграет с нами, как кот с мышью, и это будет страшнее, чем смерть... — Она прижала к лицу ладони и замерла, только плечи вздрогивали от беззвучных рыданий. Конан бережно обнял ее и погладил по волосам, как старший брат испуганную сестренку.

— Ты сама видишь, что медлить нельзя... Но у меня есть еще один маленький должок в Мэноре. Я бы очень хотел повидать этого негодяя, мастера Кларса! За такие деньги, что я ему отвалил, подсунуть мне гнилую подпругу и негодный меч! Удивляюсь, как он не сломался в первый же день! Я ему все руки отобью, а этому прохвосту, Рыжему Бёрри, язык вырву! «Лучший мастер! Лучший мастер!» Тьфу, навоз он нергалий, а не мастер! — Теперь уже Конан в бешенстве метался между ложем и стеной, а Лавиния, опустившись в кресло, смотрела на него, как мудрая старшая сестра на горячего младшего брата.

— Успокойся и поешь, а потом я тебе кое-что покажу, может быть, тогда ты заговоришь по-другому. — Она взяла свой кубок и показала на тяжелый кувшин: — Налей мне вина, я тоже целый день ничего не ела...

Киммериец, все еще кипя от гнева и временно от времени призываю напасти на голову мастера Кларса, незаметно для себя осушил почти весь

кувшин и разделался с обильным угощением.

Лавиния тем временем неслышно выскользнула за дверь и вскоре вернулась, с трудом неся тяжелое седло с порванной подпругой. Положив его на пол перед изумленным киммерийцем, она опять вышла.

Забыв про недопитое вино, Конан встал на колени и при ярком свете четырех светильников стал рассматривать лопнувший ремень. Толстая кожа, окрашенная, как это было принято в Мэноре, в густо-красный цвет, в месте разрыва стала грязно-рыжей, а края лопнувшего ремня размочалились, как старая трухлявая веревка. Под пальцами киммерийца волокнистые концы рассыпались на глазах, словно изъеденные каким-то зельем.

— Кр-ром! Кто мог это сделать?! — зарычал Конан, швыряя подпругу и поднимаясь с колен.

— Тот же, кто сделал это с прекрасным мечом мастера Кларса. Я знаю его оружие, даже из дальних мест к нему приезжают воины, чтобы заказать меч и доспехи. Посмотри, милый, на что это похоже? — И Лавиния протянула ему тяжелый клинок с лежащей на нем обломанной рукоятью.

Конан снова сел на ковер и долго рассматривал излом клинка и торчащий обломок на рукояти. Он попытался сложить их вместе, но ничего не вышло: края металла словно вспутились, покрывшись крохотными пузырьками, и потеряли свою форму. Этого не могло быть, если бы мастер Кларс выковал негодный меч: уж кто-кто, а Конан-то знал, как выглядят обломки плохого оружия, как блестит сталь на изломе перекаленного клинка и что бывает, если в металле остается пузырек воздуха. Нет, здесь было другое: металл вскипал и словно оплавился, как будто побывав в нездешнем огне...

— Скажи, что ты об этом думаешь, а потом услышишь, что думаю я. — Лавиния провела пальцем по клинку, очерчивая границу потускневшего металла. Конан мрачно отбросил рукоять меча:

— Колдовство! Кто-то решил помешать мне выиграть поединок! О таких штучках я слышал, но вижу впервые. Говорят, достаточно прикоснуться к оружию и сказать заклинание... Постой, постой! Прикоснуться! Нищий! Старый нищий во дворе мастера Кларса! Он ведь так и повис на моем мече, чтобы не упасть, и бубнил что-то непонятное! А до этого он держался за подпругу, когда налетел на коня! Проклятие!

— Я неплохо разбираюсь в упряжи и оружии: девчонкой в доме отца я часто надевала легкие доспехи и пыталась кое-чему научиться у старших братьев... Я тоже знаю, как рвутся подпруги и ломаются мечи. Ты прав, киммериец, это колдовство. И я уверена, что знаю, чьих рук это дело...

— Кр-р-ром! Я тоже знаю! Куда бы он ни забрался, в какое бы поместье ни уехал, я найду и выкурю его оттуда! И тогда никакое колдовство ему не поможет!

— Ты отомстишь ему не только за себя, Конан, и за меня тоже! — Герцогиня обвила руками его шею, заглянула в самую глубину гневных глаз. Ее нежные руки, ласково скользнувшие по плечам, усмирили ярость, клокотавшую в груди киммерийца, и горячее пламя желания вспыхнуло там, где только что бушевал черный огонь ненависти.

ГЛАВА 13

Проклятие! Вот уже третий день я ни о чем другом не могу думать! — Мастер Кларс, расплескав вино, поставил кубок на стол. — Работа валится из рук, я начал сомневаться в себе!

Бёрри молчал, уныло покачивая рыжей головой. Всего несколько дней он был знаком с киммерийцем, и вот надо же — с того мгновения, как тот рухнул на песок, обливаясь кровью, он уже не мог успокоиться, словно потерял родного брата.

Да и мастера Кларса можно понять. Сколько лет он делает боевое оружие, свято храня секрет своей стали, и ни разу никого не подвел его меч, не погнулся кинжал, не лопнула на второй же день подпруга, изготовленная его надежными мастерами... Есть от чего прийти в ярость! Бёрри снова исподлобья взглянул на Кларса. Волосы спутаны, лицо потемнело от бессонных ночей, в глазах появился безумный блеск... Наверняка он корит себя за смерть киммерийца, думает, что своей рукой выковал его гибель...

Эх, если бы Конан остался жив! Хотя бы тяжело раненный, тогда можно было бы попытаться его спасти! Наверняка это люди Ферндина уволокли его с ристалища, подкупив стражу, — ведь он своими глазами видел, что герольды даже не шелохнулись, когда неизвестные в черном мгновенно вынесли с поля тело варвара и увезли его коня. Даже меч прихватили, канальи!

Мастер Кларс, когда пришел в себя, хотел было броситься на поле, чтобы взять клинок, да нигде его не нашел... Арена была пуста, лишь Ферндин гордо красовался на золотистом жеребце, топча копытами кровавое пятно.

— Слушай, Бёрри, что ты все время молчишь?! Скажи хоть что-нибудь, или я расшибу тебе башку! Ты тоже думаешь, что это я виноват?..

— Ничего я не думаю, друг Кларс... В жизни случается всякое, могло случиться и это...

— Не могло! С моим мечом такого случиться не могло! Вместе с киммерийцем умер и я сам, умер мастер Кларс, умерли мои руки, мое мастерство! Или это кара Митры за мою мечту выковать оружие, достойное богов?! Кому теперь нужен старый Кларс, погубивший такого бойца! Выходит, я своими руками помог этому негодяю, нергальему отродью со змеиными глазами, одержать победу! О Митра! Значит, если он,

вернувшись, сядет в Зале Совета рядом с герцогом — это тоже будет моих рук дело! — Он уронил сильно поседевшую за эти дни голову на руки и хрипло застонал.

Больше всего Рыжему Бёрри сейчас хотелось убраться отсюда, но он не мог бросить старого друга в таком горе. Мастера и подмастерья попрятались кто куда, а перепуганные ученики воробыиной стайкой разлетелись по родительским домам. Погас огонь в кузнице, затихли всегдашие гомон и звон, не слышно было ржания коней и скрипа ворот.

«Да, проклятый Ферндин своим ударом сразил не только киммерийца, но и старину Кларса», — грустно подумал Бёрри, осушив неведомо какой по счету кубок. Вино, как безвкусная вода, не обжигало горла и не приносило облегчения — только живот раздувался, как кожаный бурдюк. Он с отвращением отодвинул кубок и подпер щеку рукой.

— Я, пожалуй, двинусь завтра обратно в Бельверус... В городе стало так тихо, никому не нужны сейчас мои песни... да и сам я чувствую то же, что и ты, Кларс, — лопнуть мне на этом самом месте, если смогу хоть что-нибудь спеть или даже прикоснуться к эрте...

Он отвернулся к окну, чтобы скрыть повлажневшие глаза, и в комнате повисло гнетущее молчание. Тихонько скрипнула дверь, вошел Риальт, младший сын хозяина. Бёрри повернулся к нему, боясь, что мастер Кларс, как утром, опять кинет что-нибудь тяжелое, но оружейник даже не шевельнулся. Его голова все так же лежала на скрещенных руках, и лишь плечи изредка вздрагивали.

Юноша на цыпочках подошел к отцу и стал что-то шептать ему на ухо, косясь на дверь. Мастер поднял голову и, гневно сверкнув глазами, резко вскочил, опрокинув лавку:

— Нет! Никого не хочу видеть! Пусть катится к Нергалу в задницу! Кто бы он там ни был — хоть граф, хоть барон, хоть сам... — Он не успел договорить, а на пороге уже неслышно появился немолодой человек в черном простом плаще. Слова замерли на губах мастера Кларса, а незнакомец, улыбнувшись, отошел к окну, поманив его за собой. Он держался здесь так уверенно, что можно было подумать — это его собственный дом, а мастер Кларе — не более чем гость.

Сжав губы, оружейник подошел к окну и стал слушать, что шептал ему незнакомец. Его брови сошлись у самой переносицы, видно было, что еще немного — и на человека в черном плаще обрушится град проклятий. Но тут таинственный гость быстро поднес к глазам мастера Кларса какой-то перстень и так же быстро спрятал его в потайном кармане парчового камзола, мелькнувшего под распахнувшимся плащом.

Рыжий Бёрри, машинально пододвинув к себе недопитый кубок, во все глаза смотрел на гостя. Теперь он не сомневался, что к ним пожаловал важный господин, привыкший не просить, а приказывать, — и, конечно, Кларсу придется подчиниться.

И правда, все так же хмурясь, но не пытаясь возражать, оружейник кивнул головой. Незнакомец вдруг перевел глаза на Бёрри и добавил еще несколько слов, махнув рукой в его сторону. Потом он поплотнее запахнулся в черный плащ и так же неслышно, как вошел, скрылся за дверью. Риальт выскользнул вслед за ним. Немного помолчав, мастер Кларс сказал, не глядя на Бёрри:

— Приказано немедленно идти... Мне и тебе... Надо бы переодеться, да он сказал, чтобы мы шли прямо так, лишь бы побыстрей. Ты хоть солому из волос вычеси, Рыжий, вот, возьми мой гребень. — Его голос, по-прежнему хриплый, немного смягчился.

— Постой, постой! А куда это он нас поведет на ночь глядя? Мне что, и эрту с собой брать? Ну, нет, я сейчас петь не смогу, хоть меня режь!

— Петь не придется, а куда поведет — потом увидим... Наше дело — повиноваться!

— Повиноваться?! Неужели... — У Бёрри челюсть отвисла от внезапной догадки.

— Ты лучше помалкивай, накинь плащ, и пошли, — заключил разговор оружейник.

Три темные фигуры выскользнули из ворот и, не привлекая лишнего внимания, двинулись по затихшим улицам. Их проводник шел так быстро, что Кларс и Бёрри едва успевали за ним. Черный плащ то пропадал в темноте, то мелькал крылом ночной птицы на фоне светлой стены. Они сворачивали в узкие улочки, пробирались огородами и задворками и наконец, совсем запыхавшись, остановились у глухой высокой стены. Незнакомец вдруг протяжно свистнул, и ему отозвался такой же долгий свист. Чуть слышно скрипнув, в стене отворилась неприметная створка. Все трое, крадучись, вошли в темный сад, и кто-то за их спинами тут же запер калитку.

— Сюда! Не отставайте! — едва слышно прошептал их проводник, ныряя в густые заросли кустов. Спотыкаясь и беззвучно проклиная темную ночь, Бёрри все же различал впереди темные силуэты незнакомца и мастера и кое-как пробирался за ними.

Но вот они остановились около какого-то сооружения, мрачно черневшего на фоне звездного неба. Бёрри почувствовал властную руку, потянувшую его за плащ и шагнул вперед. Ощущив под ногами гладкий пол,

он догадался, что их привели в какое-то подобие беседки. Ну конечно, как это он сразу не догадался, ведь это старый сад с задней стороны герцогского дворца! Значит... Он не успел сообразить, что все это значит: впереди бесшумно распахнулась еще одна дверца, и тусклый свет факела замаячил в глубине коридора.

Вернее, это была лестница, — неширокие ступени вели в подземный ход, по которому им пришлось идти довольно долго. Но вот галерея закончилась небольшим полутемным залом с винтовой лестницей, уходившей куда-то вверх.

Взяв в руку факел, проводник подождал едва поспевавшего Бёрри и проворно стал подниматься по крутым ступеням. Мастер Кларс, не отставая, молча следовал за ним, а у бедного певца уже плыли перед глазами зеленые и желтые круги, да и вино в животе требовало покоя, а не такой бешеной тряски.

Подъем казался бесконечным, и Бёрри, в изнеможении преодолевая ступени, думал, что еще немного — и они окажутся на небесах. Уже ничего не видя, придерживаясь рукой за шершавую стену и карабкаясь на ощупь, он внезапно оказался стоящим на четвереньках на ровном полу. Дыхание со свистом вырывалось из его груди, ноги дрожали и не желали распрямляться, чтобы поднять грузное тело.

Мастер Кларс подхватил его под мышки и прислонил к стене. Однако колени Рыжего Бёрри так и плясали, норовя опять подогнуться, и прошло несколько долгих мгновений, пока он наконец отдохнул и почувствовал некоторую твердость в конечностях.

И снова их провожатый спешит вперед, пламя одинокого факела мечется по темным стенам, узкие коридоры сменяются крутыми лестницами, вниз, опять вверх, прямо... Наконец, налетев на широкую спину мастера Кларса, едва живой Бёрри понял, что они пришли. Незнакомец, вставив факел в фигурный держатель, исчез в узком, напоминающем нишу коридорчике. Раздался стук и негромкий скрежет отодвигаемого засова. Вскоре провожатый вернулся и кивком указал на дверь:

— Входите! Вас ждут.

Мастер Кларс, тяжело вздохнув, неохотно шагнул к узкой щели, светлевшей в глубине коридорчика; Бёрри, почти наступая ему на пятки, двинулся следом.

Оружейник медленно вошел в таинственную комнату и тут же с воплем ужаса отпрянул назад, чуть не сбив с ног рыжего певца. Однако провожатый без лишних слов решительно втолкнул обоих в небольшую

комнату и захлопнул за ними дверь.

Теперь уже и Бёрри, выглянув из-за плеча окаменевшего мастера, вытаращил глаза и задвигал пересохшими губами, пытаясь хоть что-то произнести: прямо перед ними на низком ложе, подперев голову могучей рукой, сидел Конан и насмешливо смотрел на ошарашенных друзей. В конце концов он не выдержал и оглушительно расхохотался:

— Ох-хо-ха-ха-ха! В жизни не думал, приятель, что ты можешь корчить такие рожи! А ты, Кларс, видно, решил, что перед тобой покойник?! Ха-ха-ха! Ладно, Бёрри, захлопни рот, лучше иди сюда да промочи горло! И ты, мастер, садись рядом, выпьем немного за радостную встречу! Или вы не рады меня видеть живым и здоровым?! — Киммериец, притворно нахмурившись, отвернулся к невысокому столу и подвинул поближе кувшин с вином.

Бёрри нерешительно присел на скамью, стоявшую рядом с ложем, и только тут заметил женщину, молча стоявшую в дальнем углу комнаты. Мастер Кларс, немного прияняв себя и оглядевшись, раньше певца обратил внимание на безмолвную фигуру под легкой вуалью и, как видно сразу узнав, преклонил колено и почтительно склонил голову.

Тут наконец и до Рыжего Бёрри дошло: незнакомец в парчовом кафтане, таинственный перстень, герцогский сад, потайные лестницы... Отдернув руку, уже потянувшуюся было к вожделенному кубку, он скользнул со скамьи, преклонив колено, как истинный рыцарь. Женщина у стены откинула вуаль.

— Встаньте! — Голос герцогини слегка дрожал. — И не пугайтесь, это не призрак, а живой человек. — Она подошла ближе и положила руку на плечо киммерийца.

— Бёрри, ну что ты хлопаешь глазами, как старая сова?! С разрешения ее милости мы сядем у стола и поговорим... Мастер Кларс, чтобы ты не смотрел на меня таким скорбным взглядом, сразу тебе скажу: в том, что случилось, твоей вины нет... Остальное — потом. А сейчас, Бёрри, чтобы у тебя не дрожали руки, бери кувшин и наливай вино! Добрый глоток сразу приведет тебя в чувство, уж я-то знаю!

Герцогиня, шурша платьем, подошла к двери и, обернувшись, сказала:

— Вернусь к вам попозже, когда вы обо всем переговорите.

Дверь за ней тихо закрылась.

На некоторое время воцарилось молчание. Конан с усмешкой посматривал на Бёрри и Кларса, а они сидели, ничего не говоря и не решаясь поднять кубки.

Вдруг взгляд Бёрри, скользнув по лицу и шее киммерийца, изумленно

застыл, а рот снова раскрылся; громко сглотнув набежавшую слону, он наконец хрипло выдавил:

— Рана... Была же такая рана... Кровь хлестала, как из кабана. Смотри, Кларс! Шея-то у него гладкая, как у новорожденного... Нет, клянусь Митрой, это оживший покойник! Эх, и зачем я только за тобой потащился!

— Уймись, Рыжий! — Рука оружейника тяжело опустилась на плечо приятеля. — Раз герцогиня сказала, что это не призрак — значит, так оно и есть... Но все же поклянись Пресветлым Богом, что ты — тот, кем кажешься! — И он сделал пальцами знак, отгоняющий демонов.

— Ого! Видно, я хорошо я вас напугал! Клянусь Кромом, а эта клятва для киммерийца самая святая, что я — тот самый Конан, который осушил с вами немало кубков вина! И, если Митра позволит, осушу еще столько же. А рана действительно была, но, куда она делась, может сказать только герцогиня. Это ее люди унесли меня с Ристалища, а ее руки вернули к жизни... За это я сейчас и выпью! Бёрри, бездельник, ты, конечно, налил вина только себе, а про нас забыл! Даже в герцогском дворце все приходится делать самому! — И он наклонил кувшин над кубком.

Они молча пили вино, и было видно, что оружейника гложет какая-то невысказанная мысль, а Бёрри то и дело тревожно переводил глаза с мастера на улыбающегося киммерийца, словно боясь, что вот-вот разразится гроза. Но тут, отставив в сторону опустевший кубок, Конан наклонился и достал из-под ложа сначала рукоять, а потом и клинок, грозно сверкнувший среди мирной посуды.

— Я вижу, ты сидишь и только об одном думаешь... Ну а теперь посмотри внимательно, мастер, может, у тебя на душе полегчает?

Кларс с жадностью схватил клинок и впился в него глазами. Потом стал рассматривать обломок клинка на рукояти и, так же как Конан совсем недавно, попытался соединить обе части меча. Убедившись, что это невозможно, он снова поднес к глазам клинок, осторожно прикоснулся языком к потемневшей поверхности. После этого долго полоскал рот вином и, сплюнув под ноги, гневно сказал:

— Слюна Сета! Колдовское зелье, разрушающее любую сталь! Отец, когда передавал мне тайны ремесла, показывал кинжал, изъеденный таким вот зельем, и велел попробовать его на вкус... Я на всю жизнь запомнил смердящую горечь, и вот теперь мой клинок...

— И клинок, и подпруга. Она превратилась в труху. Так что враг оказался хитрее, чем ты думал.

— Будь он в Мэноре, я заколол бы его этим самым обломком! Но

герцог уже спровадил подлеца в Редборн.

— Вот как раз об этом я и хотел с вами поговорить... Как там было в правилах Турнира? «Кто добивается победы бесчестным путем — да будет проклят Митрой»? Ну, так я не собираюсь дожидаться, пока на гаденыша рухнет сосна или испепелит молния! Он должен умереть от моей руки, и молите Пресветлого, чтобы не торопился с отмщением! К утру мне понадобится меч, тот, который я у тебя оставил — он побывал во многих схватках, и я к нему привык...

— Если ты не побоишься еще раз вступить в бой с моим оружием в руках, то я лучше принесу тебе меч, который выковал в день рождения своего первенца. Он освящен в Храме Митры, и уж его-то не возьмет никакое зелье! Я ни за что никому бы его не продал, но тебя прошу: возьми!

— Спасибо, Кларс, возьму, но и мой старый меч тоже прихвачу. Лавиния... Герцогиня говорила, что до Редборна дня два пути прямо на восток, и дорога вроде спокойная...

— Конечно, спокойная! Два дня, две ночи — и все лесом. Ну, разве что медведь ненароком выйдет или рысь на плечи сядет — а так дорога спокойная... Если знаешь, куда и на какой развилке свернуть... — Бёрри, хитро косясь на киммерийца, снова наполнил кубки.

— Да ты, я вижу, всю Немедию знаешь, как свои пять пальцев! И в Редборне тоже бывал?

— Не бывал бы — не говорил бы... Старый Дисс никогда не совался один в эти леса. В последние годы он без сыновей и свиты в поместье не наезжал. Это тебе не Бельверусский тракт, это глухомань!

— А тебя-то что занесло в такие дебри? Дорогу, наверное, перепутал, а лошадка все шла себе и шла...

— Ну, нет, я ехал, как дорогой гость, рядом со старым Диссом и его сыновьями, в сопровождении еще дюжины рыцарей и целой оравы слуг. Да, прекрасные леса окружают поместье Редборн! Какие там олени и кабаны! Просто королевская охота! — Глаза у Бёрри разгорелись, он размахивал руками, чуть не выплескивая вино из кубка. — Барон был хозяин, каких поискать! Всего несколько деревень вокруг — а поля не хуже, чем здесь, в Мэноре.

Он немного отдохнул и продолжал:

— А сам замок — неприступная крепость. Высокая стена, башни, глубокий ров. Говорят, раньше часто приходилось обороняться от набегов с севера, но теперь вроде стало спокойнее...

— Слушай, друг, а что это тебя потянуло на воспоминания? Видать,

соскучился по этому медвежьему углу? Или оставил там какую-нибудь вдовицу?!

— Да знаешь, есть у меня один очень недогадливый приятель, и хочет он в одиночку нестись по лесам, чтобы сразиться то ли с татем ночным, то ли с медведем... И никак он не догадается позвать меня, Рыжего Бёрри, в попутчики, вот я и пытаюсь навести этого упрямого варвара на такую умную мысль...

Дружный хохот сотряс стены маленькой комнаты. Заплясали в светильниках потревоженные огоньки пламени.

В дверях за их спинами появилась герцогиня и встала, молча прислонившись к косяку.

— Мудрости твоих речей мог бы, наверное, позавидовать сам старый Дисс, будь он жив, — сказал мастер Кларс, хлопая певца по колену.

— А что за корысть тебе, любителю поесть и выпить, тащиться со мной на такое дело? Ведь там и головы можно лишиться. — Конан задумчиво провел рукой по тому месту, где должен был находиться широкий рубец.

С лица Бёрри мгновенно исчезло веселое выражение, он нахмурил брови, сурово глянул своими прозрачными глазами в голубые глаза киммерийца и, с силой опустив кулак на столешницу, сказал:

— Я любил этого старого ворчуна, барона Дисса. Честно говоря, в Мэнору я спешил каждый год не только затем, чтобы заработать, но и чтобы с ним повидаться... И после праздника он обязательно прихватывал меня в свое поместье — немного погостить. Когда я узнал, что он умер, я две луны не мог петь... А потом исчезли его сыновья и их мать, благородная Энора... И герцог, который был ему стольким обязан, тут же забыл о верном слуге, развлекаясь с проклятым Ферндином... Теперь Ферндин — хозяин Редборна, и чует мое сердце, не без его помощи ушел старый барон на Серые Равнины. И его семья тоже... — Он замолчал, уставившись перед собой тяжелым взглядом.

— Значит, и у тебя есть счеты к новому барону Редборнскому, — раздался голос за его спиной, и герцогиня подошла к столу.

Она села в свое кресло и подала Конану знак наполнить кубки.

— Мне тоже нужна его смерть! Лишь она вернет герцогу Оргельду разум, отнятый этим демоном... — Герцогиня хотела продолжать, но словно порыв ветра вдруг пронесся по комнате. Язычки пламени, затрещав, почти погасли, стены как будто раздвинулись, исчезнув в густом тумане. И, словно биение четырех сердец, в тишине зазвучали слова, негромко произносимые хрипловатым женским голосом:

— Клубок ненависти наматывается, наматывается... Встреча, несущая смерть... Они сшибутся, сшибутся... Пламя все пожирает, все уносит... Души обретут покой, а к герцогу вернется разум...

Ярко вспыхнули светильники, стены вернулись на свои места. Несколько мгновений все сидели молча, пока Конан первым не нарушил тишину:

— Что это был за голос? Мне кажется, я уже слышал его когда-то... или совсем недавно, во сне?

— Это ее снадобье спасло тебе жизнь. Ей тоже нужна смерть Ферндина, как и всем нам. Узел судьбы завязался, и только ты, Конан, можешь его разрубить! Убей его и привези мне меч со знаком Митры! — Герцогиня вскочила и, наклонившись над столом, впилась в лицо киммерийца долгим взглядом потемневших глазам. Ее пальцы судорожно скжались, словно схватив невидимую рукоять кинжала, она оттолкнула кресло и быстро пошла к двери.

— Я убью его, клянусь Кромом, или сам погибну! — Варвар вскочил и прошелся по комнате. — Скоро утро, пора в дорогу. Значит, едем вместе. Ну что ж, хороший попутчик — иногда половина дела.

Мастер Кларс сгреб клинок и рукоять и завернул их в полу плаща. Бёрри, стряхнув оцепенение, пошел следом за ним. На пороге их ждал давешний провожатый в черном плаще. Уже не торопясь, они двинулись к выходу по бесконечным лесенкам и коридорам.

Конан вышел последним, тихо притворив дверь. Сделав в темноте несколько шагов, он услышал позади шорох платья, и горячие руки опустились ему на плечи. Повернувшись, он прижал к себе плачущую женщину и легкими поцелуями осушил ее глаза. Она в последний раз жадно прильнула губами к его губам и, вырвавшись, подтолкнула к выходу:

— Иди! Да свершится воля Митры! Возвращайся, я жду тебя!

— Я убью его, клянусь! — И киммериец быстро зашагал по темным коридорам, догоняя Кларса и Бёрри.

ГЛАВА 14

Рано утром на улице Оружейников скрипнули ворота, и из них выехали два всадника в дорожных плащах. Махнув на прощание вышедшему вслед за ними хозяину дома, они не спеша направили коней к Площади Митры. В неясном свете разгорающегося утра площадь казалась огромной. Величественной громадой возвышался Храм, и стена сада светлым полукругом тянулась до улицы, ведущей к городским воротам.

Копыта гулко стучали по камням, и лишь кое-где им отзывались дробным стуком колеса повозок. Это жители окрестных деревень, задержавшиеся после праздника в городе, спешили обратно по домам.

Когда всадники подъехали к городской стене, там уже дожидалось несколько крытых повозок. Стражники, хрипло переговариваясь, отпирали ворота. Копыта лошадей и колеса телег гулко застучали по доскам опустившегося моста, и широкая дорога потянулась среди убранных полей, уводя путников к реке.

Всадники легко обогнали неспешно катившиеся возы и, пустив лошадей рысью, быстро доехали до первой развилки. Дальше мощеная дорога тянулась вниз к мосту, а другая, заросшая по обочинам лопухом и полынью, убегала вправо, повторяя изгибы речушки.

— Нам сюда, друг Конан! — сказал Рыжий Бёрри, сворачивая с гладких камней Королевской Дороги.

Впереди, на востоке, на облаках уже рдели рассветные блики, последняя утренняя звезда неясной точкой помигивала на юге.

Показались добротные дома ближней деревни, издалека слышалось мычание коров, блеяние овец, пастухи покрикивали, сгоняя стадо, и путники придержали лошадей, пропуская скотину к реке.

Нахмутившись и не глядя по сторонам, Конан проехал по широкой улице богатого селения и, оказавшись в поле, снова стал поторапливать коня. Его спутник старался не отставать, но было видно, что такая езда не доставляет ему удовольствия.

— Эй, киммериец, прошу тебя, потише! — взмолился он наконец, когда Конан в очередной раз пришпорил вороного. — Редборн от нас никуда не денется, да и негодяй тоже не убежит! Если тебе меня не жаль, пожалей хоть мою тонконогую Зольду! Фу, наконец-то! Ну, вот так ехать можно, а то весь завтрак из живота вытрясешь!

Конан впервые за все утро улыбнулся, покосившись на своего

неунывающего спутника. Рыжий Бёрри, с луком за спиной, который всучил-таки им мастер Кларс, с шлемом и щитом Конана, притороченными к седлу, одетый в новенькую кольчугу, выглядел как заправский оруженосец.

Лошади теперь спокойно шли рядом, и киммериец, вдыхая холодный утренний воздух, потряс головой, отгоняя мрачные мысли. Действительно, прав этот весельчак Бёрри: впереди еще два дня пути, и нет никакого смысла распалять себя бесполезным сейчас гневом. Будет бой — будет и ярость, она просто, как пламя под золой, притаится в груди до времени, чтобы потом вырваться наружу сокрушающим вихрем.

Бёрри изредка посматривал на киммерийца: ему казалось, что сейчас рядом с ним едет на вороном коне совсем другой человек, не тот, с которым всего несколько дней назад он хохотал в харчевне Старого Лиса над забористыми шутками приятелей, не тот, кто, похлопывая в такт по столу широкой ладонью, слушал его песни у мастера Кларса... Голубые глаза горели мрачным огнем, губы, казалось навсегда позабыв про улыбку, были твердо скаты, могучее тело рвалось вперед, еле смиряясь с медленной поступью коня... Пожалуй, Ферндин еще не наживал себе такого врага!

Громкое хлопанье крыльев отвлекло Бёрри от этих мыслей, и он невольно схватился за лук, проследив взглядом за пролетевшими утками.

— Здесь рядом, за ивняком, такое озерцо есть — прямо кишит дичью! Сейчас будем с добычей!

Но Конан только недовольно покачал головой:

— Куда нам еще дичь! Ты что, забыл, сколько всего насовал Кларс? Зачем нам твои утки? Посмотри, Зольда прогибается под тяжестью всех этих мешков и фляжек! По сравнению с ними мой щит просто ничего не весит.

Бёрри, вспомнив о тугих флягах с вином, повеселел и, в последний раз с сожалением проводив взглядом уток, снова закинул лук за спину.

Старая полузаросшая дорога вилась между жидкими рощицами, скрывавшими в своих зарослях мелкие птичьи озера.

— Барон Дисс, бывало, всегда сворачивал с дороги, чтобы его сыновья тут поохотились. Правда, это герцогское владение, но старому барону Оргельд всегда разрешал немного попугать уток, ведь их все равно меньше не становится...

Бёрри умолк, словно ожидая, что ответит Конан, но киммериец, не обращая внимания на стайки, со свистом проносившиеся над головой, ехал молча, глядя только вперед. Тяжко вздохнув, Бёрри продолжал

разговаривать сам с собой:

— Да уж... Зато потом, когда этих уток подавали жареными, с хрустящей корочкой, со знаменитым соусом эколь, или выносили пироги с утиной начинкой, можно было забыть все на свете... кроме кубка, разумеется...

— Слушай, Бёрри, от твоей болтовни даже покойник потянется к кубку и спросит: «А где утиный пирог?!» — Хмурые складки на лбу Конана разгладились, он, обернувшись, глянул на попутчика с улыбкой. — Я вижу, ты изрядно проголодался и, наверное, мечтаешь посидеть на травке? Но, по-моему, еще рановато для обеда. Где твой старый барон делал первый привал?

Бёрри вздохнул, глядя на солнце, еще не добравшееся до зенита, и уныло ответил:

— А вот, как доехали до леса — тут и останавливались... Скоро кончатся эти болота, выедем на сухое место, а там уже и лес виден...

— Ну, значит, потерпи еще немного. Да, по такой дороге только летом и пробираться — смотри, даже сейчас земля под копытами чавкает. А что же будет осенью?

— Есть еще другая дорога, сухая, в обьезд болот, но это — лишний день пути. Я слышал о ней, но сам не ездил. Ну вот, заросли и кончаются, теперь будет посуще!

И правда, путь неприметно пошел в гору, земля под копытами больше не чавкала, ивы и низкий кустарник остались позади — они выехали на сухую холмистую равнину, заросшую высокими травами. Кое-где возвышались деревья, широко раскинув на просторе мощные ветви. Обогнув невысокий холм, путники наконец увидели вдалеке синеватую кромку леса. Но дорога, с разбегу уткнувшись в покосившийся каменный столб, вдруг разделилась на две, и они, совершенно одинаковые, побежали в разные стороны.

— Ну, и куда же теперь — направо или налево? — Конан с усмешкой взглянул на Бёрри, рука которого нежно поглаживала тугой бок заветной фляги.

— Налево, друг Конан, только налево! Давным-давно эта дорога была узкой тропой, но именно по ней и поехали предки барона Дисса, чтобы построить родовое гнездо. А по широкой правой дороге — ни-ни! Сами не ездили, и потомкам наказали даже не смотреть в ту сторону.

— Да ну? А я бы как раз туда и свернул... Может, ты ошибаешься, и дорога в Редборн — вот эта? Обычно чутье меня не подводит.

— Такой молодец, как ты, которого и смерть не берет, конечно, мог бы

рискнуть, но, я думаю, сначала не худо сделать одно дело, а уж потом браться за следующее... И уж барон Ферндин только обрадовался бы, если б узнал, куда потащился его враг!

— Так куда же ведет эта дорога? Посмотри, какая она утоптанная, а ты говоришь, по ней никто не ездит...

— Ладно, слушай, что мне некогда поведал за кубком старший сын барона, а то ты так и будешь коситься в ту сторону... Эта история передается из поколения в поколение, и ни один из баронов Редборнских, послушных клятве, никогда не ездил по проклятой дороге...

— По проклятой, говоришь?! Кто ж ее проклял? Не тяни, рассказывай!

— Да, вот так-то... И не перебивай меня, а то я забыл, на чем остановился...

— Оставь флягу в покое — тогда сразу вспомнишь! Еще ничего не сказал, а уже спотыкаешься! Нет, Бёрри, я тебя не узнаю!

— Так я же и говорю — дорога-то проклятая, но манит и манит путников, особенно простофилю, просльшавших про сокровище, которое лежит себе просто так, и никто его не стережет... Ага, пробрало тебя, киммериец, вон как глаза-то сверкнули! Ну, так вот, там, вдалеке, в глубине леса есть широкая поляна, и попасть на нее можно только по этой дороге. А посреди поляны — что бы ты думал? — гладкий каменный пол, как во дворце, украшенный разными узорами. По краям он огорожен невысокой стеной из черного камня, а посередине огромной сверкающей грудой навалены сокровища. Рубины, сапфиры, изумруды лежат целыми кучами, а жемчужные ожерелья, как клубки змей, выглядывают между них. Но это колдовской клад: ни одна травинка не растет на этой поляне, и ни одна капля воды не падает на драгоценности во время дождей. А зимой, темными длинными ночами, клад сияет, озаряя покрытые снегом деревья... Конан, опять ты что-то хочешь сказать, дай уж мне закончить, а то снова собьюсь! Это все не просто камешки, а когда-то живые люди! Стоит человеку перелезть через стену и прикоснуться к сокровищу — как он сам превращается в драгоценный камень или прекрасное ожерелье, или в золотой обруч с алмазами...

— Хм, интересно... Так, значит, никто туда теперь и не ходит?

— Конечно, ходят, и конечно, не возвращаются! Радоваться надо, что тебе попался такой попутчик, как Рыжий Бёрри! А то скакал бы сейчас сломя голову в эту нергалью яму... Эх, Конан, вижу, ты уже готов забыть и Ферндина, и госпожу Лавинию, которой обязан жизнью, и весь свой гнев! — Бёрри не на шутку рассердился, перехватив полный сожаления взгляд, брошенный Конаном на убегающую вдаль загадочную дорогу.

— Плохо же ты меня знаешь, приятель! Такого еще не было, чтобы киммерийский воин забыл долг мести! Лучше на себя посмотри: барон Дисс, барон Дисс, ах как я любил старика — а сам так и кинулся за утками возле первого же болота! Ну, ладно, не отворачивайся, забудем все это, и давай-ка не отставай — вон уже и до леса недалеко. Надо посмотреть, что там насовали в мешки мальчишки мастера Кларса. — Варвар толкнул пятками вороного и, не оглядываясь, поскакал к лесу, выраставшему перед ними сплошной темной стеной.

На опушке среди примятой травы виднелись следы недавней стоянки: свежие кострища, обглоданные утиные кости, разбросанный хворост... Не сговариваясь, Конан и Бёрри проехали это место и остановились возле невысокой корявой сосны, одиноко стоявшей в стороне от дороги. Сняв с лошадей поклажу, они уселись под деревом, не разжигая костра.

Солнце, перевалив за полдень, пекло, как в середине лета, и путники с наслаждением сбросили дорожные плащи.

Бёрри стащил с себя легкую кольчугу и, облегченно вздохнув, бросил ее поверх плаща:

— Ну, спасибо, старина Кларс, удружили! Сроду не носил эти железки и, даст Митра, впредь не стану. Только чтобы не обидеть друга, натянул я кольчугу, но теперь пусть она себе трясетя в каком-нибудь опустевшем мешке!

— Похоже, ты опять забыл, куда едешь? Мастер Кларс, видать, лучше тебя знает жизнь, хоть ты и носишься по свету, как перекати-поле... Вот отдохнем — и наденешь как миленький, иначе я все фляги с вином повешу у своего седла, понял?!

— Понял, понял! Ну что ж, сам напросился — так нечего жаловаться. А ну-ка, что там у нас в этом мешке? Ого-го, гляди-ка, нас собрали в путь, словно каких баронов! — и Бёрри разложил на траве широкое вышитое полотенце. Потом достал хлеб, сыр, холодное мясо, приправы в маленьких дорожных сосудах и даже два золоченных кубка. — Теперь дело за флягой. Будем пить вино, как благородные рыцари. Ладно, Кларс, прощаю тебе кольчугу и пью за твое здоровье!

Когда снеди порядком поубавилась, Бёрри в изнеможении откинулся на теплую землю и прикрыл глаза. Конан не спеша дожевывал румяную краюху хлеба, поглядывая на солнце сквозь причудливо изогнутые ветки. Осушив последний кубок, он сгреб все, что осталось на полотенце, и сунул обратно в мешок.

Бёрри из-под полуопущенных век с усмешкой наблюдал за киммерийцем. Вот это-то и нравилось в нем непоседливому певцу:

неукротимое стремление к цели, будь то победа на турнире, охота за богатством или преследование ненавистного врага... Ну, конечно, вот он уже приторочил к седлу мешок и флягу, накинул плащ и идет к нему... Бёрри поплотнее прикрыл глаза и легонько захрапел.

— Давай-давай, поднимайся! Все равно ведь не спиши: видел я, как ты за мной подглядывал своими хитрыми глазами. Ночью отоспишься, а сейчас — вперед! — И Бёрри, вскочив, едва успел поймать брошенную в него кольчугу.

Вскоре лес сомкнул над ними свои тяжелые ветки, жара сменилась сырой прохладой и запахом смолы. Высокие папоротники, задевая колени лошадей, склоняли над дорогой светлые листья. Деревья, переплетаясь в вышине раскидистыми кронами, образовали сплошной темный коридор, почти не пропускающий солнечного света.

Они не спеша ехали по узкой дороге, заросшей мягкой травой, и молчали, словно околованные вязкой тишиной густого леса. Поток времени как будто остановился, трудно было понять — день еще или уже наступил вечер.

Когда тени сгостились настолько, что лес по бокам стад казаться сплошной стеной, Бёрри встрепенулся:

— Смотри вправо, Конан, где-то здесь на толстой сосне должен быть знак. Как увидишь три широких зарубки — значит, скоро Пограничная поляна. Это — начало баронских владений, дальше уже пойдут леса, принадлежавшие Диссу...

— Ты про эти зарубки говоришь? — Конан остановился у старого дерева, ствол которого был обезображен тремя глубокими ранами; из них обильно сочилась густая смола.

— Похоже, новый барон уже начал наводить порядок поблизости от своих владений! Ну, поехали!

В густых сумерках безмолвный лес как будто ожила: ухнула и захохотал филин, а вдалеке, словно отзыаясь, раздался пронзительный вскрик какой-то ночной птицы. Конь киммерийца спокойно шагал вперед, и сам варвар, чутко прислушиваясь к жизни ночного леса, не слышал никаких подозрительных звуков. Но Бёрри все время казалось, что за его спиной в кустах что-то шуршит, словно осторожный зверь тихо крадется следом. Странное дело: Зольда, его верная Зольда, чуявшая опасность лучше своего беспечного хозяина, шла себе спокойно за вороным, как будто и не слышались совсем рядом эти подозрительные шорохи... Пару раз Рыжему Бёрри даже показалось, что в зарослях мелькнули зеленые огоньки звериных глаз, и, лишь нащупав дрожащей рукой на поясе кинжал, он

немного приободрился.

Вдруг Конан остановил коня и еле слышно прошептал:

— Эй, Рыжий, смотри, мы не одни в этом лесу! Кого еще Нергал понес этой дорогой? Ладно, сейчас посмотрим. Не отставай! — И он осторожно двинулся вперед, не спуская глаз с мелькающих за ветвями отблесков костра.

Они медленно выехали на край огромной поляны и остановились, всматриваясь. То, что издалека виделось большим пылающим костром, оказалось жалким огоньком, пожирающим скучную кучку хвороста. Видно было, что еще немного — и убогий костерок погаснет, сверкнув последними искрами. Рядом с огнем, сжавшись в комочек и, видно, пытаясь согреться, примостилась темная фигурка.

Луна, тускло светившая сквозь просветы быстро летящих облаков, позволила путникам оглядеться: никого больше на поляне не было.

Подъехав ближе, они разглядели старую женщину с прямыми космами седых волос. Выбиваясь из-под головного убора, который мог когда-то принадлежать знатной даме, они свисали вдоль впалых щек. Платье, в трепещущем свете костра казавшееся красновато-бурым, было под стать головному убору — потертое и измятое, со следами частых лесных ночевок. Обхватив худыми руками колени, женщина неподвижно сидела у затухающего костра, даже не повернув головы на звук шагов.

Конан спешился, снял с коня поклажу и ослабил подпругу. Пока Бёрри возился со своей кобылой, киммериец, прихватив дорожный топорик, быстро прошелся вокруг поляны, насобирал целую кучу хвороста и разрубил несколько толстых обломанных веток. Вскоре костер весело запыпал, они сели рядом, а женщина впервые шевельнулась, подняв голову и взглянув в их сторону.

Худое изможденное лицо с впалыми щеками и тонкими, почти бескровными губами могло бы показаться совсем безжизненным, если бы не глаза. Живые и горячие, как уголья, выхваченные из костра, они быстро скользнули по их лицам, а потом женщина снова замерла, завороженно глядя на огонь.

Однако, когда Бёрри стал выкладывать из мешка припасы, готовясь славно поужинать, женщина снова повернулась к ним, следя горящими глазами, как растет на вышитом полотенце гора снеди.

Конан, притащив еще охапку сухих веток, бросил их в стороне и, покосившись на тощую суму старухи, негромко сказал:

— Давай-ка, мать, садись поближе, поужинаем. Твой огонь — наше угощение. Садись, садись, ночь длинная, а путь еще дальше.

Не заставив себя упрашивать, она улыбнулась благодарной улыбкой, обнажив совершенно целые зубы, и сразу исчез мрачный блеск черных глаз, все лицо, смягчившись, стало как будто моложе.

Бёрри пододвинул к ней полный кубок, а сам привычно присосался к широкому горлу дорожной фляги. Старуха протянула дрожащую руку к ломтю хлеба, взяла большой кусок жареного мяса и с жадностью принялась есть. Похоже, не часто на ее долю выпадала такая удача.

Конан пил вино кубком за кубком, жевал мясо и думал о чем-то своем, нахмурившись и неотрывно глядя на пламя. Поеживаясь от настороженной тишины густого леса, нарушающей лишь треском горящих сучьев, Бёрри наконец не выдержал:

— Куда идешь-то, старая? Тебе бы дома сидеть да внуков нянчить, а ты по глухим лесам бродишь, да еще с пустой сумой! Глядишь — сама кому-нибудь на ужин достанешься, здесь места такие, уж я-то знаю...

Старуха, снова улыбнувшись молодой улыбкой, покачала головой и ответила неожиданно мягким голосом:

— В этих лесах меня ни один зверь не тронет, я тут каждую тропку знаю. А иду я, как и вы, в Редборн. Спасибо, что накормили, теперь путь полегче будет.

— А откуда ты знаешь, что мы тоже идем в Редборн? — Бёрри, не дожевав кусок, удивленно взорвался на старуху. Та, слегка откинувшись назад, вдруг засмеялась так весело, что Конан, подняв голову, тоже невольно улыбнулся.

— Так ведь здесь всего одна дорога, дружок, и, кроме как в Редборн, больше никуда не попадешь!

— Ну и болван же я! Конечно, куда еще можно ехать по этой дороге! Эх, Конан не всегда твой попутчик блещет умом и сообразительностью, но уж что есть, то есть...

— Ладно, не прикидывайся убогим. Когда надо, — ты соображаешь не хуже какого-нибудь государственного советника. Плесни-ка мне еще, а то загреб себе всю флягу, до нее и не дотянутся.

Хлебнув, варвар повернулся к старухе и спросил:

— Тебя как зовут-то, мать?

— Мергит... Называй меня Мергит, киммериец...

— Ну, так налей и Мергит, советник, раз уж ты у нас виночерпий! Да не прикладывайся к фляге так часто, а то и на половину ночи не хватит.

Мергит, отпив вина, спросила:

— А зачем вы едете в Редборн? Скрипнув зубами, Конан ответил:

— Дело у нас... Важное дело к новому хозяину поместья, барону

Ферндину.

Бёрри, сплюнув, подтвердил:

— Да, очень нам надо с ним повидаться, и как можно скорее!

При упоминании барона Ферндина старуха резко отставила кубок, глаза ее, смотревшие куда-то поверх их голов, злобно блеснули. И в то же мгновение из глубины леса, то нарастая, то почти умолкая, раздался многоголосый волчий вой.

Подозрительно глянув на старуху, снова принявшуюся за еду, Конан пододвинул поближе длинную толстую ветку. Бёрри мелко затрясся, чуть не уронив в огонь полупустую флягу.

Мергит, словно ничего не заметив, снова завела разговор:

— Возвращаюсь вот из Мэноры, уж очень захотелось праздник посмотреть... А то тихо в Редборне, тоскливо без хозяина... без барона Дисса... Вы зывали барона и его сыновей? — Она вдруг пристально взглянула в глаза Рыжему Бёрри.

— Д-д-да, зывал, и даже гостил у него когда-то... Но все они так таинственно и внезапно умерли...

Горько засмеявшись, старуха затрясла головой:

— Ты прав, Рыжий, таинственно и внезапно... И уж я-то знаю, отчего они все отправились на Серые Равнины, я-то знаю! — И, отвернувшись, она снова замерла, глядя в темноту, царившую под пологом ночного леса.

Резко подняв голову, словно очнувшись от тяжелого сна, Конан весь подобрался, как зверь, готовый к прыжку, и, осторожно коснувшись ее плеча, спросил:

— Расскажи, что там случилось. Мне очень нужно знать, отчего умер старый Дисс и куда делась его семья... Их всех убили? Кто их убил? Скажи, раз знаешь!

Стряхнув с плеча руку киммерийца, Мергит глухо ответила:

— Рассказывать такое ночью — только тревожить духов Тьмы! Но если хочешь, я расскажу об этом днем... При одном условии: ты поможешь мне добраться до Редборна. Вон у тебя какой жеребец, он и не заметит лишнего седока. А то, чего доброго, протяну ноги где-нибудь тут в лесу, и некому будет меня схоронить...

— А что же ты тогда потащилась в город на праздник? — Бёрри, сам того не замечая, доедал уже третий кусок мяса, с опаской поглядывая на странную старуху. Она вдруг круто повернулась и, глядя прямо в глаза киммерийцу пылающими от ярости глазами, хрипло засмеялась:

— Да вот очень уж хотелось посмотреть, как проклятого Ферндина вышибут из седла на Турнире... и, может быть, проткнут мечом горло... да,

да, проткнут горло!

Конан, вздрогнув, закашлялся, а у Бёрри задрожали руки и отвисла челюсть. Вдруг его глаза широко раскрылись, и он, лязгнув от страха зубами, схватился за суковатую палку, тоже предусмотрительно приготовленную на всякий случай: на поляне, как из-под земли, появились семь черных теней и неслышно стали приближаться к костру. Конан вскочил, выхватив меч, и крикнул Рыжему:

— Хватай головню и гони их от костра, а я сейчас с ними по-своему...

— С-с-слушай, К-к-конан, чтоб мне провалиться, это не волки! — Бёрри, все еще стуча зубами, разглядел, что звери, не обращая на них внимания и не пугаясь, спокойно приближаются к костру.

— К-р-ром! И правда, собаки, Нергал их раздери! Тьфу, напасть, откуда им взяться ночью в такой глухомани?

Собаки подошли ближе и, поглядывая на людей умными глазами, полукругом улеглись вокруг костра. Это были огромные черные пастушьи псы, каждый из которых мог запросто разделаться с волком.

Лошади, привязанные неподалеку от костра, не обратили на них никакого внимания: мирно пофыркивая и звеня уздечками, они все так же щипали траву, изредка переступая ногами.

Смех старухи вывел приятелей из оцепенения.

— Не бойтесь, мои детки смиренные, если мне ничего не угрожает! Поэтому я и не боюсь ходить по лесам одна, вот только сил уже маловато...

— Ну, Мергит, я еще не встречал такой шальной старухи! — Конан в сердцах убрал меч в ножны. — Ладно, подвезу тебя в Редборн, но ты мне все расскажешь про старого Дисса. И про Ферндина тоже — сдается, ты и о нем кое-что знаешь. А, старая?

Не отвечая, она покивала головой, достала из травы позади себя старый дорожный плащ, расстелила его у костра и, укрывшись с головой, затихла. Бёрри улегся подальше от собак, поближе к лошадям и, поворчав немного, тоже вскоре уснул. Конан, прислонившись спиной к небольшому дереву, закутался в плащ и замер, глядя на огонь.

Псы лежали тихо, положив тяжелые морды на вытянутые лапы. Потрескивал костер, пожирая новую охапку сучьев, и в темноте поляны изредка вспыхивали зеленые точки собачьих глаз.

ГЛАВА 15

Интересно, кем она была в замке? Кормилицей? Нянькой? Служанкой? Странная старуха... Наверняка она после всей этой истории немного тронулась умом — послушай, как она со своими псами разговаривает. — Конан кивнул в сторону Мергит.

Как только лошади выехали на большую лесную прогалину, она ловко соскочила с коня и, не глядя на попутчиков, отошла в сторону, подальше от черневшего во мху кострища. Псы тут же выскочили из зарослей и, повизгивая, стали кружить вокруг своей хозяйки. И вот теперь, сидя на земле и тихо смеясь, Мергит играла с ними, как с маленькими щенятами: трепала за уши, толкала, что-то негромко приговаривала, ласково называя по именам.

Псы, отталкивая друг друга, так и лезли к ней под руки, валились на спину, задирали кверху лапы, скаля в улыбке страшные пасти.

— Нет, Конан, тут что-то не чисто... Откуда она все это знает и как увидала? — с опаской шептал Рыжий Бёрри, вытряхивая припасы из последнего мешка. — Можно подумать, что рядом стояла... Но ведь сам посуди: ей надо было идти по всем переходам следом за ними, да так, чтобы ее не заметили. Не понимаю. А какой у нее был взгляд, когда она об этом рассказывала... У меня по спине мурашки бегали, все время казалось, что она вот-вот вцепится в горло, как бешеная волчица! И еще... Словно бы я ее когда-то видел в замке старого барона... Нет, не припомню...

Конан, вполуха слушая бормотание певца, не мог отвести глаз от резвящихся на сером мху огромных черных псов. Тонкие руки старухи казались сухими хворостинками, когда она любовно задерживала их в алых собачьих пастиах, способных шутя перекусить не то что слабую женскую руку, но и запястье взрослого сильного мужчины.

— Радуешься, Гоций, что домой возвращаемся? Я тоже рада... А тебе, Ойрис, все бы баловаться! Ну, иди, иди сюда, мой мальчик! Да не толкайтесь, детки, всех приласкаю, никого не забуду... Ах ты, разбойник, как всегда, вперед вылезти норовишь! Думаешь, если младший, так все тебе позволено?! Ну, ладно, не отворачивай голову, клади ее ко мне на колени! Вот так, вот так...

Бёрри хотел что-то сказать, но так и застыл, сунув руку глубоко в мешок. Его губы что-то беззвучно шептали, он тоже во все глаза уставился на старуху.

Усмехнувшись какой-то своей мысли, Конан забрал у Бёрри мешок и позвал:

— Иди, Мергит, подкрепимся напоследок, чтобы приехать в Редборн налегке. Говоришь, к вечеру уже будем в деревне?

Она осторожно сняла с колен тяжелую собачью голову и подошла ближе.

— Да, киммериец, и стемнет не успеет... Я сейчас живу не в замке, а в маленькой хибарке на краю деревни. Если не думаете, что я совсем с ума спятила, — она, усмехнувшись, глянула на Бёрри, — переночуйте у меня, а утром идите к новому барону, раз у вас к нему важное дело.

Она села напротив Конана и потянулась к хлебу. Сейчас, когда теплые лучи солнца падали на ее лицо, Мергит казалась совсем иной, чем ночью и даже утром. Морщинистые щеки словно разгладились, а тонкие губы слегка порозовели. Похоже, когда-то она была очень красива — гордое лицо, орлиный нос, высокий лоб... Бёрри, задумчиво прижав к груди флягу, смотрел на женщину не отрываясь и изредка тряс головой, словно пытаясь что-то припомнить.

Молча дожевав кусок сыра и сделав добрый глоток вина, Конан решительно затолкал остатки еды обратно в мешок. Кинув его Рыжему Бёрри, он отвязал вороного, собираясь вскочить в седло. Псы неторопливо поднялись, потягиваясь и зевая, и один за другим бесшумно скрылись за стволами высоких деревьев.

Старухе, видно, было не впервой путешествовать таким образом — уцепившись за седло и встав на подставленную ногу киммерийца, она легко вскочила на широкий круп коня и удовлетворенно засмеялась:

— Хвала Митре, что он послал мне таких славных попутчиков! Поверьте, старая Мергит сумеет вас отблагодарить за доброту!

Лошади ходко шли по узкой дороге, и каждый шаг приближал путников к цели. Покачиваясь в седле и невольно подгоняя вороного, Конан вспоминал сегодняшнее утро, и голос старухи, тихо, как мышь, сидевшей сейчас сзади, словно все еще звучал в его ушах, то звеня, то хрипя от бессильной ненависти. Вспоминая жуткую повесть Мергит, киммериец чувствовал, что огонь, пылавший в его груди, разгорается буйным пожаром неотвратимого возмездия. Как река в начале пути вбирает в себя ручьи и мелкие речки, чтобы стать огромным потоком, текущим к океану, так и его ненависть, слияясь с ручьями чужого гнева, неслась вперед, и свернуть с этого пути было уже невозможно.

Сегодня утром Конан все-таки задремал у погасшего костра. Когда он проснулся, то увидел, что Мергит, укутавшись в дырявый плащ, сидит в

стороне, окруженная своими собаками. Один из псов, настороженно подняв голову, лежал у самых ног хозяйки, а она, задумчиво глядя в сторону Конана, ласково поглаживала зверя по спине.

Поежившись от утренней сырости, Конан встал и потянулся, расправляя онемевшее за ночь тело. Рядом, уткнувшись носом в скомканную полу плаща, сном невинного младенца спад Рыжий Бёрри. Конан крепко поддел его под бок и не спеша пошел к старухе. Бёрри спросонья вскочил как ошпаренный, обеими руками подняв над головой тяжелую дубину. Покрутив головой, с облегчением выругался:

— Тыфу, дермо нергалье! Так это ты меня толкнул? А то мне приснилось, что в темноте подбираются эти... эти... — Он мотнул лохматой головой в сторону собак. — И будто бы уже в бок вцепились! Ну, хвала Митре, ночь прошла благополучно.

Накинув на плечи плащ, он удалился за кусты оправиться, на всякий случай не выпуская из рук дубину. Псы встали и отошли в сторону, к самому краю поляны. Лишь один, тот, на спине которого покоилась сморщенная рука старухи, так и остался лежать, опустив голову на колени хозяйки. Конан присел рядом, пытливо глядя в глаза Мергит:

— Ну, рассказывай, что знаешь. Потом двинемся дальше.

Вернулся окончательно проснувшийся Бёрри, отбросил в сторону тяжелую дубину, сбежал к костру за флягой и кубками. Отпив несколько глотков, старуха зарылась пальцами в густую черную шерсть замершего пса и сказала:

— Я расскажу все, и, клянусь Митрой, вы не услышите ни слова лжи! Но если хоть один из вас, — она взглянула на них глазами, полными гнева и угрозы, — если хоть один из вас прервет меня или задаст вопрос, я тут же встану и уйду, и больше вы меня не увидите! И это будет самое худшее, что может случиться с вами на этой дороге!

«Ха, испугала!» — чуть было не сорвалось с губ Рыжего Бёрри, но, встретившись с угрожающим взглядом Конана и покосившись на сжатый кулак, он поспешил прикусить язык.

— Год назад, незадолго до праздника Изобилия Митры, барон Дисс имел очень неприятный разговор с герцогом Оргельдом. Они даже чуть не поссорились, и из-за кого! Из-за этого высокочки Ферндина! Тому вздумалось на какое-то время покинуть Мэнору, а герцог, словно влюбленная женщина, чуть ли не цеплялся за полы его каftана, умоляя остаться... И барон Дисс, прия в нешуточный гнев, осмелился напомнить герцогу, каким он был совсем недавно и каким стал по милости этого проходимца... — Мергит помолчала, словно заново вспоминая

случившееся. — Так вот, Ферндин уехал, герцог заперся в своих покоях, а барон Дисс, призывая милость Митры, тоже удалился к себе в опочивальню. Он долго не мог уснуть и все думал, что же приключилось с герцогом, которого он любил, как родного сына... И тут дверь, запертая изнутри на широкий засов, вдруг неслышно распахнулась, и на пороге показалась фигура в темном плаще с капюшоном. Барон хотел крикнуть, позвать слуг, но язык словно примерз к гортани.

Подойдя ближе, незваный гость откинул капюшон — и Дисс увидел перед собой торжествующее лицо Ферндина! Дисс стоял и молчал, скованный чужой волей. Ферндин подошел ближе, похлопал старого барона по щеке, как похлопал бы смазливую служанку, и сказал:

— Разрешаю тебе сесть, старик!

Барон послушно подошел к креслу, но услышал сердитый окрик:

— Садись на постель, мне не нужно, чтобы ты хрюпал и задыхался в этом кресле! Вот, так уже лучше. На, выпей за здоровье будущего барона Ферндина Редборнского! — И он вынул из-под плаща высокий кубок с вином.

В душе Дисса все клокотало, ему хотелось проткнуть негодяя мечом, но вместо этого он протянул руку к кубку.

— Пей, пей, это еще не смерть! Смерть придет к тебе позже, в замке Редборн! Не хочу, чтобы в Мэноре ходили всякие слухи. Ты тихо скончаешься у себя в поместье, в своей постели... Все будет очень достойно, обещаю.

С ужасом прислушиваясь к этим словам, барон осушил кубок с горьковато-сладким вином и обессиленно откинулся на подушки.

— Отлично! Семя ненависти ко мне еще не успело как следует прорости в твоей душе, и вот ты мой! Утром потребуешь, чтобы тебя отвезли в Редборн, и это будут твои последние слова. Все, старик, прощай, ты мне больше не помеха. — Подойдя к двери, он вышел так же тихо, как и появился...

Конан, слушавший Мергит, стараясь не проронить ни слова, задумчиво поднял глаза и раскрыл было рот, но пинок, которым наградил его Бёрри, заставил киммерийца опомниться. И снова тишина повисла над поляной.

— Сыновья барона накануне прибыли в Мэнору, чтобы участвовать в турнире. Наутро они нашли отца лежащим без движения на смятых покрывалах. Старик едва слышно повторял побелевшими губами: «Домой! Скорее в Редборн!» — а из глаз его катились крупные слезы...

Его привезли в замок вечером, и всю ночь баронесса Энора не отходила от мужа. Его глаза неотрывно и требовательно глядели на нее,

губы вздрагивали — старик пытался что-то сказать и не мог... Лишь утром, когда взошло солнце, старый барон словно разорвал оковы, пленившие его язык. И тогда он рассказал баронессе все. Я своими ушами слышала это, потому что была рядом... Да, совсем рядом...

Старуха снова надолго замолчала, мрачно глядя на своих псов. Конан и Бёрри ждали, когда она заговорит снова; у киммерийца губы сжались от гнева, а Рыжий украдкой вытирал повлажневшие глаза.

— Днем барон Дисс умер, — продолжала Мергит, не глядя на приятелей, словно разговаривала сама с собой. — Барон умер, а его старший сын, Дигрис, хотел тут же помчаться к герцогу и рассказать о злодеянии. Но его мать, баронесса Энора, отговорила сына от безрассудной затеи: уж она-то знала, как герцог относится к своему новому любимцу, и прекрасно донимала всю безнадежность этой затеи.

Через девять дней после смерти барона, когда наступил первый срок поминовения, ближе к вечеру у ворот замка появился усталый путник на взмыленном коне, а с ним — двое молчаливых темнокожих слуг...

Голос старухи дрогнул, в груди послышался мучительный хрип. Бёрри спешно плеснул вина, и она жадно осушила кубок.

— Это был немолодой воин, почти одних лет с бароном. Никто его раньше никогда не видел, но он вытирая скатывающиеся на седую бороду слезы и говорил, что когда-то давно хорошо знал барона Дисса и даже сражался с ним плечом к плечу. Его проводили в зал, и он присоединился к поминальной трапезе.

И тут же что-то странное стало твориться в замке: пламя светильников то вспыхивало высокими столбами, то почти угасало, а то вдруг огни трепетали так, будто по залу гулял сквозной ветер, хотя все окна были плотно закрыты. Громко хлопали тяжелые двери, испуганные слуги, вносявшие блюда, клялись, что доски пола и ступени лестниц скрипели сами собой, словно по ним ходил кто-то большой и тяжелый. Из оружейной залы вдруг послышался стон и лязг оружия...

Когда сыновья барона Дисса отперли дверь и осветили факелами огромное мрачное помещение, то увидели, что старинный щит Редборна разбит на куски, а все оружие в беспорядке разбросано по полу... Это душа барона Дисса не могла успокоиться, она взывала к мести, и здесь же, над обломками старинного щита, баронесса и ее семеро сыновей поклялись отомстить!

Гость, стоявший в дверях за их спинами, спросил: за что и кому? Ответом ему было молчание. Никто больше не проронил ни слова. Все разошлись по спальням, гостя тоже проводили в одну из комнат для гостей.

Слуги, все еще прислушиваясь к каждому шороху, попрятались и затихли, как испуганные мыши. Вскоре в замке наступила тишина, пугающая, тревожная тишина...

Баронесса Энора, сразу как легла, забылась тяжелым сном, но глубокой ночью вдруг проснулась, словно ее разбудили. Она быстро встала, оделась и, взяв в руки небольшой факел, выскользнула из опочивальни. Минуя пустые темные комнаты, сворачивая в узкие коридоры, она уверенно шла в западное крыло замка. Обычно там никто не жил, лишь когда во время охоты наезжал из Мэноры сам герцог со свитой, их размещали в этих парадных комнатах. Баронесса все шла и шла, словно повинуясь настойчивому зову, и свет от ее факела зловеще играл на темных сводах пустых галерей.

В одном из коридоров она подошла к небольшой приоткрытой дверце. За ней начиналась крутая лестница, ведущая к старым винным погребам, которыми уже по меньшей мере сотню лет не пользовались. Обычно эта дверца была заперта, но сейчас она открылась, даже не скрипнув. Словно бы ничуть этому не удивившись, баронесса стала уверенно спускаться, придерживаясь рукой за полусгнившие перила. И вдруг внизу мелькнул неясный отблеск... Несколько людей с факелами стояли молча, словно поджиная ее. Она вышла на широкую площадку и оказалась рядом со своими сыновьями. Немного в стороне стоял их вечерний гость, а за его спиной темными изваяниями замерли слуги.

Не терпящим возражений голосом, как будто он был здесь полновластным хозяином, незнакомец велел оттащить в сторону тяжелую плиту, закрывавшую вход в подвал. Юноши с застывшими, как маски, лицами, беспрекословно ему повиновались. После этого он велел им спуститься вниз. Не глядя на мать, по узкой сырой лестнице они сошли в подземелье и укрепили факелы в старинных держателях. По источенным влагой стенам сочилась вода, пахло плесенью и гнилью. Но никто не спрашивал, зачем они здесь и почему незнакомец отдает им приказания, как простым слугам... Баронесса так же безмолвно спустилась вслед за ними и замерла у самой стены.

Рядом, подобно сырой пещере, зияла одна из глубоких ниш, в которых раньше были заделаны огромные винные бочки. Повинуясь взгляду незнакомца, слуги быстро вбили в стену ниши стальные крючья с цепями и подвели к ним безмолвную баронессу. Несколько мгновений спустя она была прочно прикована к стене, а ее сыновья стояли рядом, безучастно глядя на мать.

Незнакомец, подойдя поближе, заглянул ей в глаза, зловеще

расхохотался и, вынув из кармана кусок серебристой ткани, обтер им лицо. Когда он опустил руку — перед баронессой стоял, хищно оскалившись, торжествующий Ферндин, убийца ее мужа! Тут Энора очнулась и дико закричала, забилась, пытаясь вырваться, но стальные цепи крепко держали ее руки, не давая и на шаг отступить от мокрой стены...

— Ну, так кому ты собираешься мстить, старая ведьма?! Начинай, вот он я, перед тобой! Или ждешь, что твои сыновья, верные клятве — ха-ха, клятве! — придут на помощь?! — Его глаза сверкали в полумраке, губы вздрагивали в хищной ухмылке, рука наполовину вытащила из ножен тяжелый меч. — А теперь смотри, безутешная вдова, как исчезнет с лица земли семейство старого Дисса! Кричи, завывай, бейся — мне это доставит удовольствие! Ну, старший, иди ко мне! Медленно, не спеша, ближе, ближе! Вот! Получай! — И меч вонзился в грудь Дигриса, старшего сына барона...

Ферндин отбросил тело ударом ноги и снова позвал:

— А теперь ты, Эринг, любимец старого Дисса, настала твоя очередь умереть!

Юноша отделился от безмолвных братьев. Он равнодушно и безучастно шел навстречу смерти, глядя потухшим взором в пылающие безумной радостью глаза Ферндина. Его мать, Энора, рвалась на цепях, ее крики сотрясали подвалы, эхом отзыаясь в темных закоулках. Казалось, воет раненая волчица, ибо ничего человеческого уже не было в этом диком вопле...

Груда тел на полу перед ней росла, вот и Гирей, предпоследний сын, сделал шаг в сторону Ферндина, подставив грудь мечу, как ягненок, не ведающий опасности... Остался лишь Ойрис, младший сын, почти мальчик, любимец матери. Баронесса с пеной и кровью на искусанных губах хрипло кричала:

— Не ходи! Остановись, мальчик мой! Дети мои! Дети... О Митра, отомсти за нас!

Ее последние слова заглушил злобный хохот Ферндина, вытиравшего меч.

— Зови, зови мстителя, глядишь, он и придет! Придет, когда солнечный луч осветит эти подвалы! Но уж ты-то больше не увидишь света! Повой еще немного в темноте, а потом отправишься вслед за отприсками...

Он взмахнул рукой, и перед ним невесть откуда взялась большая груда светлых отесанных камней. Слуги быстро стали закладывать нишу, и вскоре слабые стоны и проклятия обессилевшей женщины уже не были

слышны, лишь журчание сочившейся по стенам воды нарушало мертвую тишину подземелья...

Ферндин пнул носком сапога голову старшего сына и сказал:

— Я вернусь сюда через год уже хозяином поместья, а пока голодные крысы позаботятся о достойном погребении, о благородные сыновья старого Дисса!

Не оглядываясь, он поднялся наверх, слуги задвинули на место тяжелый камень, и наутро Ферндина и его людей уже не было в Редборне...

Днем в замке поднялся переполох, никто не мог понять, куда исчезла семья барона и их таинственный гость. Никто ничего не видел и не слышал. Только я... И вы — первые, кому я это рассказываю...

Мергит встала, накинула на плечи плащ и, глядя на Конана бесконечно усталыми глазами, чуть слышно сказала:

— Пора в путь, киммериец! Солнце уже высоко, и лошади хорошо отдохнули...

ГЛАВА 16

Густой сумрак окутал лес, когда дорога наконец, круто повернув, вывела путников сначала в мелкий подлесок, а потом — на широкую равнину, полого уходившую вниз, к узкой, заросшей ивняком и камышами речушке.

За речкой на холме черной громадой возвышался замок Редборн. Конан даже присвистнул, рассмотрев на фоне закатного неба его грозные очертания. Эту крепость голыми руками не возьмешь, и, даже будь здесь добрая сотня хорошо вооруженных воинов, защитники замка могли бы не беспокоиться о своей безопасности — таким неприступным стенам нипочем любая осада, и лишь голод, самый безжалостный противник, мог бы выкурить тех, кто укрылся внутри цитадели.

Дорога, едва белея в сгущавшихся сумерках, вела не к замку, а к небольшой деревеньке, смутно темневшей невдалеке. Окруженная частоколом, она казалась вымершей, но Конан и Бёрри прекрасно знали, что, как только заалеет небо на востоке и заорут первые петухи, проснется и жизнь в этом маленьком мирке, отгородившемся заостренными кольями от дикого леса.

Ворота были уже заперты, но Мергит указала рукой на едва заметную тропку, огибавшую частокол. Вскоре вороной остановился перед густыми зарослями ольшаника, в которых терялась узкая тропа. Легко соскочив с коня, старуха уверенно раздвинула кусты и, махнув Конану рукой, скрылась в зарослях. Вороной, осторожно переступая, медленно двинулся за ней.

Отводя от лица упругие ветки, Конан подъехал почти вплотную к частоколу. Мергит что-то нашупала в темноте, и часть ограды тихо распахнулась, пропуская их вовнутрь. Бёрри, поспешая сзади, одобрительно пробормотал: «Ну и бестия эта старуха, клянусь Митрой!»

Тем временем Мергит, неслышно двигаясь по едва заметной тропинке, вывела их к небольшому темному дому. Его дверь подпирала толстая жердь, а все окна были наглухо закрыты толстыми ставнями.

— Ну, вот и пришли, — негромко сказала старуха, засовывая жердину под ветхое крыльцо. — Отведите лошадей в сарай, он за домом, около кустов, видите? Там есть и вода, и сено. Сами возвращайтесь в дом, только тихо.

Она исчезла за дверью, а Конан и Бёрри пошли к добротному сараю, видневшемуся невдалеке.

— Ого-го, да тут еще для пары лошадей mestечко найдется! — Бёрри разнудзал свою Зольду и, подбросив ей охапку душистого сена, встал в дверях, поджидая Конана, — Хоть эта Мергит немного не в своем уме, нам, похоже, повезло, что мы ее встретили. А уж как я поначалу испугался ее псов, и сказать даже не могу! Ну и твари! Не хотел бы я перебежать им дорожку. Ну что, пошли?

Конан вышел из сарая и неслышно притворил тяжелую створку дверей. Бёрри, прижимая к груди последнюю флягу, шел к дому, горестно бормоча:

— Эх, Кларе, старина, что же ты не положил одним мешочком больше! А то вина — сколько хочешь, зато припасы кончились...

Все еще вздыхая, он отворил низкую дверь и вошел в дом.

Огонь уже пыпал в закопченном очаге, и Мергит стояла возле него на коленях, грея озябшие руки. Бёрри бросил на стол полную флягу и огляделся: пустые стены, над очагом — полка с простой посудой, грубый деревянный стол, низкая лежанка, покрытая пестрым одеялом, пара лавок возле стола — и все. Напротив очага темнела пристройка, где когда-то держали зимой скот. Теперь там, так же как в сарае, соблазнительной кучей лежало пышное сено. Нет, определенно, это было не худшее место для ночлега, жаль только, что придется ложиться натощак... Вдруг за его спиной Конан негромко воскликнул:

— Клянусь Кромом, такого я еще не видал! Смотри, Рыжий, что притащили эти собаки! Да, Мергит, с такими детками не пропадешь, они и себя, и тебя прокормят.

Бёрри выглянул из-за широкой спины киммерийца и вытаращил глаза: все семь псов уже успели неслышно войти в дом и лечь у порога; к ногам старухи они положили тушки двух зайцев и молодого кабанчика.

Подняв глаза, хозяйка улыбнулась.

— Только этим и живу! Ну, детки, спасибо, теперь у нас будет славный ужин.

Бёрри, осмелев, выступил вперед, с вожделением поглядывая на дичь.

— Если вы хотите попробовать жаркое, достойное самого короля, то позвольте мне, старому бродяге, приготовить ужин!

— Ну как, Мергит, подпустишь этого болтуна к своему очагу? — хмыкнул варвар. — Правда, я ему не очень-то доверяю, но, надеюсь, он не накормит нас углами.

Мергит встала, сняла с полки кувшин, два больших блюда и вытащила пару почерневших вертелов.

— Давай, Рыжий, покажи свое искусство, — сказала она. — Когда-то

давно я слышала, как ты поешь, а теперь вот, глядишь, доведется попробовать твое жаркое. Я уверена, что все будет так, как ты сказал: ужин, достойный самого короля!

— Ну, Конан, садись в сторонку и не мешай. Смотри и восхищайся, как Рыжий Бёрри станет готовить дичь!

Без умолку болтая, он ловко освежевал и выпотрошил зайцев и поросенка, порылся в маленьком кожаном мешочке, что всегда болтался у него на поясе, и бережно извлек какие-то приправы.

— Я и из болотных лягушек тебе приготовлю такое блюдо, что ты потом ничего другого есть не захочешь! Ну вот, теперь, когда тушки насажены на вертел, самое главное — поддерживать огонь!

Бёрри разгреб почти прогоревшие поленья, положил сверху несколько новых и, неотрывно глядя на вспыхнувший огонь, стал медленно поворачивать тушки. Вскоре аромат жареного мяса разлился по всей комнате, и даже собаки стали жадно принюхиваться, изредка облизываясь и роняя слону.

— Вот и румяная корочка, самое лучшее, что может быть на свете! Так, теперь огонь надо немного усмирить. — И Бёрри как-то по-другому передвинул поленья изогнутым железным прутом. — Осталось подождать совсем немного, и можно будет есть. На твоем месте, Конан, я давно перелил бы вино в этот кувшин. Сегодня твоя очередь быть кравчим!

Конан усмехнулся и взялся за флягу. Вино ароматной струей полилось в глиняный кувшин, а старуха извлекла откуда-то три огромные кружки.

— Я думаю, это будет получше ваших дорожных кубков?

— Ну, мать, угодила! Смотри-ка, он уже тащит зайцев, подставляй скорее блюдо.

Бёрри кинжалом спихнул жаркое с первого вертела и вернулся к очагу за поросенком. Стол с двумя блюдами, полным кувшина и большими кружками так и манил подсесть поближе, огонь в очаге мирно потрескивал, у дверей тихо лежали собаки. Конан извлек из ножен кинжал и приготовился вонзить его в румяный поросячий бок.

— Скажи, киммериец, не тебя ли на Священном Турнире сразил Ферндин подлым ударом? Не твою ли награду получил этот демон, гнусный слуга Черного Сета?!

Кинжал, едва вонзившись в сочное мясо, замер в руке Конана. Не находя слов, он впился гневным взглядом в лицо старухи. Но она, подперев руками голову, смотрела на него с таким материнским сочувствием, что он, неожиданно для себя, вдруг начал рассказывать ей все с самого начала. Напрасно Бёрри пинал приятеля под столом ногами и предостерегающе

покашливал — Конан смотрел в понимающие глаза старой женщины и говорил, говорил...

И странное дело: слушая киммерийца с жадным вниманием, Мергит словно на глазах оживала. Снова, как днем, разгладились морщинистые щеки, кровь прилила к бледным губам, волосы, только что висевшие безжизненными прядями, легли на плечи красивой волной... Конану показалось, что и собаки, лежавшие возле дверей, вроде бы стали больше, их черные спины засияли в ярком свете огня. Похоже, они, как и Мергит, жадно ловили каждое слово киммерийца, и время от времени шерсть грозно топорщилась на их загривках.

В конце концов Бёрри угомонился и принялся за еду. Конан, сверкая глазами, осушил кружку и с силой полоснул кинжалом, отсекая румяную ножку поросенка.

— Ого-го, Бёрри, похоже, ты не только король певцов, но и повар королей! Закусить эту историю твоим жарким — лучшее, что можно придумать!

Мергит задумчиво отломила аппетитную заячью ножку и, попробовав, восхищенно покачала головой.

— Даже в баронском замке, на душистых вендинских поленьях, дичь жарили хуже, — заметила она, — а в простом очаге, на смолистых дровах, почти без всяких приправ сотворил настоящее чудо. Если ты когда-нибудь охрипнешь и не сможешь петь, то сможешь осчастливить любую харчевню своим поварским искусством!

Бёрри скромно потупился:

— Ну... Старый Лис иногда открывает свои секреты добрым друзьям. Плесни-ка мне винца, друг Конан, а заодно и другие кружки не забудь, пора бы и выпить, не все же языками чесать...

Бросив собакам кость, Мергит сцепила пальцы, так что костяшки побелели, и, глядя куда-то прямо перед собой, словно разговаривая с кем-то невидимым, забормотала:

— Я знала, я чувствовала, что он придет, и вот он пришел... Теперь мы не одиноки, слышишь, не одиноки... И сможем ему помочь. — Она обратила к Конану лицо с безумно горящими глазами. — Вымани Ферндана из замка в поле, и тогда я помогу тебе! Не думай, что я стара и слаба. Моя ненависть не уступает твоей, и жажда мести испепеляет мне сердце!

Киммериец, нахмутившись и невольно сжав рукоять меча, смотрел в ее пылающие глаза. Она обещала помочь, и Конан был уверен, что помочь придет. Сейчас он был готов принять в союзники любого демона, лишь бы

отомстить... Старуха, словно прочитав его мысли, обнажила в хищной улыбке ровные зубы.

— Вижу, ты меня понял! Утром задворками проберись к третьему дому отсюда, там живет Альграс, к его слову прислушиваются жители всех деревень в окрестностях замка. Дом с высокой трубой и большим каменным амбаром, понял? Обо мне ничего не говори, как будто и не видел, и про деток моих помалкивай... так будет лучше, да, так будет лучше!

Она перевела взгляд на Бёрри, который, со страхом глядя на ее разрумянившееся и помолодевшее лицо, что-то беззвучно шептал и делал под столом руками странные знаки, словно отгоняя нечисть.

— Не трясишься, Рыжий, а наполни-ка мою кружку! Я еще не все сказала. Фернтина и его свору надо выманить как можно дальше от замка, тогда я смогу вам помочь. Как можно дальше, чтобы он не смог вернуться под защиту стен, иначе все пойдет прахом! Ты понял меня, киммериец?

Ее лицо исказила гримаса ненависти; собаки возле дверей вскочили, рыча и скаля зубы, словно готовые тут же броситься на невидимого врага.

— Похоже, Мергит, нам повезло, что мы встретились с тобой и твоими детками, — ухмыльнулся варвар. — Я принимаю помошь и сделаю, как ты говоришь. Наверное, лучше всего выманить Фернтина поближе к деревне, на широкое поле, что возле реки?

— Ого, да ты, я вижу, хорошо осмотрелся в сумерках. Ты прав, с поля возле реки он уже не успеет вернуться в замок... Ладно, ложитесь спать, а то Рыжий уже щелкает зубами со страху! Не бойся, мы — союзники, а не враги.

Она с улыбкой допила вино и, поднявшись со скамьи, подошла к лежанке. Псы снова улеглись у дверей и замерли, свернувшись черными клубками.

Бёрри потряс головой, как бы отгоняя наваждение, жадно осушил кружку и, пошатываясь, побрел на нетвердых ногах к куче сена. Конан еще немного посидел, задумчиво глядя на мерцающие угли в очаге, и отправился вслед за приятелем. Расстелив плащ, улегся на мягкое сено, пытаясь понять что-то, ускользающее от сознания, и незаметно уснул, разморенный теплом и душистым запахом трав.

... Пронзительный вопль, проникший снаружи и разорвавший сонную тишину лачуги, мгновенно разбудил киммерийца. Сразу же вспомнив все, что было вчера, Конан вскочил и, обнажив меч, бесшумно метнулся к слегка приоткрытой двери. Краем глаза он увидел, что ни Мергит, ни ее псов в комнате уже нет.

С улицы доносился топот копыт, хохот и брань всадников, гневные выкрики мужчин и причитания женщин. В узкую щель, кроме кустов и бурьяна, ничего не было видно, но Конан и без того прекрасно понимал, что происходит. Испуганное блеяние овец, отчаянное квохтанье кур, визг женщин — все говорило о том, что отряд вооруженных всадников грабит деревню. Звон оружия и громкие голоса послышались совсем рядом:

— Эй, смотри, она запирает хлев! Видел, какие у нее жирные овцы? А ну скидывай засов, старая карга, а то хуже будет!

Затрещали сорванные с петель ворота, и всадники ворвались на соседний двор. Конан почувствовал, как в затылок ему возбужденно сопит Бёрри, тоже пытавшийся выглянуть наружу. Киммериец обернулся и прошептал:

— Я сейчас гляну, сколько их там, а ты запрись и не высовывайся. Когда три раза тихонько стукну — откроешь. Понял?

Пригнувшись, он выскользнул за порог и тут же беззвучно исчез в густых зарослях.

Сидя около закрытой двери в почти полной темноте, Бёрри с содроганием прислушивался к тому, что творилось поблизости.

— Ах ты, сука, кусаться?! — доносилось снаружи. — Ну, так вот тебе, получай! — Свист меча и короткий вскрик внезапно заглушил бешеный рев:

— У-у-убью, нергале семя! Получай, получай! Заржал и тяжело рухнул раненый конь, а мощные удары так и сыпались: кто-то добивал поверженного врага. Бёрри вслушивался, стараясь распознать голос, но тот явно принадлежал не киммерийцу. Очевидно, хозяин дома устремился на защиту своей семьи.

Нападавшие, как видно, опомнились и с криком налетели на нежданного противника — через мгновение все было кончено. Всадники о чем-то громко спорили; вдруг раздался отчаянный визг и девичий умоляющий голос:

— Оставьте меня, пощадите! О Митра... Отец! Вы убили его! Матушка! Что вы с ней сделали! Отпустите, отпустите меня... А-а-а!

— Давай плащ, замотаем ей голову, чтобы не орала, — разобрал Бёрри чей-то хриплый рык. — Ничего, она у меня попляшет, я на ней отыграюсь за Силкера, еще будет умолять, чтобы ее отправили следом за ними на Серые Равнины! Поехали, господин ждет. Эх, жаль Силкера — с этим народом нужно смотреть в оба... Вперед! — И отряд, выехав со двора, помчался по деревне, провожаемый яростным лаем собак.

Постепенно все смолкло, деревня как будто вымерла. Бёрри, сидя в

потомках и пытаясь хоть что-нибудь высмотреть в узкую щель рассохшегося ставня, все время прислушивался: не раздастся ли наконец шорох шагов и негромкий стук в дверь. Но кругом было тихо, только шелестели на улице листья под порывами теплого ветра да возились в сене неугомонные мыши.

Бёрри в конце концов надоело сидеть в потемках и ждать — его натура не выносила подобного бездействия. Он осторожно стал обшаривать полку над очагом. Чутье, как всегда, его не обмануло: за щербатой миской рука натолкнулась на ручку светильника. Не надеясь, что в нем осталась хоть капля масла, певец все же осторожно вытащил его и поставил на стол. «На худой конец, зажгу лучину, все лучше, чем сидеть в потемках», — подумал он, доставая трут и кремень. Слабый огонек заплясал в его руках, осветив старую погнутую лампу, до половины наполненную маслом, и плавающий в нем фитиль.

— Ну, Бёрри, боги любят тебя! Всегда бы все так легко удавалось. — Он зажег светильник и стал оглядываться в надежде отыскать что-нибудь, позволившее бы скротить время. Долго искать не пришлось — остатки дичи и далеко не пустая фляга просто сами просились в руки, и, еще раз порадовавшись своему везению, Рыжий уселся за стол. Но не успел он поднести ко рту аппетитно пахнувший кусок мяса, как раздались три едва слышных удара в дверь.

— Ты, как всегда, вовремя, — шепнул певец Конану, тихо проскользнувшему в лачугу. — Смотри-ка, что я нашел! Незачем разводить огонь в очаге и дымить на всю улицу — пусть думают, что здесь никого нет... Садись, подкрепляйся и рассказывай.

— Ешь, Рыжий, я после. Этот негодяй со своими слугами, похоже, решил начисто опустошить деревню. Потом, наверное, примется за соседние... Вся челядь, что была в замке, оказалась там в плену. А эти гаденыши, — он кивнул в сторону двери, — уже третий день наезжают сюда и тащат, что под руку подвернется: кур, свиней, овец... Сегодня — может, слышал? — зарубили старуху и ее мужа, уволокли девчонку... На другом конце деревни тоже умыкнули девицу. — Конан пододвинул кувшин и наполнил кружку. — Я видел того, которого отец девчонки пристукнул дубиной. Похоже, молодец раньше промышлял разбоем, да и остальные, видать, из лихих людышек.

Задумавшись, киммериец жевал мясо, хмуро поглядывая на трепещущий огонек светильника.

— Слушай, а куда старуха-то подевалась? — нарушил молчание Бёрри. — И собаки ее жуткие? Честно говоря, без них как-то спокойней.

Знаешь, Конан, смотрел я на нее, смотрел — и все никак не мог вспомнить... То вроде лицо такое знакомое, ну словно я с ней даже разговаривал когда-то, а то вдруг — сущая ведьма! Нет, никак не вспомню, кем она была в замке...

— Ладно, сиди тут и вспоминай, только флягу держи подальше, а я пойду наведаюсь к этому, как его... Альграсу, посмотрю, что он за птица. Если нужно, приведу его сюда. Смотри только не усни, а то придется дверь вышибать. — Конан легко поднялся и, дружески ткнув Бёрри в плечо, снова беззвучно выскользнул во двор.

Задвинув засов и потирая место, куда приложился могучий кулак киммерийца, Рыжий сел на лавку.

«Ишь ты, от фляги подальше держись, да еще и не спи, — невесло размышил он. — А что прикажете делать доброму человеку в тишине да в потемках?! Ладно, придется потерпеть. Жаль, что и на эрте побренчать нельзя — сразу сунется кто-нибудь любопытный. Эх, Конан, Конан, я ведь тоже могу по кустам змеей лазать, и не хуже тебя, верзила ты киммерийская! Ну уж, раз увязался, надо слушаться. В конце концов, это его дело, а я, если что, со спины прикрою. Рыжий Бёрри тоже умеет меч в руках держать, не только флягу да эрту!»

Он еще долго слонялся из угла в угол, бормоча под нос и поглядывая на стол, где рядом с остатками дичи призывно поблескивала пузатая фляга. Когда наконец послышался долгожданный стук, Бёрри кинулся к двери, как пылкий влюбленный, истомившийся в ожидании ненаглядной пассии.

Дверь открылась, и в лачугу, тускло освещенную убогим светильником, с опаской вошел крепкий седой мужчина. Ему явно было немало лет, но язык не повернулся бы назвать его стариком — могучие плечи, почти не уступавшие плечам киммерийца, огромные сильные руки, привычные к тяжелой работе, ноги, крепко и уверенно ступавшие по земле, — все говорило о том, что не всегда годы властны над человеком, а истинная сила не торопится поддаваться старости.

— Заходи, Альграс, посидим, поговорим... Это мой друг, Рыжий Бёрри, великий певец и музыкант, любимец королей и кухарок. И еще — лучший повар из всех, кого я знаю!

Альграс, все еще настороженно держа руку на поясе, поближе к кинжалу, внимательно посмотрел на Бёрри, и вдруг лицо его прояснилось.

— Да это же тот самый Рыжий Крикун, которого когда-то привозил в Редборн старый барон! Помню, помню, как он однажды ночью... Хо-хоро! — Он вдруг раскатисто расхохотался, припомнив какую-то давнюю историю. Бёрри недовольно нахмурился и проговорил:

— Зато я тебя что-то не помню. И вообще, я пел для знатных гостей, ну а по ночам... по ночам, как и полагается, спал. Если, конечно, не пил в хорошей компании!

— Вот то-то и оно, что в хорошей! — снова хохотнул Альграс. — Эх, киммериец, теперь я верю, что ты не лазутчик проклятого Ферндина... Язык не повернется назвать его бароном Редборнским! Не был он бароном и никогда не будет! А что творит, негодяй, что творит! Своими бы руками шею ему свернул, подстерег бы, напал из засады — да он засел в замке, как барсук в норе, и только его слуги, отродье нергалье, шарят по деревне... Мало им скота, так теперь девушек хватают! Проклятие!

— Слушай, Альграс, ведь в замке, я помню, всегда было много живности — и овцы, и свиньи, и птица... Какие гуси, какие утки — пальчики оближешь! — Бёрри Мечтательно прикрыл глаза, похлопывая ладонью по фляге. — Не говорю уже о лесной дичи...

— А ведь Рыжий прав: зачем грабить деревню, если в замке полно скота? — Конан присел рядом с Бёрри и пододвинул приятелю кувшин. — Перелей-ка вино, а то гладишь флягу, как грудь красотки!

Альграс грузно опустился напротив и, упервшись сильными руками в колени, сказал:

— Было и стадо, и птичники, все было, да теперь нет ничего... Как умер старый барон Дисс и баронесса Энора с сыновьями исчезли — Митра лишь ведает, что с ними стало и где они сейчас! — так вот, с тех самых пор в замке стали твориться странные вещи...

Нахмутившись, он оглянулся по сторонам, словно опасаясь словами накликать беду, и шепотом стал рассказывать дальше:

— Как не стало в замке хозяев, так вскоре в окрестностях появилась стая черных волков. Эти волки каждую ночь пробирались в замок и резали скот. Уж где они находили лазейку — никому не ведомо, но каждое утро либо пару овец, либо свинью, либо десяток кур находили растерзанными посреди двора. Слуги так перетрусили, что по ночам боялись нос показать из своих комнат, задвигали двери сундуками, а волки хозяйничали во дворе...

— И что же, не нашлось смельчаков устроить на них облаву? Вы все здесь охотники, да взять хоть тебя, вон какой крепкий, небось, и на медведя хаживал. Вижу на твоих руках следы от медвежьих когтей. Ну а волки, да еще во дворе... Куда им деться, если десяток охотников выскочит из засады?

— Эх, киммериец, я же еще не все тебе рассказал! Молод ты и горяч, но и мы ведь тоже не дураки! Так и сделали однажды ночью: вооружились,

наготовили факелы...

Бёрри, слушавший Альграса с жадным вниманием, неожиданно спросил:

— А собаки?! В замке было полно собак! Они что же, не лаяли, когда приближались эти... волки? — Он опасливо покосился на дверь, словно ожидая, что псы старой Мергит снова появятся на пороге.

— То-то и оно, что все собаки исчезли из замка, как только появились эти чудовища. И — ни звука, ни клочка шерсти, ни обглоданной кости... Исчезли — и все, как будто их и не было. А черные твари хозяйничали как хотели. Да, так мы устроили засаду и стали ждать. Как раз было полнолуние, каждый камешек во дворе видно, словно днем. Сидим, смотрим, и вдруг со стороны конюшни раздается вой — тонкий, жалобный, как плач ребенка... Из сада ему ответили другие голоса, и от главных ворот — тоже. Звуки приближались, и вот уже на середине двора замелькали черные тени. Вой прекратился, и волки, совсем так, как это сделали бы люди, прошмыгнули в тень, оставив одного зверюгу караулить. Волк сидел неподвижно посреди двора, я сам его видел — огромный черный зверь с чудовищной пастью! А в хлеву в это время блеяли испуганные овцы. Мы с криками выскочили из засады, пятеро бросились в хлев, а трое отрезали путь к отступлению... Я сам выстрелил в этого волка с пяти шагов, промахнуться было невозможно, но стрела прошла сквозь него, как сквозь дым костра! Это не волки, это оборотни, они погубили семью старого Дисса и разграбили его добро! Кто-то наслал на Редборн такую напасть, а теперь еще этот Ферндин... — Альграс в сердцах стукнул по столу пустой кружкой.

— И что же эти зверюги... или оборотни, так ушли тогда? — спросил Конан, пытаясь понять что-то, что никак не могло стать четкой мыслью.

— Огромный страж метнулся в птичник, оттуда не было другого выхода наружу, значит, он оказался в западне. Те охотники, которые вбежали в хлев и осветили каждый уголок, нашли лишь трех зарезанных овец — и никого больше. Волки исчезли, словно сквозь землю провалились. И в птичнике тоже никого не оказалось... После этого уже не находилось охотников устраивать облавы.

— А что, на людей они тоже кидаются? — Бёрри все еще с опаской косился на дверь.

— Нет, вот чего не было, того не было. И скот деревенский ни разу не тронули, только уничтожили все стадо барона Дисса и исчезли. Давно их уже не видно в наших краях, но челядь в замке все равно по ночам крепко запирает все двери...

Альграс умолк, внимательно глядя на киммерийца. Бёрри поспешил наполнить кружки и, словно желая разогнать тяжелую тишину, повисшую в комнате, принял легонько пощипывать струны невесть откуда взявшейся эрты. Негромкие звуки старинной баллады разгладили нахмуренный лоб их гостя. Альграс выпил вина и даже стал притопывать в такт ногой. Конан, не обращая на Бёрри внимания, неотрывно глядел куда-то в темный угол и что-то сосредоточенно обдумывал, постукивая по столу рукояткой кинжала.

— Сколько, говоришь, деревень вокруг Редборна? Три или четыре? — спросил он вдруг.

— Раньше было четыре, сейчас три осталось, — откликнулся Альграс. — Улир был слишком далеко отсюда, и лес там подступал вплотную. Кабаны топтали посевы, а волки травили скот... Да и медведи, бывало, к домам выходили. Барон Дисс приказал жителям перебраться поближе к замку, и теперь осталось только три поселения: Одлер, Хланк и наша деревня, Бента. Ты что-то задумал, киммериец?

— Конечно, задумал, а иначе зачем бы к тебе обращался? Ведь тебя, если я правильно понял, здесь все уважают и к словам твоим прислушиваются.

— Да, друг, я немало пожил, и у меня часто спрашивают совета... Сам барон Дисс говоривал, что если кто и может примирить разошедшихся мужиков, так только Альграс!

Он горделиво под крутил усы и насмешливо глянул на Конана. Бёрри, не пропуская ни слова, с деланной задумчивостью сидел в сторонке, по-прежнему перебирая струны.

— Ну, значит, я тоже кое-что смысллю, раз привел тебя сюда. — Конан широко улыбнулся, сверкнув голубыми глазами. Альграс вдруг спросил:

— Похоже, у тебя с Ферндином свои счеты, а, киммериец? Иначе зачем бы тебе прятаться в хибаре старого Юриса? Смотри-ка, в доме уже больше года никто не живет, а все чисто и прибрано...

Бёрри невольно вздрогнул, а Конан махнул рукой в его сторону:

— Рыжий не терпит беспорядка, всю ночь трудился, мусор выносил. Ты прав, друг, я должен убить Ферндина, только я, и никто другой! Для этого мне и требуется твоя помощь. Слушай, что я придумал...

Они склонились над столом, то шепотом, то во весь голос обсуждая, как выманить из замка Ферндина и его слуг, а эрта, послушная гибким пальцам Рыжего Бёрри, нежно и настойчиво пела о подвигах давних времен...

ГЛАВА 17

Притихший и мрачный, целый год простоявший без хозяев, замок Редборн снова ожил — но как не похожа была эта жизнь на прежнюю! Испуганные слуги, дрожа, бестолково сновали по коридорам и переходам, словно в любой момент ожидали внезапной кары. Даже волки, так долго наводившие страх на челядь и окрестные деревни, были забыты, когда прибыл новый хозяин Редборна.

Опять, как и раньше, по вечерам становилось шумно в огромном пиршественном зале, способном вместить добрую сотню гостей, но крики и вопли пьяных друзей барона Ферндина нисколько не напоминали широкого веселья, царившего на пирах, что устраивал здесь старый барон Дисс.

Ферндин притащил с собой из Мэноры целую ораву обедневшей знати и рыцарей, которые, радуясь случаю широко пожить, не обременяя свои тощие кошельки, превозносили новоиспеченного барона как только могли. И Ферндин, прекрасно зная, что это ложь, все равно жаждал выслушивать льстивые похвалы снова и снова, упиваясь ими, как зеленый юнец.

Вся эта свора гостей, всегда готовая петь хвалу славному барону Ферндину, попировав за щедрыми, ломящимися от яств столами, запив свои слова добрым вином из богатых погребов замка, могла, хорошо прикормленная, в будущем составить немалую силу в борьбе с герцогом. На это он и рассчитывал, зазывая их в Редборн, но проклятый случай опять сыграл с ним скверную шутку... От богатейшего имения, которое он оставил год назад, остались лишь мощный каменный замок, по-прежнему роскошно обставленный, драгоценная утварь и огромные винные погреба. Ни стад, ни птичников, ни припасов — ничего не нашел новый хозяин, вступив во владение... Было от чего прийти в ярость!

И это невозможно было скрыть от гостей, которые, завистливыми глазами обшаривая каждую щель, каждый угол, видели все: пустые хлева, птичники и амбары... Разве что конюшня могла похвастаться несколькими клячами, едва способными переставлять ноги, но это было и все...

В первый же вечер, приказав запереть ворота, отправив гостей в их комнаты и как следует осмотревшись, Ферндин в бешенстве согнал всю челядь в небольшой зал рядом с трапезной и, велев стражникам встать вокруг перепуганных слуг, выместил на них весь свой гнев. Ползая на коленях вокруг нового хозяина, размазывая кровь из разбитых губ и носов,

слуги пытались рассказать о волках, наводивших ужас на всю округу. Но это не произвело на Ферндина большого впечатления, он приказал выпороть всех, кроме двух хорошеных служанок, и, немного успокоившись, послал в деревню своих верных стражников.

И вот теперь, пируя и слушая льстивые речи, он каждый вечер думал, что две луны в Редборне ему не продержаться. Ну, да ладно, герцог тоже не выдержит без него так долго, малышка не даст ему спокойно спать по ночам! Ферндин в конце концов убедил себя, что все складывается к лучшему, и решил как следует вытрясти свои деревни — пусть почувствуют хозяйственную руку, а то, небось, разжирели у старого Дисса!

— Эй, кто там спит?! Почему кубки пусты? — голос барона Ферндина гулко прокатился под сводами старинного зала.

Слуги бегали от одного гостя к другому, проворно наполняя кубки, пустевшие в считанные мгновения. Длинный стол, во главе которого в высоком старинном кресле баронов Редборнских важно восседал Ферндин, ломился от всевозможных яств, и гости, отдавая им должное, не скучились на похвалы:

— Я еще не встречал такого радушного хозяина, как барон Ферндин! Поднимаю этот кубок за то... за то... чтобы ему всегда сопутствовали удача и покровительство Митры, как на Турнире! Кто как, а я ему — самый верный друг! — И тощий рыцарь, чьим достоянием был полуразрушенный отцовский дом в окрестностях Мэноры да пара слуг — единственная роскошь, которую он мог себе позволить, торжественно осушил свой кубок. Ответом ему были одобрительные возгласы:

— Мы все его преданные друзья! Нам бы такого господина! Это не герцог Оргельд, это — настоящий воин!

С наслаждением уже в который раз слушая эти выкрики, Ферндин грустно покачал головой и сказал:

— Нет, друзья, нам надо поднять кубки за нашего господина, славного герцога Оргельда! Он всем хорош — и щедр, и справедлив, но ему нужна твердая рука... Барон Дисс был неплох, но его нет, и кто может заменить старика?! А без доброго совета наш славный герцог не сможет управлять своими владениями... Так я хочу выпить за герцога и за то, чтобы Митра не оставил Бергхейм своей милостью и дал нашему правителю мудрого советника!

— Барона Ферндина! Барона Ферндина Редборнского! Лишь он достоин этой чести!

Заплетающиеся языки с трудом выкрикивали слова лести, из ослабевших рук вываливались полуобглоданные кости, глаза осоловело

моргали.

— М-м-музыка! Где у барона Ф-ферндина м-музыка?! Вчера не было музыки, что, и сегодня н-не будет?! А где красивые девочки?! У барона Р-редборнского всего должно быть вдоволь — и вина, и музыки, и д-д-девочек... женщин...

Сидевший справа от Ферндина толстяк, тот самый, который на Турнире расплатился собственной задницей за жажду славы и наград, смотрел на хозяина масляными глазами и тоже бормотал:

— Д-да... Без музыки нельзя... Даже в харчевнях бывает музыка... И д-девчонки! И в Ред... Ред... борне тоже должны быть!

— Ну, откуда у старого Дисса быть музыкантам?! — Ферндин пронзительным взглядом желтых глаз оглядел хмельных гостей, но его лицо и улыбка выражали простодушное удивление. — Я думаю, здесь, в глухи, и звон наших кубков сойдет за музыку! А, впрочем, можно попробовать! Эй, Эгист! — Он грозно сверкнул глазами в сторону распорядителя. — Я, кажется, видел вчера на хорах арфы и флейты, быстро найди, кто из слуг хоть как-то умеет играть! Иначе... Он наклонился в сторону оцепеневшего от ужаса слуги и прищурился. — Иначе я велю сбросить с башни в ров сначала твою голову, а потом все остальное! Подойди поближе, я скажу тебе еще кое-что... Двух служанок и этих девчонок из деревни тоже приведешь сюда, но сначала... — И он что-то прошептал в самое ухо дрожащего Эгиста.

Тот кивнул и, согнувшись в поклоне, бросился к боковой двери. Поддерживая готовое угаснуть веселье, барон Ферндин, едва прикасаясь губами к вину, рассыпался в похвалах и благодарностях гостям, осчастливившим Редборнский замок своим присутствием. Зорким глазом оглядывая стол, он вовремя брошенной шуткой или покровительственным замечанием успевал погасить то и дело вспыхивающие огоньки пьяных ссор.

«Да, я мог бы держать в руках не только Бергхейм, но и все королевство!» — самодовольно подумал Ферндин, чувствуя себя могучим владыкой, восседая во главе этого пиршественного стола, оглядывая стены, украшенные затейливой резьбой и шпалерами, изображавшими сцены охоты знатных рыцарей на медведей, вепрей и оленей. Кто-то робкими шагами подошел к нему сбоку, и, не поворачивая головы, барон Ферндин услышал тихий дрожащий голос вернувшегося слуги:

— Мой господин, я нашел двоих, но они едва умеют перебирать струны... А девушки готовы, они ждут за дверью!

— Ладно, зови сюда твоих музыкантов, а сам будь поблизости, вдруг

гости захотят еще чего-нибудь!

Из боковой двери, со страхом глядя на нового хозяина, вышли двое молодых слуг с позолоченными арфами. Гости встретили их появление радостными криками:

— Ну вот, наконец-то! Эй, кто там, еще вина! Живо!

Ферндин, беззвучно шевеля губами, поочередно взглянул в глаза юношей, трясущимися руками сжимавших арфы, и отвернулся, потеряв к ним всякий интерес. Но музыкантов в тот же миг словно подменили: их лица застыли, будто вырезанные из дерева улыбающиеся маски, и пальцы проворно забегали по струнам, ублажая гостей старинными застольными песнями.

Звон кубков, хохот и недвусмысленные выкрики показывали, что гостям не терпится получить еще кое-что помимо угощения и музыки. И хозяин, привстав с высокого кресла, многозначительно улыбнулся, трижды хлопнув в ладоши. Тотчас широкая парадная дверь, охраняемая двумя неподвижными стражниками, распахнулась, и на середину зала выбежали слуги, неся огромный, скатанный в трубку ковер. В считанные мгновения они раскатали его на каменном полу и, без остановки кланяясь притихшим гостям, попятались к выходу.

Музыканты внезапно умолкли, и стало совсем тихо. Гости, замерев с недопитыми кубками и недожеванными кусками, уставились на распахнутую дверь, ожидая нового развлечения.

В зал вошли, гремя оружием, несколько дюжих стражников. Они расступились, и перед гостями оказались четыре юные девушки, в испуге жавшиеся друг к другу. Но, повинувшись едва заметному движению пальцев и пристальному взгляду хозяина, они вдруг затрепетали, словно пронзенные невидимой молнией, и легкими шагами, соблазнительно покачивая бедрами, двинулись к ковру.

Все было сделано так, как приказал Ферндин: вместо обычных платьев девушек облачили в свободные ниспадающие одеяния из полотнищ тонкого шелка, схваченных на талии витыми серебристыми шнурами; распущенные волосы густыми волнами падали на плечи, спускаясь до пояса. Их лица, так же как лица безучастно стоявших в стороне музыкантов, превратились в неподвижно улыбающиеся маски. Маленькие босые ноги сделали последний шаг — и четыре стройные фигурки замерли на углах огромного пестрого ковра, вскинув над головой тонкие руки.

Ферндин слегка повернул голову в сторону музыкантов, и они, повинувшись тяжелому взгляду, вдруг заиграли какую-то незнакомую мелодию. Гости, услышав ее первые звуки, разочарованно зашумели, стуча

по столу пустыми кубками и недовольно топая ногами. Но снова и снова повторявшиеся звуки обволакивали, успокаивая, и жадные глаза подвыпивших мужчин уже не видели ничего, кроме полуобнаженных женских фигур, стоявших на ковре.

Музыка заиграла быстрее, и рука барона Ферндина, до сих пор неподвижно лежавшая на столе, вздрогнула и шевельнулась. Девушки, послушные этому легкому движению, покачивая бедрами в такт музыке, медленно начали танцевать причудливый танец. Пальцы их господина, сверкая зелеными и синими камнями массивных колец, двигались по столу, как бы переставляя невидимые фигуры, и четыре юные танцовщицы то сходились, то расходились, кружась и изгинаясь, соблазнительными движениями своих тел доводя гостей до неистовства.

— Ну и ну! Откуда здесь, в глухи, взялись такие штучки? Я бывал и на королевских пирах, но таких танцовщиц видеть не доводилось! Ай да барон Ферндин, три дня прятал своих красоток, а теперь пришлось-таки показать! — шептал пронырливый граф Воллер, возбужденно елозя протертymi рукавами камзола по залитому вином столу, его сосед, почти не слушая, впился жадными глазами в одну из девушек и пытался дрожащей рукой нащупать стоявший рядом кубок, наконец наткнулся на него и осушил одним глотком, а потом перевел дух и прохрипел:

— Ты, болтун, запомни: вон та, рыжая, в зеленом — моя! И если кто к ней сунется — убью, понял?!

— Да ладно, ладно, Гертран, я приглядел блондинку, смотри, какая грудь мелькает, когда она наклоняется! Клянусь всеми демонами, что бушуют сейчас в моей крови, еще немного, и я... и я... — Он тоже поспешил опорожнить свой кубок и, не отрывая глаз от танцовщиц, крикнул: — Эй, вина, и поскорей! И все же откуда здесь такие плясуньи?! И музыканты играют что-то совсем незнакомое... От этой музыки я захмелел больше, чем от вина... Ах ты, разрази меня Нергал, смотри, что делают! Нет, я больше не выдержу! — Он с грохотом поставил кубок на стол и невольно привстал с кресла.

Остальные рыцари, забыв про вино и угощение, тоже не могли спокойно усидеть на месте: диковинный танец разжигал страсть и туманил головы, и вскоре уже все гости топали ногами и рычали от вожделения.

Музыка играла все быстрее, девушки кружились и извивались, как четыре разноцветные змейки. Легкие ткани, не поспевая за стремительными движениями танцовщиц, то и дело обнажали стройные ноги и высокие вздрагивающие груди...

Вдруг одна из девушек, черноволосая красавица, дернула за

серебристый шнурок, поддерживавший ее одеяние, и, развязав, резким движением отбросила в сторону. Три девушки продолжали кружиться у нее за спиной, а она, остановившись, повела плечами, и алый шелк легким облачком упал к стройным ногам — замерев, черноволосая стояла, глядя невидящими глазами в сторону Ферндана, а гости невольно смолкли, любуясь обнаженным смуглым телом.

Но тут раздался грохот падающего кресла, и один из гостей швырнул на пол недопитый кубок, рыча и скалясь, как обезумевший от страсти зверь, кинулся к ней, расшвыривая менее проворных соперников.

Девушка сделала шаг навстречу, сойдя с ковра на каменный пол, и он, жадно схватив в охапку ее безвольное тело, прижал к себе драгоценную добычу и бросился к растворенным дверям. Стражники проводили его злобными завистливыми взглядами, сжимая алебарды в потных руках.

Умолкнувшие на мгновение музыканты снова заиграли свою мелодию: сначала медленно, потом быстрее, быстрее... Девушки опять закружились, и вот еще одна вышла вперед, развязывая серебряный пояс. Рыжие волосы, растрепавшись, облаком окутывали белоснежные плечи. Не успела она повести плечами, сбрасывая зеленый шелк, как раздался дикий вопль Гертрана, отшвырнувшего кресло и выхватившего кинжал:

— Моя! Не подходи, убью любого! Ты, сопляк, куда лезешь?! — Он хватил по уху молодого рыцаря, рванувшегося было к ковру, и, угрожающе размахивая кинжалом, выскоцил на середину зала.

Ферндин молча смотрел на беснующихся гостей, и губы его кривила презрительная ухмылка, он чуть заметно шевельнул пальцем, музыка снова умолкла, и девушка послушно шагнула навстречу Гертрану. Тот отбросил кинжал, ненужной железкой звякнувшей о темные камни пола, жадно провел дрожащими руками по плечам и груди неподвижной танцовщицы и с криком: «Моя!» — подхватил ее и метнулся к двери. И тотчас снова заиграла музыка.

Белокурая тоненькая девушка с нежным лицом, чуть тронутым веснушками, с губами, припухшими, как у беззащитного ребенка, стояла, сбросив голубой шелк, и ждала, кому из пятерых сцепившихся рыцарей она достанется... Тем временем тощий юнец, пришедший в себя от тяжелого удара по уху, проворно подскочил к ковру и, схватив ее за руку, бегом потащил к двери. Когда соперники расцепились, они взмыли от ярости и разочарования: на ковре стояла лишь одна девушка. Полузакрыв карие глаза, она маняще протягивала к ним руки, изгибаясь в сладостном танце; маленькие ножки, едва касаясь мягкого ворса, носили ее, как золотистую бабочку, от одного угла ковра до другого. Музыка подгоняла ее, заставляя

кружиться все быстрее, и в то же время сдерживала распаленных желанием мужчин, плотной стеной вставших вокруг.

Толстяк, сидевший справа от Ферндина, порывался вскочить всякий раз, когда одна из девушек сбрасывала одеяние, но сейчас, увидев перед собой напряженные спины гостей, готовых вот-вот накинуться на желанную добычу, он наконец вскочил и, схватив тяжелое кресло, бросился вперед.

Ферндин, проследив за ним взглядом, беззвучно рассмеялся и шевельнул рукой, заставив музыкантов замолкнуть. В наступившей тишине юноши, не выпуская арф из судорожно сведенных пальцев, с тихим стоном повалились на пол.

Толстяк с размаху опустил кресло на чью-то голову, пинком отшвырнул одного, кулаком повалил другого; не дав опомниться ошеломленным соперникам, схватил свою добычу, взвалив на плечо, как мешок, и бегом понесся прочь из зала. Стражники, облизывая пересохшие губы, с грохотом закрыли высокие двери и снова замерли, злорадно поглядывая на оставшихся.

Хозяин, допивая вино из золотого кубка, оглядывал зал, который выглядел поле битвы, когда схватка уже окончена и вот-вот налетит жадное воронье. Кто-то из гостей уснул прямо за столом, уткнувшись лицом в недоеденный паштет и свесив вниз безжизненную руку, кто-то свалился на пол и заплетающимся языком требовал еще вина...

Напротив него прямо на роскошном ковре знатные рыцари, оставшиеся без дам, наносили друг другу вялые удары. Устав от бесплодной борьбы, они, в конце концов, пошатываясь, поднялись и, поддерживаемые почтительными слугами, стали медленно разбредаться по своим комнатам.

Потеряв к происходящему всякий интерес, Ферндин еще раз мельком глянул на гостей холодными глазами и молча вышел в маленькую дверь. Невесть откуда взявшийся Акрус тенью последовал за ним.

Проснувшись наутро в спальне барона Дисса, Ферндин хлопнул в ладоши, и тут же около пышного ложа появился почтительно склонившийся слуга. Глядя на господина круглыми преданными глазами, он скрестил на груди руки в ожидании приказаний.

— Эти шакалы на редкость прожорливы, Акрус... Похоже, вчера они разделались со всей вашей добычей?!

— Кое-что осталось, мой господин, но они и впрямь похожи на стаю голодных собак... хе-хе... жрут так, словно их целый год кормили только черствыми корками!

— Гнусный сброд, но они мне ох как понадобятся в Мэноре! Так что бери отряд и быстро в деревню! Чтоб сегодняшний обед был не хуже вчерашнего! Да, и самое главное: всех смазливых девок тащите в замок, а то четырех мало... Того и гляди, доблестные рыцари устроят из-за них сражение прямо посреди двора! Ну, быстро!

— Слушаюсь, господин барон! — Акрус почтительно поклонился, не сводя с хозяина глаз, и заметил, как вспыхнули от удовольствия его смуглые щеки.

Вскоре во дворе раздались громкие голоса, топот копыт, и небольшой отряд поспешно покинул замок, отправившись за добычей.

Незаметно приблизилось время обеда, проспавшиеся гости собирались на широкой террасе, негромко переговариваясь и злобно поглядывая на счастливчиков, урвавших вчера самое сладкое угощение...

Отряд, еще рано утром ускакавший в деревню, до сих пор не вернулся, и Ферндин, то любезно улыбаясь гостям, то в нетерпении поглядывая в сторону ворот, в конце концов распорядился накрывать на стол... Угощенье оказалось скромным, и многочисленные серебряные кувшины с вином должны были скрасить вынужденную скудность обеда.

— Проклятие! Куда они все запропастились? Ну, Акрус, негодяй, только появись — я от тебя мокре место оставлю! Небось, дорвались до девок, я видел, как вчера мои головорезы облизывались... — Ферндин, краем глаза поглядывая во двор, не спешил приглашать гостей в трапезную.

Ярость клокотала в его груди, рвала на язык, норовя выплеснуться отборной бранью. Сделав вид, что ему нужно отдать кое-какие распоряжения, Ферндин, оставив гостей, быстро направился к смотровой башне. Стремительно шагая по мрачным коридорам старого замка, он, уже не сдерживаясь, злобно бормотал:

— Акрус, подлец! Ты поплатишься за промедление! Да будет проклят этот болван Оргельд, заславший меня в мерзкую глушь так надолго! Ну нет, я не собираюсь корчить из себя рачительного хозяина, я вытрясу из поместья и деревень все до последней крошки и — обратно в Мэнору! А тут оставлю крепкий отряд верных людей — и чтобы к следующему моему приезду все здесь процветало! Эти бездельники при старом Диссе забыли, что такое страх, — так они его вспомнят! Видит могучий Сет, они узнают, что такое настоящий хозяин!

Ферндин уже начал было подниматься по крутой лестнице на башню, как вдруг послышался грохот опускаемого моста и скрип тяжелых ворот. Круто повернувшись, он бросился вниз и поспешил обратно. Из узкого окна, выходящего во двор, он увидел свой отряд — всадники, пыльные и

усталые, тяжело спрыгивали с лошадей. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: они вернулись с пустыми руками...

Акрус, спешившись, бросил конюху поводья и побежал в покой господина. Ферндин, кусая губы и угрожающе сощурив хищные глаза, поджидал у дверей. Акрус, увидев его и сжавшись в ожидании удара, заговорил прерывающимся голосом:

— О, не гневайтесь, не гневайтесь, мой господин! Мы объехали все три деревни — Бенту, Хланк и Одлер — и везде пусто, никого и ничего...

— Что?! Что ты такое несешь — никого и ничего?! — Ферндин было замахнулся, но Акрус отступил на шаг назад, испуганно втянув голову в плечи.

— Господин барон... Помилуйте, господин барон... Мы не вернулись бы с пустыми руками, но все деревни пусты — ни жителей, ни скота, ни самой распоследней курицы, ничего! Эти негодяи ушли в лес, побросав свои дома, лишь бы их добро не досталось господину барону!

— Опять! Опять неудача! Могучий Сет, я ли не приносил тебе богатые жертвы, я ли не поклялся подчинить Бергхейм твоей воле?!

Ферндин в ярости и растерянности метался из угла в угол.

— И вот все, чего я добился с таким трудом, грозит рассыпаться в прах из-за того, что мне нечем накормить свору прожорливых и продажных негодяев, готовых за подачки и обещания лишить власти, а может, и жизни своего герцога! Что же это за сила, уже в который раз встающая у меня на пути?! Сет, Черный Сет, владыка, помоги!

Впервые Ферндин почувствовал свою слабость, его колдовской силы не хватало, чтобы что-нибудь изменить. Неожиданно страх холодной тонкой иглой вонзился ему в сердце, ладони покрылись липким потом.

«Что делать?! Что все это значит и чем может для меня обернуться? — Он лихорадочно искал выход и не находил его, чувствуя себя крысой, загнанной в угол. — Ах, если бы здесь был старый Барх, научивший меня лишь малой частице премудрости Сета! О, тогда бы я ясно видел свое будущее и не попался бы в эту гнусную западню!»

Скрипнув зубами, он усилием воли отогнал тревожные мысли и приказал:

— Снова собери отряд, и пошарьте в лесу возле деревни! Они не могли далеко уйти, вы их быстро найдете! Разыщите и, как стадо, пригоните сюда, во двор! Всех! — Оттолкнув Акруса к стене, он пошел на террасу.

С любезной улыбкой пригласив гостей к столу, он старался, скрывая тревогу, шутками и насмешками поддержать веселье, но гости, мрачно поглядывая на полупустые блюда, негромко обменивались язвительными

замечаниями, обильно запивая их вином. Уже не слышно было за столом хвалебных возгласов, никто не превозносил щедрого хозяина, барона Редборнского. Быстро прикончив все, что было на столе, гости разбрелись по замку, ища, чем бы развлечься.

К вечеру вернулся отряд, ведя в поводу двух лошадей. Акрус, вбежав в комнату Ферндина, с порога начал:

— Они в лесу, мой господин! Эти мерзавцы посмели устроить засаду и убили двоих наших... Мы только въехали в лес и остановились, прислушиваясь, не заблеет ли где овца или не залает ли собака, как вдруг Харис вскрикнул и повалился с коня: стрела вонзилась ему сзади под шлем и вышла из горла! Не успели мы понять, откуда стреляли, как верзила Джабби захрипел и мешком свалился на дорогу. Стрела пробила его кольчугу и пронзила сердце! Мы тут же бросились в заросли, но никого не нашли — те, кто на нас напал, исчезли, как призраки! И ни следа, ни примятой травы, ни сломанной ветки!

Отвернувшись, Ферндин глухо сказал:

— Ладно, ступай... Завтра утром посмотрим, что делать дальше. Пошел прочь, тебе говорю! — Он в бешенстве обернулся, и Акрус едва успел выскользнуть за дверь: тяжелый резной табурет, брошенный Ферндином, в щепки разлетелся, ударившись о косяк.

— Не думал я, старый Дисс, что ты доставишь мне столько хлопот! — бормотал новоявленный барон, стоя у окна спальни. — Я так легко разделался с тобой и твоей многочисленной семьей! Все сулило мне удачу! И вдруг эти дрянные людишки, живущие только потому, что я, господин, им это разрешаю, осмеливаются идти наперекор! Нет, пора обратно в Мэнору! Завтра же! А деревни сжечь дотла!

Наутро Акрус едва разбудил своего господина, всю ночь барона Ферндина преследовали какие-то неуловимые черные тени, они гоняли его то вверх, то вниз, то по кругу, подстегивая невидимым хлыстом, и он метался, стараясь уйти от жгучих ударов, стонал во сне, но никак не мог вырваться из призрачного плена. Лишь когда верный слуга решительно потряс Ферндина за плечо, он открыл глаза и сразу вспомнил все, что произошло накануне.

Акрус неслышными шагами подошел к небольшому столику и вернулся с кубком душистого вина; ноздри слуги раздувались, вдыхая аромат чудесного напитка. Ферндин схватил кубок и, жадно осушив его, откинулся на подушки. Закрыв глаза и ни о чем не думая, он ждал, когда жар и сила кеубы разольются по всему телу, давая ощущение молодости и могущества. Наконец он спросил:

— Ну, что там гости? Еще не перегрызли друг другу глотки из-за девчонок? И осталось ли хоть что-нибудь из еды?

— Нет, мой господин! Ни хлеба, ни сыра, ни мяса, только вино. Гости злятся и говорят дерзости, собираются немедленно возвращаться в Мэнору... Но, мне кажется, без отряда стражников господина барона они не отважатся выехать даже за ворота! — Акрус злорадно усмехнулся.

— Ты прав, этот сброд годится только на то, чтобы жрать и пить, а как до дела — лучше моего отряда не сыскать. Жаль только, что из-за этих негодяев я лишился славных бойцов... Ну, да ничего, отряд большой, и каждый в нем стоит троих. — Он сел и протянул слуге пустой кубок. — Налей-ка! Раз нечего есть, надо хотя бы выпить! И — обратно в Мэнору! Уж там мне придется раскошелиться, чтобы богатыми пирами заткнуть глотки дорогим гостям... Впрочем, они у меня быстро поутихнут. Не успеем вернуться, как они уже все забудут, а их языки без устали станут превозносить мое хлебосольство!

Одевшись, Ферндин решил подняться на смотровую башню. Оттуда, с высоты, хорошо просматривались все окрестности и были видны две соседние деревни — Одлер и Хланк.

Леса вдали темнели узкой синей полосой и лишь здесь, около Бенты, подступали к замку довольно близко. Всматрившись, Ферндин увидел на пологом холме, там, где дорога светлой полосой уходила в заросли, горстку всадников, то появлявшихся, то снова исчезавших среди деревьев.

Отсюда невозможно было рассмотреть, ни сколько их там, ни как они вооружены, поэтому отряд отчаянных головорезов Ферндина снова помчался к лесу. Но теперь им было приказано не вступать в бой, а покрутиться на безопасном расстоянии, чтобы высмотреть все, что возможно.

Этот отряд уже целый год верой и правдой служил Ферндину. Акрус выпил немало дешевого вина в самых гнусных притонах Мэноры, прежде чем по одному набрал дюжину таких, какие были нужны его господину. Ферндин придирчиво осматривал каждого, проверял, как он владеет оружием, сулил золотые горы и пристально смотрел в глаза. После этого наемник становился его верным рабом, уже не помышляя о плате, а желая лишь одного — выполнять, не раздумывая, приказания хозяина.

Вот и сейчас, уже начисто забыв о погибших, они с гиканьем высыпали за ворота и помчались в сторону Бенты. Ферндин хотел было приказать, чтобы они заодно подожгли деревню, но, представив, как клубы дыма, заволакивая все вокруг, будут мешать сражению, отказался от этой мысли.

То, что сражение неизбежно, барону уже было ясно, хотя слабая надежда унести ноги без боя все же теплилась в его душе. Спустившись с башни, он велел привести управляющего и, грозно нахмурив брови, подошел почти вплотную к перепуганному старику:

— Ты, грязная свинья, отвечай! Как можно выбраться отсюда, минуя эту дорогу? Какой еще путь ведет в Мэнору?! Ну, кончай шлепать губами, говори, если хочешь жить!

— Ни... никак, господин барон, в Мэнору по... попасть нельзя, только по этой дороге... Других... других путей нет, кругом леса и бо... болота, господин барон!

— Врешь, мерзавец! — рука Ферндина потянулась к горлу старика, тот зажмурился от страха и быстро залепетал:

— Если... если на север — там есть охотничьи тропы, но они ведут к Пограничному Королевству, к нашим исконным врагам... На восток тоже нельзя, там непроходимые леса и болота... Только один человек знает тайные тропы, и он мог бы проводить господина барона куда угодно... А я леса не знаю, я леса боюсь, я всю жизнь прожил в замке!

— Говори, кто этот человек?! Немедленно привести его сюда!

— Это, господин барон, Альграс, охотник из Бенты... Прикажите за ним послать, и он вас проводит в Мэнору любой дорогой!

— Что ты несешь, скудоумный?! — Ферндин даже затрясся от бешенства. — Ты смеешь издеваться над своим господином?! Бента пуста, негодяй!

Он с такой силой отшвырнул старого слугу прочь, что тот, отлетев к огромному очагу, ударился головой о закопченный камень и, вскрикнув, рухнул на пол с разбитым черепом.

— Проклятие! Это западня! Я чувствую опасность, смертельную опасность! Где отряд, разве он еще не вернулся?! Надо разделаться с этой кучкой негодяев и вернуться в Мэнору! О, вы еще узнаете Ферндина, пожалеете, что посмели скалить зубы на своего господина!

Не глядя на труп старого управляющего, он обошел лужу дымящейся крови и с треском захлопнул дверь, стремительным шагом отправившись во двор замка. Оттуда доносились топот копыт, возбужденные голоса вернувшихся наемников.

Увидев хозяина, они примолкли, и один из них, почти до глаз заросший клокастой бородой, с поклоном выступил вперед.

— Ну, что вы там увидели? Этот сброд всерьез надеется отрезать нас от Мэноры? — сохраняя напускное спокойствие, Ферндин приподнял брови и презрительно усмехнулся.

— Господин барон, их там около полусотни, кто пеший, кто верхом, все с луками и короткими мечами! Но ни кольчуг, ни панцирей у них нет — сразу видно, охотники, а не воины! — Бородатый тоже позволил себе ухмыльнуться, отчего вся растительность на его лице пришла в движение, — Они только в лесу прятаться умеют, вот в поле мы бы их погоняли!

Ферндин сверкнул глазами и хлопнул бородача по плечу:

— Ну, так и надо выманить их в поле! Лучше сюда, поближе к замку, но, на худой конец, можно и там, около деревни! Ты прав, Орлуф, это в лесу они как у себя дома, а здесь, где негде спрятаться... Ха-ха-ха, простофили, я отплачу вам за свою тревогу и беспокойство! А когда все будет кончено, я устрою себе знатную потеху, клянусь Сетом! — И он решительно двинулся в трапезную, где шумели у пустых столов недовольные гости.

ГЛАВА 18

Смотри, смотри, мост опускается! Ах ты, нергалий коготь ему в печеньку, не выдержал! Бёрри, держа под уздцы свою лошадь, возбужденно приплясывал в кустах рядом с киммерийцем. Отсюда, из густых зарослей ольшаника, отлично просматривалась дорога, ведущая к замку. Конан, сжав кулаки, молча смотрел, как из ворот следом за наемниками Ферндина пестрой толпой выезжают его гости.

— Вон он! Смотри, Конан, вон его доспехи с позолотой! Ха-ха, барон Ферндин, проголодался? Ну, они, небось, думают, что в два счета разделяются с деревенскими бунтовщиками! Лишь бы только Мергит не подвела, а, Конан?!

— Тихо ты, Рыжий, не тряси куст и не толкай меня в спину! Я ведь тоже не слепой, сам вижу! Ну, Ферндин! — Он до боли сжал зубы и прищурил глаза. — Давай-давай, подъезжай поближе! Ага, Бёрри, гляди, они попались! Видишь, его слуги едут с факелами — значит, хотят выманить охотников из леса! Все, как я и говорил! А теперь пора бы Альграсу двигаться к деревне... Глянь, тебе не видно, как они там?

— Суетятся, бегают, садятся на коней... Альграс впереди... Скачут, еще немного — и будут здесь... Ну, Конан, сейчас начнется! Только бы Мергит...

— Да хватит тебе! Мергит, Мергит! В конце концов, без нее обойдемся! Псы у нее, конечно, страшенные, но что могут собаки против рыцарей в полном вооружении? Разве что устроят сумятицу среди этой своры, что тоже будет нeliшним, но очень-то на их помощь не рассчитывай! Держись рядом, прикрывай мне спину, как договорились, понял?!

Отряд вооруженных рыцарей приближался к мосту через узкую речку, за которым начиналось широкое поле, облюбованное Ферндином для схватки. Его наемники ехали впереди с зажженными факелами, словно намереваясь поджечь деревню. Ферндин посмеивался в усы: конечно, как он и думал, эти глупцы высypали из леса и, боясь остаться без крова, помчались навстречу своей смерти. За его спиной громко переговаривались гости, обозленные тем, что и вечером, и утром на столах, кроме вина, ничего не было:

— Ого, сколько их там, этих деревенских боровов! Ну, они у меня побегают по полю, не хуже зайцев!

— Славная будет потеха! Надо помочь нашему щедрому хозяину разделаться с этим сбродом, а уж он нас отблагодарит!

— Эх, прямо руки чешутся! Второй день ничего, кроме вина! Да я их сейчас, как баранов...

Ферндин с удовольствием прислушивался к голосам рыцарей, возбужденных выпитым вином и близостью боя. Прекрасно! Они говорили и делали то, что ему было нужно, не хуже верных наемников, слепо исполнявших хозяйскую волю.

Поглядывая из-за широких спин скачущих впереди слуг в сторону леса, он ясно видел, что все преимущества на его стороне. Теперь, окончательно успокоившись, он даже удивлялся тому, что утром поддался приступу слабости и тошнотворного страха. Такого с ним еще никогда не было!

«И не будет!» — уверенno подумал он, поглядывая на копошащиеся у леса фигуры.

Копыта гулко застучали по настилу моста, и грозный отряд медленно выехал на широкую поляну. Ферндин велел всадникам остановиться и, показывая рукой в сторону деревни, сделал вид, что отдает приказания, стражники с факелами, немного вырвавшись вперед, поскакали по дороге. Остальные, негромко переговариваясь и приготовившись к бою, двинулись вслед за ними.

Их противники, торопясь заслонить собой деревню, наконец приблизились к отряду рыцарей. Теперь стало видно, что на крепких крестьянских лошадках сидело по двое всадников: боец с коротким мечом и небольшим щитом и лучник, примостившийся сзади.

Лучники проворно соскочили с конских крупов и, прицелившись,сыпали рыцарей градом стрел. Воины Ферндина, послушные приказу, тут же сомкнулись плотной стеной и, выставив вперед грозные копья, бросились навстречу нападавшим.

Еще мгновение — и стычка была бы неизбежна. Но тут из кустов с треском и ревом вылетел, подгоняя жеребца, разъяренный киммериец и бросился наперерез отряду рыцарей. Мелькнув, как черная молния, он оказался впереди дрогнувших было деревенских воинов и, высоко подняв над головой широкий меч, одним взмахом перерубил несколько копий. Стена всадников дрогнула, и Конан, пользуясь замешательством врага, со свистом поднимая и опуская меч, мгновенно пробил брешь в их рядах. За ним на легконогой кобыле еле поспевал Бёрри, и сразу было видно, что тяжелый меч рыжему пройдохе не менее знаком, чем хрупкая эрта.

Вокруг могучего бойца на черном коне сразу закипела ожесточенная схватка. Лихим наемникам еще не приходилось встречаться со столь

опасным противником — они не успевали поднять мечи, как отрубленные руки уже летели в сторону; не глядя на поверженного врага, северянин бросался на следующую жертву, и вскоре отряд стражников Ферндина поредел больше чем наполовину. Жеребец, сверкая налитыми кровью глазами и роняя пену с губ, тяжелыми копытами топтал упавших на землю бойцов, заканчивая дело своего хозяина.

Тем временем лучники, стараясь помочь киммерийцу,сыпали врагов дождем стрел, но почти не причиняли вреда: наконечники отскакивали от щитов и крепких панцирей.

Ферндин, сначала, как и все, растерявшийся от неожиданности, разглядел, что это лишь один воин рубится с его отрядом. Злобно сверкнув глазами, он привстал в стременах и крикнул:

— Вперед! Он здесь всего один, тот, другой, не в счет! Окружайте, окружайте! Ему не уйти! Так вот почему эти глупцы посмели восстать! Эй, кто там, заходи сзади!

Рыцари, окончательнопротрезвев, наконец поняли, что это — настоящий бой, а не забава, как показалось вначале. Подбадривая себя воинственными криками, онинасели на Конана, и киммериец вскоре почувствовал, что эти господа умеют неплохо драться. Не обращая внимания насыплющиеся стрелы, рыцаринаскакивали на северянина, и он только успевал отбивать многочисленные удары.

В конце концов и Конан, и Бёрри оказались в кольце осмелевших противников, и Ферндин, немного выехав вперед, вдруг очутился лицом к лицу скиммерийцем. И липкийутренний страх снова накатил на него холодной волной, волосы зашевелились под золоченым шлемом — в грозном воине, уже занесшем меч для удара, он узнал своего соперника, которого поразил на Турнире... Ледяные яростные глаза киммерийца встретились скруглившимися от ужаса глазами барона... И Ферндин, каким-то чудом увернувшись от занесенного над его головой меча варвара, кинулся за спины рыцарей.

А те, окружив северянина плотным кольцом, скриками и хохотом травили противника, как загнанного зверя; отчаянно отражая удары, Конан изо всех сил пытался все таки прорваться к Ферндину, то тут, то там мелькавшему позади своих гостей.

Все... Помощи ждать больше неоткуда... От селян с их короткими мечами и охотничими стрелами толку почти никакого... Ну нет, он все-таки доберется до проклятогоубийцы, и его добрый меч напьется черной крови негодяя Ферндина! А Мергит... что же Мергит?! Значит, он был прав, нельзя надеяться на обещания сумасшедшей старухи... И, не видя

больше ничего, кроме сверкающих доспехов и искаженного страхом пожелтевшего лица, Конан с новой яростью обрушился на нападавших.

Внезапно за его спиной раздался многоголосый крик ужаса. Мощным ударом раскроив череп одному и сбросив с коня другого рыцаря, Конан, вырвавшись из кольца, улучил мгновение и обернулся назад: со стороны леса к месту битвы во весь опор мчались семеро всадников на черных конях и в черных доспехах. За их спинами развевались короткие черные плащи, а на шлемах трепетали султаны черных перьев.

Союзники Конана, деревенские воины и лучники, увидев рыцарей, приближающихся к полю битвы, бросились врассыпную, уверенные, что это спешит на выручку новому барону Редборнскому подмога из Мэноры.

Конан и Рыжий Бёрри тоже подумали, что видят герцогский отряд; решив дорого продать свою жизнь, киммериец воскликнул:

— Ну, Рыжий, сейчас будет совсем жарко, клянусь Кромом! Держись!

Он обрушился на противников, как неукротимая горная лавина, сея смерть и ужас на своем пути... Но Ферндин, проклятый Ферндин все время ускользал, с надеждой поглядывая на приближающихся всадников; как и все, он был уверен, что это посланники герцога. Стارаясь держаться подальше от страшного меча киммерийца, он метался по поляне, то подбадривая сражающихся, то радостно бормоча:

— О Сет! Ты услышал мой призыв! Я так и знал, герцог не выдержал и послал за мной отряд! О, какие бойцы! Сейчас с этим бешеным варваром будет покончено! О Черный Сет, что это?! Назад! Назад, к замку! Скорее!

Но уже было поздно: трое всадников в черном, проскаакав по полю наискосок, оказались у моста, отрезав путь к отступлению. Остальные как вихрь обрушились на воинов, окруживших Конана, и яростный звон мечей слился с воплями и стонами умирающих.

Отряд Ферндина, еще совсем недавно такой грозный, теперь превратился в кучку обезумевших от ужаса всадников, метавшихся по полю в тщетной попытке уйти от смерти. Теперь уже они оказались в кольце: семь рыцарей стояли вокруг, не давая никому вырваться, а в центре бушевал Конан, почти неотличимый в своих черненых доспехах от черных всадников.

Замкнув кольцо, неведомые бойцы больше не вмешивались в битву, предоставляя киммерийцу и Рыжему Бёрри раздельяться со своими врагами самостоятельно, но лишь только кто-нибудь из рыцарей Ферндина пытался бежать, то тут же натыкался на вездесущий меч одного из черных всадников.

Ферндин метался по кругу, но все меньше и меньше оставалось спин,

за которыми он мог укрыться от разящего меча киммерийца. Огонь голубых глаз преследовал его повсюду, а те, в черном, что молча стояли вокруг, вызывали в нем еще больший ужас — он не пытался вырваться из круга, а только пришпоривал коня, уворачиваясь и убегая.

Ах, как не хватало ему сейчас волшебной силы старого Барха, той силы, к которой он стремился всю жизнь, но так и не смог овладеть! Распустить бы сейчас за спиной черные кожистые крылья и взлететь к небесам, оставив в дураках и этого гиганта-киммерийца, и черных всадников, на которых он боялся даже смотреть.

«Нет, надо все же попытаться! О, Сет, владыка, помоги мне!» — и с хриплым криком, больше похожим на карканье ворона, Ферндин резко повернул коня, намереваясь обрушиться на черного всадника с яростью человека, лишенного последней надежды на спасение, но поднятая для удара рука внезапно ослабла, горло, как тисками, сжала судорога страха, а по спине предательским ручейком покатились капли холодного пота.

Всадник на черном коне гарцевал в двух-трех шагах от него, не нападая и не защищаясь. Надетый поверх доспехов короткий плащ трепетал за его спиной, словно тканью играл сильный ветер, хотя разгоряченное лицо Ферндина не ощущало ни малейшего дуновения. Из-под причудливого шлема с колыхающимся пучком черных перьев виднелось бледное лицо; запекшиеся почерневшие губы кривила зловещая ухмылка. Неподвижные глаза под сведенными бровями пронзали, как копья, леденя кровь; всадник смотрел мимо Ферндина и в то же время прямо на него. Тот в ужасе отвел глаза и столкнулся со взглядом другого воина в черных латах, и барону показалось, что видит то же лицо... Ферндин метнулся было в гущу рыцарей, но Конан уже рассеял врагов по полю, а Бёрри добивал тех, кто пятился от разъяренного киммерийца в надежде унести ноги.

Конан яростно рубился, ища встречи с одним-единственным противником, сшибая рыцарей с коней, как досадную помеху. И вот наконец настал миг, когда между ним и Ферндином не осталось больше никого; лишь несколько испуганных лошадей носились по полю да на истоптанной траве грудами валялись изрубленные тела...

Издалека, сбившись в кучу и боясь вмешаться, селяне с изумлением наблюдали за невиданной схваткой. Они свое дело сделали, выманив врага из замка, а теперь, как и велел им Конан, благоразумно держались в стороне, видя, что победа и так на стороне киммерийца. Все еще надеясь вырваться, Ферндин бешеным галопом пустил коня по кругу, но везде натыкался на сверкающие острия мечей и леденящие кровь взгляды

одинаковых черных глаз. Круг постепенно сужался, рыцари сходились все ближе, но ни один из них не пытался напасть. Видя, что они его пока не трогают, Ферндин круто повернулся к киммерийцу. Тот смотрел на него тяжелым ненавидящим взглядом, но его вынести было все же легче.

— О Черный Сет, помоги слуге твоему! — в отчаянии воскликнул Ферндин. — Помоги, и я... Ну, нет, варвар, рано радуешься, еще посмотрим, кто тут будет кормить воронье!

Пришпорив коня, он бросился навстречу Конану. Их мечи со звоном скрестились, так же как совсем недавно на Священном Турнире, но теперь Ферндин чувствовал, что даже силы, дарованной чудесным напитком с кеубой, ему не хватает, чтобы противостоять натиску могучего киммерийца. Он едва успевал отражать молниеносные удары, сыпавшиеся на него, казалось, со всех сторон. Отбиваясь, колдун все время старался повернуть своего коня так, чтобы его нога могла коснуться ноги киммерийца, — в этом движении была последняя надежда барона: тонкие стальные шипы, укрепленные на носках сапог, с легкостью могли проткнуть самую толстую кожу, один укол — и противник повержен: от яда, которым смазывали свое оружие служители Сета, спасения не было.

Отступая и уворачиваясь, Ферндин изловчился и вонзил шип во что-то мягкое. Вороной жеребец, захрипев и встав на дыбы, вдруг осел и как подкошенный рухнул на землю. Конан, с кошачьей ловкостью высвободившись из стремян, отрыгнулся в сторону, угрожающе подняв меч.

Забыв о черных всадниках, молча стоявших вокруг, Ферндин злобно расхохотался.

— Что, киммериец, еще раз захотел попробовать моего меча?! Ну, так теперь твоя голова будет лежать далеко от тела!

Он замахнулся, привстав в стременах, но тут его конь, жалобно заржал, стал валиться набок: Бёрри, не выдержав, спешился и, подобравшись сзади, подсек лошади барона сухожилия — Ферндин едва успел выдернуть одну ногу из стремени, как животное, падая, увлекло его за собой, всей тяжестью придавив вторую ногу. Он лежал, судорожно пытаясь выбраться, и резкая боль красными кругами застилала ему глаза. Широкий меч киммерийца, высоко поднявшись над противником, со свистом опустился, заслоняя свет солнца, и оскаленная, с выпущенными глазами голова барона Ферндина отлетела далеко в сторону, прямо под ноги одного из черных всадников.

Тяжело дыша, Конан стоял посреди поля:

— Все... Путь пройден, враг убит, но надо сделать что-то еще, что-то еще...

Один из черных рыцарей насадил на пiku окровавленную голову Ферндина и медленно двинулsя в сторону замка. Остальные, не оглядываясь, отправились следом. Но через несколько шагов всадник, что ехал последним, обернулся и повелительным жестом подозвал к себе киммерийца. Перешагивая через убитых, Конан, пошатываясь, приблизился к своему неожиданному союзнику. Взглянул прямо в лицо под причудливым шлемом и постарался побыстрее отвести глаза: таким холодом повеяло из бездонных черных глазниц. Едва шевеля темными губами, всадник проговорил глухим голосом:

— Пламя все пожирает, все уносит... Души обретут покой, обретут покой...

И, тронув поводья, шагом двинулsя к замку.

ГЛАВА 19

Не нравится мне все это... — Голос Рыжего Бёрри вывел Конана из оцепенения. — Не нравится, а ехать туда все равно придется... Вот тебе лошадь, держи поводья. Правда, она не чета твоему коню, да уж какая есть! Эх, жаль вороного, добрая была животина! — Да, Рыжий, ехать придется, надо разыскать те подвалы, про которые говорила старая Мергит. — Конан похлопал ладонью по крупу чалой кобылы, которую поймал для него расторопный Бёрри. — И чем только они кормили своих лошадей! Доходяга, да и только! Хорошо, если до замка довезет, а уж как возвращаться буду — ума не приложу... Разве что в деревне коня купить, тамошние лошади добрые. Ну, поехали, видишь, они остановились, похоже, нас ждут!

Конан вскочил в седло, и они потрусили к мосту, где их поджидали таинственные черные всадники. Увидев, что киммериец следует за ними, они снова не спеша поехали к замку. Услыхав за спиной топот копыт, Конан обернулся — Альграс и еще несколько человек из деревни догоняли их, как видно не очень-то доверяя невесть откуда взявшимся рыцарям. Так они и двигались двумя небольшими отрядами: впереди — черные воины в развевающихся плащах, торжественно, как самую дорогую добычу, несущие на острие копья голову Фернтина, и поодаль — Конан, Рыжий Бёрри и десяток охотников из Бенты.

Замок приближался, его могучие темные стены, казалось, не были сложены человеческими руками, а сами по себе выросли когда-то из земли, как дуб вырастает из желудя. Конан смотрел на серые, источенные временем камни и чувствовал в душе прежнюю тяжесть и тревогу.

Когда он ехал сюда, думал, что, как только его меч пронзит врага — душа сразу успокоится, и на сердце станет легко. Но оказалось, убить врага — это еще не все, путь не пройден, покой не обретен.

Прогрохотав копытами по толстым брусьям подъемного моста, всадники скрылись за створкой полуоткрытых ворот. Конан, Бёрри и все остальные следом за ними тоже въехали во двор. Собравшись посередине, они удивленно оглядывались — черные всадники исчезли, как будто их никогда и не было. Бёрри первый заметил в углу двора слуг, лежавших вповалку с посиневшими, искаженными смертной мукой лицами. Соскочив с коня, Альграс подбежал к ним и бережно приподнял голову рыжеволосой девушки:

— Лаема! Это Лаема, дочь моего соседа! О Митра, что он с ними сделал?! Какие страшные, распухшие у них лица! Только по волосам и можно узнать...

Конан приблизился, вглядываясь:

— Это яд, Альграс! Проклятый Ферндин был одним из служителей Черного Сета, а яды они любят больше всего... Я много раз видел, как умирают от такой отравы. Лучше удар меча прямо в сердце! Смотри, вон еще две девушки и... Бёрри, иди скорей сюда!

Рыжий подбежал к киммерийцу и, проследив за его взглядом, негромко присвистнул:

— Вон оно что... Ну, по правде говоря, я так и думал! Значит, Мергит...

— Да, это ее псы, и если бы не они, нас бы, наверно, здесь не было. Он, похоже, ждет нас!

Огромный черный пес, едва различимый в тени навеса, стоял у небольшой приоткрытой двери, не сводя с киммерийца горящих глаз.

— Клянусь Кромом, в этом обличье они мне нравятся больше, а, Рыжий? Ну, двинулись. — Конан повернулся к силачу-охотнику: — Альграс, пойдешь с нами, а остальные пусть подождут во дворе. Да прихвати где-нибудь крепкую веревку и факел — я думаю, нам все это пригодится.

Киммериец решительно двинулся вглубь двора, туда, где черной тенью мелькнул пес, быстро скрывшийся за дверью. Подождав Бёрри и Альграса, Конан пригнулся голову и вошел в узкий коридор. К его удивлению, невдалеке, там, где ход разбегался в разные стороны, горел факел, воткнутый в щель между камнями кладки. Рассыпая искры, киммериец вытащил его оттуда и осмотрелся, пытаясь понять, куда идти дальше. Левый коридор уходил в темноту, и даже света двух факелов недоставало, чтобы разглядеть, куда он ведет, да и правый коридор был ничуть не лучше.

— Мергит говорила, что погреба находятся в западном крыле. Эй, Альграс, ты бывал когда-нибудь в замке? — Голос киммерийца гулко разносился по пустым переходам.

— Бывать-то бывал, да не здесь, а в господских покоях, когда барон Дисс давал распоряжения насчет охоты. А куда мы идем? Скажи, что ты ищешь, может, я и соображу!

— Где могут быть заброшенные винные погреба? Над ними должны быть парадные покои для самых важных гостей...

— А, это в том конце, где находится королевская опочивальня. Ну, тогда нам надо идти под левому коридору, он, кажется, ведет как раз в ту

сторону.

Обнажив мечи, они осторожно двинулись вперед. Темнота расступалась перед светом факелов, узкий коридор долго вилял, как горная тропа, и уперся наконец в запертую дубовую дверь.

— Тра-ля-ля, — разочарованно пропел Бёрри, — забрели, да не туда! Эх, песик, песик, что же ты не показал, куда идти! Придется возвращаться.

— У тебя, Рыжий, как всегда, только «тра-ля-ля» на уме. Посмотри-ка лучше под ноги да скажи, что это такое. — Конан, упервшись плечом в створку, внимательно разглядывал темные пятна на полу. Альграс, подойдя ближе, посветил факелом.

— Сдается мне, что это кровь, и совсем свежая, — охнул Бёрри. — Как будто несли прирезанного барана... — Он вдруг побледнел и осекся. — А дверь-то, дверь почему заперта? Они что, прямо насквозь прошли?!

— У тебя, Рыжий, после драки голова как-то плохо варит. Сам ведь догадался, что это были за рыцари, а теперь удивляешься: как прошли, как прошли! Держи-ка лучше факелы, а мы с Альграсом толкнем — не может быть, чтобы за столько лет петли не проржавели и кладка не ослабла... Давай-ка навались!

Они вложили мечи в ножны и изо всех сил уперлись в дубовую створку. Та затрешала, но не поддалась.

— А ну-ка еще разок, налегай! Нет, так не пойдет, по-другому надо.

Они отошли на несколько шагов и, разбежавшись, сильно ударили плечами в потемневшее дерево — вывороченные камни посыпались под ноги, дверь с треском сорвалась с петель и рухнула на пол.

— Рыжий, быстро давай факел, посмотрим, что там дальше!

Переступив через порог, они оказались в небольшой комнате без окон. Посередине стоял стол, покрытый толстым слоем пыли, а на нем горел крошечным огоньком маленький светильник. Жалкий язычок затрепетал от потока воздуха, проникшего из коридора, и чуть не погас.

— Помилуй нас Митра, ну и дела! — пробормотал Альграс. — Знаешь, киммериец, я никого и ничего не боялся, а тут мне что-то не по себе... Зачем мы полезли в эти переходы? Зачем тебе старые винные погреба? Ты же видишь, тут обитает какая-то нечисть! Тьфу, тьфу, мало нам было барона Ферндина...

— Не трусь иди за мной! Я знаю, что делаю, потом и ты поймешь. Бёрри, не стучи зубами, язык прикусишь. Ясно, что мы на правильном пути... Хм, а куда дальше? Похоже, по этой лестнице, да она такая трухлявая, вот-вот рухнет...

Конан осторожно нащупал ногой первую ступень полуразвалившейся лестницы, которая вела к темному лазу в потолке. Концы ступеней, заделанные в кладке, угрожающе трещали, а подпорки шатались и грозили подломиться под тяжестью киммерийца. Две ступени рассыпались, едва он коснулся их ногой, но все же ему удалось благополучно добраться до темного отверстия. Ненадолго скрывшись, Конан наклонился вниз и крикнул:

— Лезьте сюда, только осторожно! Лестница выдержала меня — значит, и вас выдержит. Ты, Бёрри, первый, Альграс за тобой!

Легко, словно белка, Рыжий взлетел по гнилым ступеням и скрылся в темном проеме. Альграс поднимался медленно, ощупывая каждую доску и цепляясь пальцами за осыпающиеся камни холодной стены. Когда он, кряхтя, перебрался с последней качающейся ступени на твердый пол, внизу, за его спиной, раздался грохот и старая лестница рухнула, отрезая им путь назад. Крошечный светильник в последний раз мигнул и погас. Отступив подальше от края, Альграс хрюплю выругался:

— Тьфу, дерньмо нергалье, и завел же ты нас, киммериец! Похоже, баронские сокровища ищешь? Так его казна не здесь, она хранится у герцога в Мэноре. Знал бы — ни за что за тобой не пошел бы!

Конан осматривался, не обращая внимания на ворчание рассерженного Альграса. Они попали в огромный зал, когда-то богато убранный и украшенный резными деревянными панелями с позолотой. Сейчас вся позолота облупилась, вместо дорогих тканей на стенах болтались пыльные лоскутья, дневной свет едва пробивался в щели толстых ставней. В углу грудой были свалены старые колченогие столы и поломанные кресла. Кроме большой парадной двери киммериец разглядел в полумраке еще пару дверок, расположенных в разных концах зала. Он сразу решил, что на парадную дверь не стоит обращать внимания, махнул рукой в сторону одной дверцы, а сам направился к другой. Бёрри, взяв факел из рук хмурого Альграса, быстро пошел в темный угол и, присев на корточки, стал рассматривать пыль и клочья паутины. Тихий скрип, раздавшийся рядом, заставил его мгновенно вскочить и схватиться за меч. Но это всего лишь покачивалась створка, едва державшаяся на одной изъеденной ржавчиной петле. Осторожно толкнув ее рукой, Бёрри с опаской заглянул в темноту хода, и тут же под сводами зала, вспугнув летучих мышей, заметался его крик:

— Здесь! Конан, смотри, они были здесь! Киммериец в несколько прыжков оказался рядом с Бёрри. Альграс неохотно сдвинул с места и тоже пошел посмотреть, что же такое там увидел Рыжий. Конан и Бёрри

снова понимающие переглянулись, а Альграс отпрянул на несколько шагов:

— О Митра, огради нас от всякой нечисти! Это волчьи следы! Пошли отсюда, я с оборотнями больше не сражаюсь, я не колдун и не маг, да и вы, сдается, тоже... Киммериец, ты что, с ума спятил, не сложил голову в поле, так здесь оставить хочешь? Ну, так сам бы и шел, а нас-то зачем потащил?!

— Да замолчишь ты наконец или нет?! — рявкнул Конан в сердцах. — Я-то думал — вот стоящий человек, вся деревня его уважает, на медведя ходил, не боялся, а ты — увидел в пыли собачьи следы и уже на стенку лезешь со страха! Смотри лучше, где же волчьи, когда собачьи?

Альграс присел рядом на корточки и всмотрелся внимательней:

— Да... и впрямь вроде песни... Но откуда здесь собаки? Нет, киммериец, говори что хочешь, а это все-таки оборотни! Смотри, ведь здесь, в зале, ни одного следа, а тут они начинаются прямо за дверью! Ну, что скажешь, прав я или нет?!

— А то и скажу, что ты помалкиваешь и идешь за мной, возвращаться нам все равно уже некуда — или хочешь шею сломать, прыгая вниз? Пошли, смотри, даже Бёрри уже не трясется. Светите лучше, где-то должен быть спуск — мы забрались довольно высоко, а мне нужны погреба. Старые винные погреба!

Нырнув в низкую дверцу, Конан решительно двинулся вперед. За ним, все еще поеживаясь, но стараясь не отставать, топал Бёрри, а сзади; крепко сжимая в руке меч и изредка оглядываясь, поспешал Альграс. В лесу ему был знаком каждый шорох, крик птицы говорил о приближении зверя, примятая трава подсказывала дорогу, а здесь, в этих темных затхлых коридорах, он чувствовал себя словно заживо погребенный. «Бр-р-р!

Не хотел бы я быть бароном или даже герцогом и всю жизнь жить в таком каменном мешке!» — с содроганием подумал охотник, прислушиваясь к звуку шагов своих спутников. Внезапно Конан и Бёрри остановились, и Альграс с размаху налетел на них, чуть не проткнув Рыжего мечом.

— Да убери ты его, друг, а то прольешь тут мою безвинную кровь. — Бёрри пихнул его кулаком в бок, приводя в чувство. — Конан знает, что делает, и сражаться нам, я думаю, не придется! Да только почему эта лестница опять ведет вверх, а не вниз?! Может, мы не туда свернули?

— Нет, следы ведут сюда, и капли крови тоже... Хорошо хоть лестница каменная. Проклятые переходы, и зачем их столько понаделано? Что здесь, что там, в Мэноре...

— Ну, в Мэноре дело другое... Я бы согласился каждую ночь пробираться по таким ходам, лишь бы меня там поджидало то же, что и

тебя!

— Чего уж проще! Сначала подставь свою голову, а потом и наслаждайся. Ну, хватит языком трепать, пошли! Альграс, ты меч-то убери, а то и правда продырявишь Рыжего — кто нам вечером петь станет?

Немного приободрившись от их уверенных голосов, охотник вложил меч в ножны и полез по крутой каменной лестнице. Они снова огибали какие-то выступы и углы и наконец подошли к такому же крутому спуску. Редкие темные пятна на полу показывали им дорогу, и они, держась за стену, медленно двинулись вниз по ступеням.

Похоже, это они и были — старые винные погреба. В стене горел факел, освещая тусклым светом закопченный сводчатый потолок, истертый каменный пол и большую плиту с железным кольцом. Вокруг плиты, как черные изваяния, сидели семь черных псов, не сводя с людей горящих красных глаз.

Немного в стороне, уставившись куда-то вбок невидящим взглядом, валялась голова Ферндина; видно было, что ей изрядно досталось от собачьих зубов — щегольская бородка и воинственные усы превратились в жалкие клочья, длинные черные волосы, за которые псы тащили голову, сбились в безобразный колтун. Конан подошел ближе и склонился над останками врага.

— Бёрри, смотри: вроде как он — и не он! Ферндин ведь был ненамного старше меня, а это — башка дряхлого старика, даром что волосы черные...

— Колдовство, друг Конан, колдовство! Эти проклятые маги и столетнюю старуху могут обратить в невинную девушку, уж ты-то об этом знаешь получше меня! Помнишь, рассказывал про ту милашку, которая так и вешалась тебе на шею?

Псы смотрели на них и словно ждали чего-то. Конан подошел к Альграсу, с опаской косившемуся на собак, и взял висящую на его поясе толстую веревку.

— Должна выдержать... Ну-ка я сейчас привяжу ее к кольцу, и попробуем сдвинуть плиту. Раз, два — Бёрри, подсунь чего-нибудь под край! Так, хорошо! Еще немного! Пошла!

Плита со скрежетом сдвинулась с места и, царапая пол, отъехала в сторону. Альграс и Конан, выпустив веревку, хотели было заглянуть в зияющее отверстие, но угрожающее рычание заставило их отступить на шаг назад. Один за другим псы прыгали вниз и исчезали в кромешной тьме. Последний, сверкнув глазами, схватил обезображенную голову Ферндина, яростно потрапал, колотя ее о камни, и метнулся вслед за

остальными.

Некоторое время царила тишина, потом Конан взял факел и, заглянув вниз, сказал:

— Ничего не видно, глубоко и темно. Надо спускаться! Здесь тоже есть лестница.

Мгновение — и он скрылся в подземелье, оставив Альграса и Бёрри наверху. Прислушиваясь к его затихающим шагам, они поспешно стали спускаться следом.

Конан молча стоял, освещая факелом груду костей, почти дочиста обглоданных крысами. Остатки когда-то богатых одежд говорили сами за себя: это были они, несчастные сыновья барона Дисса...

Альграс застонал и упал на колени:

— О Митра! Теперь я все понял! Это их души блуждали по замку в облике черных псов, это они помогли разделаться с Ферндином!

— Да, Альграс, это они! Ферндин убил и старого барона, и баронессу, и их сыновей, а теперь и его собственная голова оказалась в этом подвале! Но где же она? Бёрри, где голова этого негодяя?!

Бёрри, не отвечая, стоял к ним спиной и пытался острием кинжала извлечь из стены какой-то камень. Подойдя поближе, они увидели, что он расшатывает кладку из светлых камней, которыми была заложена одна из ниш для бочек. Не сговариваясь, Альграс и Конан выхватили кинжалы и с осторожностью стали врубаться в кладку. Закаленная сталь звенела, во все стороны летела каменная крошка, и вскоре в образовавшееся отверстие можно было просунуть руку. Приблизив лицо к дыре, Конан невольно отшатнулся — смрад разложения ударил в ноздри, тошнота подкатила к горлу. Закашлявшись, он с удвоенной силой принялся крошить податливый камень. Один за другим отваливались светлые куски, открывая глазам неглубокую нишу. Стаяясь туда не смотреть, Бёрри орудовал затупившимся кинжалом, сражаясь с камнями, как с живым врагом. Из-под рук киммерийца и уразумевшего наконец, в чем дело, Альграса отлетали целые глыбы. Вскоре кладка была разобрана. Взяв в руки факелы, они подошли ближе и заглянули внутрь. Да, это была она, Мергит! Едва увидев псов, сидящих вокруг плиты, Конан уже понял, кого они повстречали в лесу. И теперь он узнал это платье, головной убор и волосы, густой волной укрывавшие плечи... Только вместо лица на него пустыми глазницами看了 голый череп, оскалив белоснежные зубы в торжествующий ухмылке... Невольно опустив глаза, киммериец увидел у ее ног голову Ферндина. Прикованные к стене руки словно тянулись вниз, и Конан, не выдержав, взмахнул мечом, перерубая цепи. То ли вздох, то ли стон

раздался в подземелье — и остав женщины рухнул на голову своего врага.

— Все... Теперь нужно исполнить их последнюю волю. Сейчас мы как-нибудь выберемся отсюда, и надо будет перетащить в подвал и другие комнаты замка все дрова, весь хворост, какой тут только есть... Если будет мало — подвезете из деревни. Идем, надо сегодня же все успеть!

Не оглядываясь, Конан пошел наверх, за ним заторопился и Бёрри, а Альграс все еще стоял на коленях среди разбросанных камней и бормотал слова поминальной молитвы.

... Солнце уже клонилось к закату, когда были уложены последняя охапка дров и вязанка хвороста. Во дворе замка собрались чуть ли не все жители Венты, которым Альграс рассказал все, что видел сам и о чем узнал от киммерийца. Конан стоял на широкой лестнице, оглядываясь и кого-то ища глазами.

— Куда он запропал, бедовая голова? Еще немного-и надо будет поджечь хворост, а его все нет... Неужели где-нибудь нашел кувшин с вином и присосался напоследок? Эх, Рыжий, Рыжий, придется, видно, снова обшаривать весь замок...

Но тут из ворот конюшни выглянула знакомая физиономия и, тряхнув встрепанными волосами, уставилась вверх, прямо на Конана. Киммериец открыл было рот, чтобы привычно выругаться, но Бёрри прижал палец к губам и замахал рукой, призывая его к себе.

Конан велел Альграсу еще немного подождать и, быстро сбежав по ступеням, заторопился к конюшне.

— Рыжая бестия, я уж думал, что придется сжечь тебя живьем вместе со всеми этими покойниками! Где ты шляешься, Нергал тебя задери? Отвечай, что жмуришься, как сытый кот?! Получишь добрую затрещину, так живо перестанешь ухмыляться! Я тут...

Бёрри перебил варвара:

— Ты вроде говорил, что у тебя в Редборне больше нет никаких дел? Ферндин убит, замок скоро сгорит, и можно будет отправляться на все четыре стороны...

— Ну да, чего тянуть? И так я за этим ублюдком слишком долго охотился... Погоди, погоди, Рыжий! А меч-то! Тьфу, проклятый Ферндин! Со всеми этими мертвцами чуть не забыл о самом главном! Да ведь я только что был в конюшне, когда искал тебя, — там пусто, где же может быть жеребец? А доспехи и меч наверняка в баронских покоях, наверху. Надо подняться туда, пока еще...

— Да не кипятись ты, иди сюда, я тебе что-то покажу. — И Бёрри за руки потянул приятеля куда-то в темный угол, где кучей лежала прелая

солома. — Смотри, сколько в этом замке потайных дверей! И до чего же приятно, когда в некоторых торчат ключи, как в этой, например. Видишь?

Глаза киммерийца, одинаково хорошо видевшие и днем, и в полумраке, уже разглядели невзрачную, но крепкую дверь, обитую поперечными железными полосами. Огромный ключ торчал в скважине, и Бёрри, торжествуя, два раза повернул его, отпирая замок. То, что открылось их глазам, заставило киммерийца восхищенно выругаться. Хлопнув Рыжего по плечу, он вошел следом за ним в просторную комнату с зарешеченным окном под самым потолком. Привязанный к стальному кольцу, вбитому в стену, прямо перед ним стоял золотистый жеребец и, глядя на него горящими глазами, нетерпеливо потряхивал светлой гривой.

У противоположной стены, словно в оружейной, стояла широкая лавка, покрытая дорогим ковром. На ней были разложены герцогские доспехи — награда победителю Священного Турнира, — а на стене висел меч в богато отделанных ножнах. Не глядя на доспехи, Конан подошел к стене и снял клинок. Вынув его из ножен, всмотрелся в сверкающее лезвие. Да, это был тот самый меч, за обладание которым он сражался на Турнире: вот священный знак Митры, а вот и герцогский герб...

Конан вздохнул полной грудью и обвел глазами тайник: снова увидел коня, доспехи, Рыжего Бёрри, глядевшего на него с плутовской ухмылкой, и словно стальной обруч, сжимавший до сих пор его грудь, наконец лопнул — стало легко, снова захотелось смеяться, мчаться во весь опор неведомо куда, звеня доспехами и подгоняя горячего коня... Золотисто-рыжего коня!

Огонь, словно ненасытный зверь, заполыхал сразу в залах и подземельях старинного замка, пожирая сначала дрова и хворост, а потом жадно перекинулся на резную обивку стен, ткани и потолочные балки. Отъехав подальше, Конан, Бёрри и жители Бенты смотрели, как из узких окон валит дым и вырываются языки пламени. Пожар уже бушевал вовсю, занялись кровли смотровых башен, дым, завиваясь, поднимался к небу, сливаясь с темными закатными облаками...

— Смотрите, смотрите, что это?! — раздались позади испуганные возгласы.

Бёрри похлопывая по крутой шее всхрапывающую Зольду, прошептал:

— Это они, Конан, они получили то, что хотели...

Чернее самого черного дыма, один за другим возникали из бушующего пламени огромные всадники и, безмолвно подгоняя коней, устремлялись вверх, к оранжевым небесам. Один, второй, третий...

Вот и седьмой вынырнул из огня, и в тот же миг с треском и грохотом обвалилась крыша; пламя столбом взметнулось над раскаленными

камнями, взревев, словно разъяренное чудовище. Всадники, сделав круг в вышине, словно прощаясь с родным пепелищем, помчались дальше, к облакам, и вскоре слились с клубами дыма.

— Ты видел ее, Конан?

— Да... Она сидела на коне последнего призрака, и ветер трепал ее волосы...

— Могу поклясться, что она махнула нам рукой. — Бёрри смахнул непрошеную слезу и шмыгнул носом.

— Ну ладно, все, пусть теперь догорает.... Поехали в деревню, отдохнем, перекусим, а утром — в путь.

— В Мэнору, к герцогине? — Бёрри, все еще шмыгая носом, скосил на Конана лукавый глаз.

— Знаешь, Рыжий, я, пожалуй, попрошу тебя передать Лавинии... тьфу, передать ее светлости этот меч и заодно рассказать про все, что здесь было... Ведь ты мастер складно рассказывать! Она тебя щедро наградит за такую весть, вот увидишь — до следующего праздника будешь беспробудно пьян и весел!

— А ты, друг Конан, почему ты сам не хочешь отвезти ей меч? Ведь она так просила тебя вернуться, так смотрела тебе в глаза!

— Нет, Бёрри, я не вернусь в город, где видели мое поражение. Там мне делать больше нечего. Я провожу тебя через лес, а потом мы расстанемся: ты поедешь в Мэнору, а я...

Он замолчал и задумался. Бёрри, засмеявшись, ткнул приятеля кулаком в бок:

— Хочешь, я опять угадаю, куда ты собрался? Конан, потрепав по мягкой гриве золотистого коня, широко улыбнулся, сверкнув зубами:

— Да ты, старый плут, угадал это еще тогда, когда мы ехали в Редборн!